

СТОЛИЦА

иллюстрированный еженедельник

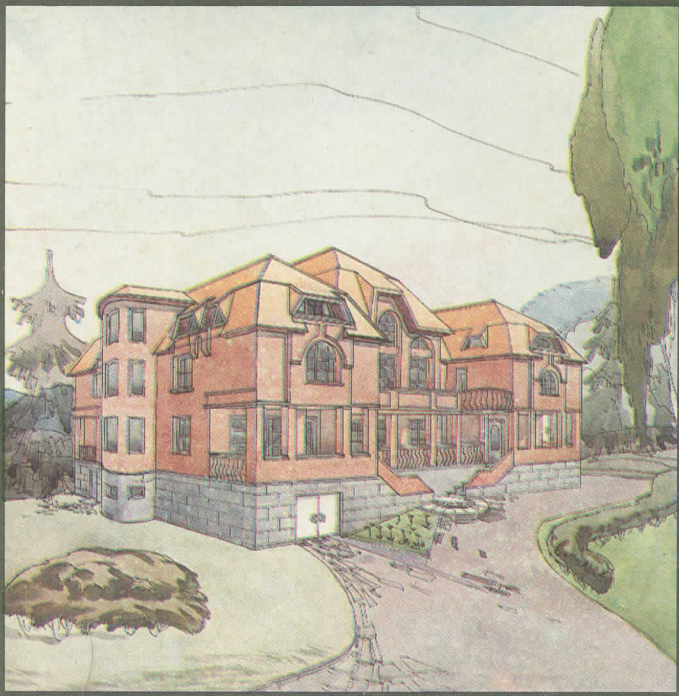
№36 (146) 1993г

**«New russians» —
новые персонажи
нашей жизни**

ЗАГОРОДНЫЕ ВИЛЛЫ —

«ПОД КЛЮЧ»

Объединение «Интекс» — одна из ведущих фирм, занимающихся строительством загородных домов. Дома, построенные «Интексом», соответствуют мировому уровню комфортности. Фирма располагает собственной строительной базой и современной строительной техникой. Квалификация персонала позволяет строить с европейским качеством.

Фирма ведет строительство в наиболее известных и престижных районах ближнего Подмосковья: Жуковка, Барвиха, Раздоры, Николина Гора, Уборы и оказывает содействие в приобретении земельных участков под строительство.

Заказчику есть из чего выбирать: в каталоге фирмы — более 30 проектов. Возможна разработка и индивидуального проекта. «Интекс» строит «под ключ», при желании внутренняя отделка может быть полностью импортной. Объединение строило загородные дома для многих известных людей России. Недвижимость — лучшее вложение капитала!

Тел: (095) 180-85-93
(095) 180-40-31
Факс: (095) 180-85-98

ВЛАСТЬ КОМПРОМАТА ИЛИ КОМПРОМАТ НА ВЛАСТИ

Николай ТРОИЦКИЙ

Политическая борьба в России вышла за пределы чистой политики.

Государственные мужи ринулись изобличать друг друга в деяниях, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

Конечно, они и раньше не слишком церемонились. Но взаимные упреки не шли дальше какого-нибудь «саботажа реформ» или «нарушения Конституции». Это было почти культурно, в традициях разделения властей и иногда даже в рамках цивилизованной полемики. Теперь политики не полемизируют, а только компрометируют (оппонентов или самих себя — уж кто как понимает). Да и зачем искать аргументы в споре, если можно поискать криминал?

Так и поехали. Сначала вице-президент Александр Руцкой обвинил бывших и нынешних руководителей правительства — Егора Гайдара, Геннадия Бурбулиса, Михаила Полторанина, Владимира Шумейко — в преступной халатности, коррупции и незаконной торговле Россией. Затем генеральный прокурор Валентин Степанков возбудил уголовное дело против Шумейко и Полторанина, позабыв, правда, предъявить им обвинения по какой-нибудь статье. Но намекнул, что дело пойдет не то о хищениях, не то о превышении власти. И, наконец, председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов, сославшись на бывшего замминистра МВД Андрея Дунаева, «уличил» Полторанина в получении взятки от президента Чеченской республики Джохара Дудаева.

После этого экзотического выпада спикера чаша терпения противной стороны, видимо, переполнилась. Межведомственная комиссия по борьбе с коррупцией, возглавляемая самим президентом, дала ответный залп. Руцкого обвинили в порочных связях с фондом «Возрождение», который вроде бы занимался не столько возрождением России, сколько не совсем законной коммерцией. Кроме того, начальник контрольного управления администрации президента Алексей Ильющенко заявил, что вице-президент «имеет отношение» к какому-то валютному счету в каком-то швейцарском банке. Но с Руцким еще обошлись по-божески. А вот генерального прокурора Степанкова министр юстиции Юрий Калмыков, сослав-

шись на таинственного коммерсанта Дмитрия Якубовского, обвинил ни много ни мало в попытке организации убийства адвоката Андрея Макарова (он же — начальник Управления обеспечения деятельности вышеупомянутой межведомственной комиссии).

После этого осталось только обвинить Хасбулатова в совращении малолетних депутатов, а главного банкира Геращенко — в печатании фальшивых купюр. Известно, что прокуроры недолюбливают адвокатов (и наоборот), но не до такой же степени!

Если хотя бы половина приведенных выше обвинений сопровождалась осязаемыми вещественными доказательствами и уликами — то едва ли не всю федеральную власть можно было бы усадить на скамью подсудимых. Да вот беда: обвинений — пуды, а доказательств — ни на грамм. Редкого политика волнует пресловутая презумпция невиновности. Но хоть бы следствия дождался! Впрочем, что следствие? До суда дойдут разве что многочисленные иски по обвинению друг друга в клевете и по защите чести, достоинства, которые наобещали подать все упомянутые высшие государственные чиновники. А так как истцы и ответчики заняты многотрудной деятельностью по руководству государством и на судебные тяжбы у них нет времени, то «процесс века» по разбирательству высокопоставленной «клеветы» начнется не скоро и затянется не хуже дела ГКЧП.

Некоторые удивятся: как это нет доказательств? А чемоданы компромата? А заявления спецпрокурора Николая Макарова? А документы спецадвоката Андрея Макарова? А записи международных разговоров спецкоммерсанта Дмитрия Якубовского, звучавшие по центральному телевидению на всю страну?

Но вся эта грандиозная вакханалия судебных обвинений, обреченная на то, чтобы закончиться пшиком, напоминает один весьма поучительный эпизод из позабытой истории позднего Советского Союза. Один мой знакомый журналист, выискивая исторические параллели криминалистических политиков, сказал, что их обуял «синдром Гдляна». Пожалуй, это уже целая эпидемия. А Тельмана Гдляна вспом-

нили очень кстати.

Авторство «чемоданной» традиции сбора компромата на политических противников напрасно приписывают вице-президенту Руцкому. Все его чемоданы вышли, как из гоголевской шинели, из нескольких загадочных папок Гдляна, в которых великий сыщик восьмидесятих годов хранил, по его словам, компромат на все сильного секретаря ЦК КПСС Егора Лигачева. Тельман Хоренович обвинил Егора Кузьмича во взятках. Обвинил громоздочно, на митинге. А потом, когда обрадованные избиратели сделали его народным депутатом СССР, повторил то же самое и с парламентской трибуны. Гдлян, помнится, клялся, что у него есть доказательства, они хранятся в папках, а папки в надежном месте; и все обещал, что наступит час, когда он эти доказательства предъявит.

Уже Лигачев на пенсии, пишет мемуары. Уже власть сменилась. Уже Гдлян возглавляет Народную партию России и витийствует на конституционном совещании. А тех самых папок мы до сих пор не видели. Наверное, время еще не пришло...

Но не стоит осуждать бедного Гдляна. Подмогой ему был только такой же следователь-одиночка Иванов. Из прокуратуры их выгнали. Лигачев, даже если и не брал взятку (а раз не доказано судом — значит, не брал!), — фигура малосимпатичная и явно торпедировал реформы (тогда они назывались еще перестройкой). И стоило его убрать с пути прогресса. Недозрелые демократы из Межрегиональной депутатской группы полагали, что в борьбе с партократами все средства хороши. Если и не поддерживали Гдляна, то помалкивали и не мешали ему обличать коммунистических вождей во всех смертных грехах, пусть даже и бездоказательно. Время было другое.

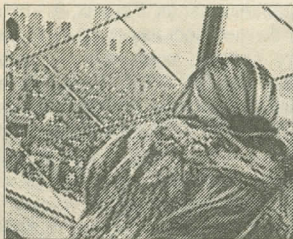
Но то, что простительно незадачливому следователю и его друзьям, не очень хочется прощать должностным лицам посттоталитарной России. Ни вице-президенту, ни генеральному прокурору с заместителями, ни опытному адвокату, ни министру юстиции. Кстати, наши власть имущие пообтесались за годы демократии: знают, что со своими исками и обидами надо обращаться в суд. Ведь несчастный Егор Лигачев, потрясенный гдля-

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

М.Поздняев:

Неужто всякое освобождение влечет за собой одиозность? И всякая реформа — запустение? Неужто — это только у нас так? Неужто так в России от века: пока давят, жмут, держат в ежовых рукавицах — светло, аж глаза слепнут. А чуть воли дадут — и будто в курной избе...

6 Фото Э. Куярвического

С.Закржевская:

Ситуация перевернулась — были невыездные, стали невездные. В мирное время, когда нет экстремальных ситуаций, не пускать мать к дочери просто чудовищно. Почему нужно оставлять заложников (родных) и давать какие-то гарантии?

10

В.Воронов:

Руководство химвойск никогда не признавало факт проведения подобного рода опытов над людьми. Не признаёт. И никогда не признает...

12

2 ЭКОНОМИКА

Б.Денисенко:

Сейчас состояние российской экономики и материальное положение наших граждан таково, что, по-видимому, задуманная первоначально схема финансирования программ обязательного медицинского страхования будет уже не по силам ни гражданам, ни государству...

22

О.Кузьмин:

В России покупатель рискует быть обманутым на каждом шагу. Майки «Адидас», изготовленные на соседней улице, испанское «Мартини» с привкусом уксуса, вино из Порто (портвейн) курского розлива и даже сыр «Русский Камамбер», что не менее дико, чем «Сыр Французский Вологодский».

25

На 1-й странице обложки: Сергей Шерстюк. Играй, дурак. Из серии «Русская рулетка», 1990.

3 ЖИЗНЬ

К.Климова:

Следующим свидетельством общности судьбы молодой женщины и дома стал новый документ: постановление о возбуждении уголовного дела. Оба оказались обобщенными.

32

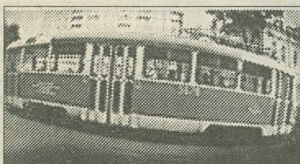
Е.Салина:

С новой камерой, как с любимой, Сергей не расставался ни на минуту, и в тот вечер, нежно упакованная, висела она у него в сумке на плече. Наушники плеера хорошей музыкой ограждали от мерзостей бытия, а ноги автоматически вели к дому... Удар по голове оказался такой силы, что память отключилась мгновенно...

35

Н.Алякринская:

Те, чей ежедневный маршрут связан с травмаем, знают, что его можно прождать и полчаса, и час, а если время близко к полуночи, то и вовсе не дожидаться.

40

4 КУЛЬТУРА

А.Лукьянов:

Большевизм пал, и мне показалось, что новые времена требуют новых песен. «Что делать дальше, без песни по жизни», — думал я. И в конце концов осел на телевидении.

50

Д.Быков:

Раньше было принято так-то и так-то отзывать о том-то и том-то. Теперь принятых тем не существует. Есть процесс выживания в условиях двое-без-властия. В этой ситуации человек смотрит телевизор не потому, что ему интересно, а потому, что боится оставаться в комнате наедине со своими мыслями.

52

А.Ким:

Он стал мужественным и сильным псом, этот белый щенок... В то утро он вылезал из пшеницы, раздвигая мокрыми щеками синие васильки, а потом бежал по ярко освещенной солнцем зеленой поляне, весь сияюще белый, как клочок облака, упавший на траву...

57

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84
Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни: Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 03.09.1993 г.
Тираж 92 000
Цена договорная

Над номером работали:
В.Цыбульский, Н.Ударцева, Р.Катеева

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905г., д.7. Зак. 3993

новской крамолой, с перепугу накатал заявление союзному прокурору: «Спасите меня от травли и охаиваний!» Но оттого что российские госчиновники научились правильно защищать свои «честь и достоинство», ни чести, ни достоинства у них не прибавилось. Даже если они не торговали Россией и не замыслили убийств.

Самое смешное, что уголовные обвинения, направленные в адрес непримиримых политических противников, похожи друг на друга как близнецы. Взять хотя бы Шумейко и Руцкого. Казалось бы, антиподы. Вице-премьер уже давно собирается подавать в суд на клеветника-вице-президента. А компромат им «шьют» один и тот же.

На чем же «поймали» Шумейко? Оказывается, он, будучи еще заместителем председателя Верховного Совета, попросил генерального директора «Росагрохима» Ольшанского посодействовать в выделении 20 миллионов долларов для закупки детского питания за рубежом. Не сам, на своем бланке, попросил, а поставил резолюцию в левом верхнем углу. Доллары выделители, утверждает Степанков, они куда-то ушли, а детское питание так и не пришло. Ну и что? А вот мы видим такую же бумажку. Того же самого Ольшанского просит выдать 20 миллионов долларов, опять-таки на закупку детского питания, уже не Шумейко, а вице-президент Руцкой. И тоже не сам, на своем официальном бланке, а по доброй чиновничьей традиции ставит резолюцию в левом верхнем углу. И тут незадача, заявляет уже адвокат Макаров: доллары ушли, а питание не пришло.

И Руцкой, и Шумейко боятся, что детское питание пришло, что его уже съели российские дети. Ну, может быть, не сразу пришло. Ну, где-то покрутились эти «гуманитарные» доллары, кто-то погрел на них руки... Но при чем здесь Шумейко и Руцкой? Ну, может быть, хобби у них такое — просить Ольшанского закупать детское питание за рубежом? Да и Ольшанский ничего плохого не сделал: его концерн — монополист по экспорту удобрений, для него эти миллионы долларов — капля в море. Да и концерн у него государственный, его просят дать валюты, он выделяет. Да ведь не из казны, а из собственных средств Агрохима. На благородное дело. Что ж теперь, детского питания больше не закупать?

А за то, что случилось с этими миллионами долларов по дороге к нашим детям, ни Руцкой, ни Шумейко, ни даже Ольшанский не могут нести никакой юридической, а тем более уголовной ответственности. По крайней мере до тех пор, пока не представят реальных доказательств их корыстных намерений и личного обогащения.

Возможно, эти доказательства и скрыты в каких-нибудь чемоданах. Но боюсь, что мы их увидим не раньше, чем документы из папок Гддяна.

Компромат идет по коридорам власти косяком. Если в «Белом доме» обличительствует солидная публика, не ниже заместителей генпрокурора, то кремлевская межведомственная комиссия поль-

зуется, в основном, услугами куда более скромного по социальному статусу информатора — бывшего представителя МВД, МБР и Агентства правительственной связи при правительстве России, бывшего (или действующего?) советника генерального прокурора, а ныне — преуспевающего коммерсанта Дмитрия Якубовского. Проживает он не то в Канаде, не то в Швейцарии, в России бывает наездами.

В одном из телеинтервью, правда, Якубовский заявил, что разыскал чуть ли не все счета российских богачей в швейцарских банках и знает способ, как вернуть эти деньги на родину. Может быть, и вернет когда-нибудь. Пока звонит старым знакомым, наводит их на какой-нибудь компрометирующий разговор, обязательно записывает все на пленку, а затем присылает эти пленки в Москву. Здесь их охотно прокурывают по телевидению и публикуют расшифровки. Понять что-нибудь конкретное из этих расшифровок, кроме обильной матерщины самого Якубовского и нечленораздельных фраз его собеседников, невозможно.

Собственно говоря, репутация Якубовского — это частное дело. На ее безупречности не настаивают даже кремлевские борцы с коррупцией. Он, конечно, сильно напоминает «Гддяна новой формации», хотя методы у него — еще более сомнительные. Но если опытный адвокат Макаров (незаметно переквалифицировавшийся в обвинителя), начальник контрольного управления администрации президента Ильюшенко и сам министр юстиции Юрий Калмыков (доктор юридических наук, одно время возглавлявший Конгресс кабардинского народа и близкий к пресловутой Конфедерации народов Кавказа, ныне предпочинаяющий не вспоминать кавказские странички своей биографии) не нашли более надежного и убедительного источника компромата на врагов реформ, чем Дмитрий Якубовский, — то это их профессиональные трудности. Да и то, что министра безопасности Баранникова сняли за легкомысленную поездку на Запад его жены (опять приходится верить на слово все тому же Якубовскому, который предпочитает туманные двусмысленности и намеки пополам с матерщиной четким и понятным формулировкам), — не страшно.

А вот то, что опорочили генерального прокурора — не лично господина Степанкова, нагневшего еще в ходе предварительного следствия по делу ГКЧП, а фигуру, занимающую столь высокий пост, — совсем нехорошо. И еще хуже то, что прокурор сам этому поспособствовал — он мог бы извлечь уроки из биографии своего бывшего коллеги Гддяна. Но...

Но у нас нет альтернативной прокуратуры. Ее не вправе подменить собой ни чрезвычайная парламентская комиссия (которой пока, слава Богу, нет), ни межведомственная комиссия по борьбе с коррупцией (которая уже есть и активно работает), даже если ее возглавляет хоть президент, хоть Господь Бог. Кроме прокуратуры, некому надзирать за законностью, проводить следствие по особо важным

делам и бороться, черт возьми, с коррупцией. А если прокуратуре оказано высочайшее недоверие, то тогда поневоле приходит на ум донельзя затасканное тюремное слово «беспредел» во всей его первоначальной, лагерной свежести.

Некоторые политические деятели уже запаниковали. Поговаривают о «новом 37-м годе», тройках, трибуналах, терроре, внесудебных расправах. Но это — все. Никого из скомпрометированных госчиновников не то что не сажают и не расстреливают, даже и не судят. И из партии их теперь не исключишь: ни в «партии реформ», ни в «партии реванша» (воспользуемся терминологией Геннадия Бурбулиса) не предусмотрено партийных билетов.

Какой уж тут 37-й год! Чистый фарс! Когда при несостоявшемся обыске в кабинете у Михаила Полторанина присутствует лично председатель парламентского комитета по правам человека Сергей Ковалев (видимо, более бесправного человека в России, чем Полторанин, не нашлось), а Бэлла Куркова истерически предупреждает о грядущем аресте Михаила Никифоровича и, похоже, готова немедленно уйти вместе с ним в подполье — вспоминается что угодно, только не бериевские застенки.

И когда стреляют, где-то в Торонто, по фарам автомобиля Дмитрия Якубовского — тоже не слишком страшно. Правда, заявление начальника Главного управления охраны президента о том, что его люди займутся расследованием покушения на Якубовского, — вызывает недоумение. Какое отношение имеет бизнесмен к президентской охране? И кто это позволил ей заниматься расследованиями, да еще на территории другого государства? Неужто Главное управление охраны берет на себя одновременно функции прокуратуры и министерства безопасности?

Ну а когда в самом центре Москвы обстреливают окна кабинета министра печати и массовой информации Михаила Федотова (министр, правда, ушел в отставку, но это не повод, чтобы по нему стрелять) — к недоумению примешивается страх. Простое хулиганство? Но откуда вооруженные хулиганы узнали расположение кабинетов в министерском здании и почему выбрали столь странную мишень?

Милиция говорит, что ночная стрельба в центре столицы — нормальное дело. В столице Чечни или Грузии — это понятно, но в столице России?!

Может быть, это не такой уж и фарс?

Борьба вышла далеко за пределы чистой политики. Не говоря уж о чистых руках и чистых помыслах. Не хочу никого обвинять, тем более, что и доказательства нет. За сбором криминала власти позабыли о борьбе с коррупцией. Зато подозрительно запахло обычной уголовщиной.

Вокруг да около парламента

«Артподготовка», обещанная президентом Ельциным на август, похоже, материализовалась в идее создания Совета Федерации. В идее, которая исходила «снизу», то есть от руководителей бывших автономий. Судя по свежей реакции некоторых из этих руководителей (например, президента Саха-Якутии М. Николаева), последние сильно раскатали губы, что им вот-вот засветит «поругать» не только своими «субъектами», но и всей Россией-матушкой, возведя нынешний Совет глав республик, краев и областей в ранг властной структуры. А именно — верхней палаты будущего российского парламента, в какую же должен превратиться Совет Федерации... Правда, до поры до времени эта возделенная цель и не афишируется открыто: вслух пока всех вокруг успокаивают, что образуемый Совет Федерации, мол, будет всего лишь «консультативно-совещательным» органом, а — тыфу-тыфу-тыфу, упаси Боже! — совсем не властным...

Эту идею, поданную «снизу» на совещании глав субъектов Федерации 13 августа в Петрозаводске и поддержанную «сверху» — президентом России, — встретили, как водится, в штыхи в Верховном Совете РФ: в соответствии с уже сложившейся «доброй традицией» любая идея, одобренная президентом, с порога отвергается народными избранниками. Отвергнута, само собой, и эта.

Причем такое впечатление, что особое раздражение вызвала в парламенте не столько сама по себе идея создания Совета Федерации (в нее, похоже, депутатам и вдумываться-то было лень), сколько тот прямо-таки вопиющий факт, что одним из ее инициаторов и пропагандистов явился не кто иной, как мятежный заместитель спикера российского парламента Николай Рябов...

Стоило просиживающему без дела в президиуме заму спикера Рябову от «правого микрофона» робко заикнуться о включении в повестку дня сессии его информации об упомянутом совещании в Петрозаводске, в котором он участвовал, чтоб доложить о его решениях (о чем Рябов уже, кстати, по-

ПЛОХОЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ХОРОШЕГО СПИКЕРА...

бещал ряду глав субъектов Федерации), как его тут же поставили на место: председательствующий, наш мягкий и интеллигентный спикер, непосредственный начальник бедного зама, цыкнул на подчиненного в том смысле, что, мол, проинформировать, конечно, позволим, что нам, жалко, что ли, только никто не давал Рябову права никому ничего обещать, так как никто его, Рябова, на это совещание не делегировал от ВС. А именно — ни ВС, ни его председатель никакого официального приглашения в Петрозаводск не получали...

Мгновенно, на лету уловив спикерское «ату!», у микрофонов в зале выросли сразу несколько парламентских активистов — Юрий Сидоренко, Мухамадин Тумов, Сергей Бабуринов. В ответ на просьбу Рябова активисты поставили вопрос о... самом Рябове. О соответствии его занимаемой должности зама спикера, о его подрывной деятельности (выражающейся, видимо, в регулярных телодвижениях непослушного зама в направлении взаимопонимания с проклятой и ненавистной исполнительной властью). А строгий, но справедливый Юрий Сидоренко до того увлекся, что с горящими глазами отважно потребовал незамедлительного ответа аж от самого... Руслана Имрановича: каким по качеству заместителем своим он числит Рябова? И — как по нотам — Руслан Имранович отреагировал такой репризой, будто заготовил ее давно: «Плохим!»... И дело с концом. Через пару минут активисты-избранники с большим воодушевлением включили в повестку дня вопрос «О Рябове» (устная формулировка спикера)...

А в самом конце дня дала-таки Николаю Рябову десять минут для информации, отложив экзекуцию его самого на другой день сессии. Однако...

Естественно, что под такой аккомпанемент реакции коллег-депутатов плохой зам хорошего спикера выглядел на трибуне уже оправдывающимся школьником. Несколькими раз (видимо, чтоб не

огорчить еще больше бдительных избранных народа) Рябов напирал на то, что вновь образуемый Совет Федерации — не властный, не управленческий, а именно — «консультативно-совещательный» орган!.. Вконец скомкав предполагаемую информацию, зам спикера предложил вниманию членов ВС свой проект постановления, в котором говорится, что следует согласиться с «предложениями представительных органов власти субъектов Федерации о создании Совета Федерации» и участии их в этом органе, а также «рекомендовать председателю ВС РФ войти в его состав в качестве сопредседателя наряду с президентом Российской Федерации»...

Однако все это, конечно, не было услышано. Большинство выступивших от микрофонов членов ВС, основательно подогретых весьма агрессивными комментариями председательствующего спикера, попытались все же, не откладывая дело в долгий ящик, устроить-таки разборку с плохим заместителем. Координатор фракции «Свободная Россия» Ирина Виноградова, например, поставленным голосом директора средней школы № 48 г. Новосибирска сурово отчитала несчастного докладчика: как это посмел он без разрешения спикера самовольно отлучиться в Петрозаводск на совещание да еще — какая наглость! — выступить там от имени ВС?!

А когда в ответ плохой заместитель председателя попытался сослаться на хорошего председателя, который, оказывается, ему, плохому, поручил в свое время курировать вопросы конституционной реформы, хороший ка-а-ак даст ему из-за спины достойную отповедь:

— Ну-у-у, Никола-а-а-ай Тимофеевич... ну-у-у, если б меня здесь не было, вы могли бы говорить... Но я же здесь сижу. Я вам этих поручений не давал.

— Каких поручений? — обернулся плохой к замечательному.

— Ну-у-у... вот ведь... территориями-то занимается Валентин Алексеевич, а не вы... А вы обязаны руководствоваться статьей 115 Конституции...

— Дадите мне ответить? — жалобно поинтересовался плохой.

— Что ж отвечать? Ответить вам нечего, — решил продлить свару хороший, учитывая, видимо, что идет трансляция по ТВ. — Извольте выполнять 115-ю статью Конституции!

— Ну, Руслан Имранович... — плохой опять за свое.

— Ну-у-у, есть же Конституция! — гнет палку хороший.

— Так я выполняю! — огрызается плохой.

— Ну, приготовьтесь, хотя бы... — отмахивается хороший.

Плохой окончательно отвернулся от публики и чуть было не перелез прямо на стол к хорошему... Словом, чуть не подрались господа хорошие. А ведь не учли, что на наши с вами, читатель, денежки гуляют...

Впрочем, первым опомнился хороший зам очень хорошего спикера Валентин Агафонов. Он разная сцелившихся в полемике важным напоминанием о том, что уже целых десять минут переработали, а с Рябовым, мол, и на следующем заседании не поздно разобраться. Хороший спикер тут же поддержал хорошего зама:

— До пятницы, друзья. Спасибо вам, Николай Тимофеевич. Спасибо всем за сотрудничество.

Смех в зале. Горько...

Григорий КРОШИН

ПОПРАВКА

В № 35 нашего журнала не по вине редакции на стр. 16 допущена ошибка: переставлены местами фотографии Л.В.Шебаршина и Н.М.Голушко. Принесим извинения им и читателям.

Житья не стало — сплошная коррупция! То Руцкой со своими чемадами, то Генеральная прокуратура. А в ответ им уже Андрей Макаров да «генерал Дима» Якубовский прицельный огонь ведут...

Но не только же у нас коррупция и финансовые скандалы. Посмотрите, что в Италии делается — там, кажется, нет ни одной партии, деятели которой не были бы замешаны в махинациях. Впрочем, нет, есть такая партия! Ну конечно же, это коммунисты! Чище и честнее итальянских коммунистов, оказывается, зверя нет. Они сейчас именуют себя Партией демократического социализма (ПДС). Правда, один из первых скандалов после открытия архивов КПСС в 1991 году был связан с КПИ. Но... сумели отмазаться!

Корреспонденту «Столицы» стали известны некоторые новые факты, ставящие под сомнение непорочность итальянских коммунистов, столь споро перекрасившихся в демократов. Более того, оказывается, это имеет некоторое отношение и к нашему родному скандалу.

В июне 1987 года председатель палаты депутатов итальянского парламента Джорджо Наполитано, один из высших руководителей КПИ, вылетел в Москву с посреднической миссией, касающейся поставок американского зерна, импортируемого СССР при посредничестве финансово-промышленной группы «Ферруцци». (Дабы читатель не стал недоуменно пожимать плечами, необходимо пояснить: по итальянским законам ни политические партии, ни их деятели, ни депутаты парламента не имеют права заниматься коммерческой деятельностью или получать деньги от любого иностранного государства. Посреднические же миссии в Москву оплачивались очень хорошо.)

В том же июне 1987 года тот же Наполитано посредничает при заключении сделки между советским правительством и итальянской фирмой «Пининфарина». Другой крупный деятель итальянской компартии, Альфредо Рейхлин, выступал посредником, получив за это соответствующую сумму, при предоставлении кредита в 100 млн. долларов ита-

ИТАЛЬЯНСКИЕ СПАГЕТТИ В РОССИЙСКОМ СКАНДАЛЕ

льянским банком «Медиокредито» советскому «Внешторгбанку». В июле того же года представители КПИ (среди которых и Рейхлин) осуществляют посредническую операцию при заключении контракта между советским правительством и итальянскими фирмами «Некки» и «Ингирами» о реконструкции одного из предприятий Рязани. В ноябре 1987 года компания Италии способствовала заключению контракта между «Автопромимпортом» и фирмой «Фаталиум» из Турина.

В том же месяце советский посол в Риме Луньков в конфиденциальном порядке уведомляет руководство КПИ, что правительство СССР рассматривает возможность увеличения процентов выплат за деловое посредничество, осуществляемое «неподкупными» продолжателями дела Пальмиро Тольятти. Дабы не усложнять проблему, перечислим лишь некоторые из ставших известными финансовых игр итальянских коммунистов: декабрь 1987 года — посредничество для фирмы «Коголо ди Зулиано» из Удине, между «Тяжмаш» и «Итал импianti», март 1988 года — между «Тракторэк-

спортом» и фирмой «Гиза» из Реджо-нель-Эмилия, апрель 1988-го — посредничество при создании СП «Совокрим», январь 1989-го — между советским правительством и фармацевтической фирмой «Скьяппарелли» по вопросу контракта почти на 300 миллионов долларов на строительство пяти заводов...

Ну и что? Подумаешь, нарушали итальянские коммунисты свои же законы, при чем здесь мы? При том! Это была форма субсидирования деятельности компартии Италии со стороны двух ведомств — ЦК КПСС и КГБ СССР. Первые обеспечивали саму возможность подобного гонорара, вторые — техническую передачу «заработка». На эти деньги проводились предвыборные кампании, на них же содержался и так называемый «закрытый аппарат» — та часть структур КПИ, которая действовала нелегально. Кстати, подготовку этих же «подпольщиков» тоже обеспечивали спецсы с Лубянки, по крайней мере известно, что они готовили для КПИ вплоть до 1990 года специалистов по радиodelу, обучали конспирации. Кроме того, именно «итальянский канал», наряду с «греческим» и «французским», служил

одним из основных в конце 80-х для утечки «денег партии» (то есть КПСС) за границу. Итальянские товарищи помогали советским товарищам переводить средства на различные счета, отмывая их через посредство различного рода СП.

После августа 1991 года некоторые наивные наши деятели тщетно пытались выяснить судьбу неведомо куда уплывших гигантских валютных средств КПСС.

Российская сторона вроде бы неоднократно обращалась, в том числе и к итальянским властям, с просьбой способствовать в поиске исчезнувших партийных средств. Итальянцы обещали помочь. Но вот незадача: подключили чуть ли не все свои секретные службы и... ничего! А стоит ли удивляться — председатель парламентской комиссии итальянского парламента по секретным службам — Уго Пиккьели — один из ведущих деятелей... ПДС, т.е. бывшей КПИ.

Во время своего последнего визита в Италию Валентин Степанков обещал провести полное расследование, дабы вскрыть все каналы переброски денег в Италию, где они отмывались коммунистами. Но, вернувшись домой, словно набрал воды в рот. Кстати, здесь прокуратуре могли бы помочь архивы. Но после публикаций в «Коррье де ла сера» журналиста Андреа Боннани о Пальмиро Тольятти (на основе архивных данных) по чьей-то оперативной команде материалы Международного отдела ЦК КПСС немедленно засекретили. Корреспондент «Столицы» связался с Российским центром хранения современной документации (бывший Центральный партаrchив ИМЛ при ЦК КПСС), где ему подтвердили: да, фонды Международного отдела ЦК закрыты для исследователей. С чего бы это? По словам работников архива, там имеются материалы, представляющие «государственную тайну».

Судя по всему, этими тайнами и являются, например, документы о финансировании КПИ, а через нее и структур коммерческих предприятий. Значит, деньги КПСС по-прежнему работают на Апеннинах?

Владимир ВОРОНОВ

Рис. А. Зайцева

Михаил ПОЗДНЯЕВ

СТРАНА ПАДАЮЩЕГО НАПРЯЖЕНИЯ

Не падающей башни.
 Наши башни — все торчком, но воли к жизни в этом отчего-то мало. А Пизанская — падать падает, однако ж трижды за год извещает российский народ чаровница Миткова иль прелестница Мишина, что вот и еще на полтора сантиметра дура башня выпрямилась. И не лишена информация пикантности. Мы и сами на эти полтора сантиметра приподымаемся с койки: понять ли пизанцу рязанца — чай, на него с башни кирпичи не сыплются, как на нашего, — при выходе из подъезда. Как будто и мутно-зеленый экран «Электрона» яснеет — то ли сосед зашабашил с циклевкой полов.

Не восходящего солнца.

У нас оно тоже, кажется, восходит и, как и у них, на востоке: но вообразить японца, поющего в застолье: «В небе ясное зорько до г о р а л а» или совсем уже бессмысленное: «Солнце всходит — и з а х о д и т» — нет, не могу! и надо еще крепко подумывать, не Россия ли, часом, родина камикадзе и хакари. Разумеется, и Япония — страна контрастов, вот и водку там пьют теплую, а не со льда; а только — представьте себе... кого бы? да хоть Куросаву, на утренней зорьке разворачивающего «Асахи» и узнающего про третий всеимперский съезд язычников (далее — цитирую заметку из газеты «Сегодня»:

«Ночному действию предшествуют приготовления: шьются белые рубахи, вырезается из огромного полена идол Ярило, Бог Солнца. Его устанавливают строго на заход светила. От него же с помощью линзы зажигают священный костер. Возглавляет праздник... Волхв Доброслав... Иноверцев или нежелающих пройти обряд посвящения Доброслав изгоняет с поляны. Приказания исполняются беспрекословно, и на костре сжигаются ат-

рибуты христианства. Доброслав призывает к крестовому походу против мирового империализма, сионизма и коммунизма. К обряду прилагается большое количество медовухи (водка с медом), так что к ночи вся компания бывает изрядко весела».

«Дичь», — говорит по-японски старик Куросава и, скомкав газету, первым самолетом улетает в Каньи.

«Боинг» летит с востока на запад, и всю дорогу восходящее солнце греет щеку дремлющего Куросавы. Над Москвой он проплывает в розовых облаках в аккурат в ту минуту, когда я, забившись в угол вагона метро, ищу защиты от Волхва Доброслава у парижско-нью-йоркского «либера» Эдуарда господина Лимонова — заслоняюсь от тьмы нескончаемого туннеля, как омоновец — пластиковым щитом, газетой «Новый Взгляд» со статьей вышеобозначенного автора «Извращения национализма».

И ведь не читая, заранее знаю: «Извращения...» Лимонова — нечто иное, чем «Заметки о русском» Лихачева. Но ведь — сумел, как крючком, зацепить, во-первых, анекдотом про Анпилова, изгнанного с патристического митинга полупьяного-полубольного «лопуха-мужичонку в треухе» с транспарантом «Жидов в Израиль», а во-вторых — подсечь сокровенным воспоминанием о том, как, на пути к созданию собственной националистической партии, блуждая в «правом подполье», столкнулся г-н Лимонов с «молодыми и не очень молодыми людьми, называющими себя язычниками». «Христианство — говорят они, — это не наша религия, это секта иудаизма, давайте строить национализм вокруг язычества».

«Сведения о язычестве, — сообщает б/у «подросток Савенко», а ныне

«серьезный, взрослый дядя» Лимонов, — черпают они из старых пожелтевших книг, написанных людьми с немецкими фамилиями, а может быть, представляют себе язычество по декорациям к балету Стравинского «Весна священная»... Мне стыдно, — восклицает он далее, по-русски рванув рубаху на груди, — за русских людей и за молодых людей прежде всего за то, что их может интересовать эта кухонная ерунда... Все эти маразматика, — обобщает Лимонов, — твердо верят в то, что они националисты, в то время как они — больные люди...»

Поочередно отирая слезы умиления и щипля сам себя — не уснул ли я часом? — вот-вот, кажется, услышу из лимоновских уст внятное: «Дичь!» — и увижу, как на небесах, румяных и перистых, качнет автору статьи и мне, читателю, приветливым крылом мэтр Куросава... но взамен, прямо над ухом — торжествующий шепот: «Попался, попался! И-эх, простофиля!»

Оказывается, «все эти маразматика», «сумасшедшие» и «сектанты» нелюбезны г-ну Лимонову вовсе не враждебностью своей к христианству, не биологическим антисемитизмом, не отсутствием малого намека на образованность, не своей д и ч ь ю... другим! совсем другим! Именно — вот чем:

«В лучшем случае эти идейки и эмоции способны вдохнуть секту... Прийти к власти насильственным вооруженным путем все эти язычники... не способны. Обитатели московских кухонь, они не настреляли в своей жизни и десяти минут... Станут ли нормальные русские люди, озабоченные наземной, а не подпольной жизнью, голосовать за поклонников Перуна, Дажьд-бога, Тора или Одина?... Может быть, наберется по все стране несколько десятков тысяч избирателей с такими странными вкусами. Но их голоса растворятся без следа в массе народа, здраво желающей дешевого хлеба, недорогого мяса и возможности без опаски ходить по улицам».

Конец цитаты? Прошу прощения — еще несколько строк. Ибо во второй части своего пространного текста, напечатанного «Новым Взглядом», сокрушитель Перуна Эдичка неожиданным образом напоминает Волхва Доброслава: в точности как сей «обитатель совковских кухонь», выйдя на привольную полянушку, изгоняет с нее иноверцев, так и Лимонов, раздвигая плечо, в тычки погнав чистокровных, но полоумных русичей («идейки-с хиловаты»), вслед поганой метлой сметает с национал-патристического плацдарма и своего кого. А этот-то, спросите, чем не вышел? А вот тем самым. Тем — что не «ИВАНОВ с большой буквой»!.. Извините — еще одна, последняя цитата:

«Нерусский русский националист — извращение. Это уж слишком... Нельзя. Владимир Вольфович, талантливый, дорогой, — нельзя! Это же совсем будет извращение».

Закрываю кавычки — и мать-сыра земля вздрагивает, отчего Пизанская башня делает опасный крен, а исчезающий в облаке вишневого цвета Куросава пожимает тощими плечами: «Отчего же нельзя? И отчего в случае Владимира Вольфовича — это уже совсем будет извращение, а в случае Эдуарда Веняминевича — еще не совсем?» С его, Куросавиной точки зрения, такая постановка вопроса попросту некорректна. Это — все равно что спросить, к примеру, что лучше сегодня: фашизм или демократия? Куросава повторяет японски: «Дичь» — и просит стюарда принести баночку пива...

А ведь, сознайтесь: охота узнать? Про фашизм и демократию то есть?

Тогда, погодите минуточку, вот только рукавички надену — и еще одну газетку возьму. Ту самую, которую в очередной раз подбросили на мой стол в редакции «Столицы».

Рукавички — не от брезгливости, но от предчувствия: пройдет месяца три, и будет газетка библиографической редкостью. Как, допустим, червонец с Ильичом.

Ну, значит, разворачиваем газетку — и получаем исчерпывающий ответ на поставленный ребром вопрос.

«Если бы правители (подразумеваются Ельцин и Кравчук. — *М.П.*) не рвали бы чубы друг другу по воле антихриста... они бы спасли и себя и свой народ... Неужели, слепцы, не видите, что нет никакой демократии?! Все это бред и словоблудие... Сегодняшняя демократия внесла столько сатанизма самого высокого плана: поголовный секс, безысходность, страдания, неудовлетворенность, узаконенное мошенничество и откровенное безбожие. Но и к старому уже нет поворота!!! Однако то новое, что ждет еще наш многострадальный народ, — ужасно!!!

Возможно, кому-то покажется, что я не ответил на вопрос, поставленный в заголовке этой статьи? Становитесь юсмалианином, и у вас отпадут всякие глупые вопросы!.. Уже нет никаких перспектив в этой жизни! Есть только две альтернативы: ад или Новое Небо и Новая Земля (после преобразования!) Других промежуточных решений — нет! И все это произойдет 24.11.93 г. Поэтому скорее меняйте сознание и открывайте свои сердца!»

— «Две альтернативы» — это крепко сказано, — долетает из-за бугра голос мудрого Куросавы. — Это Поздняев-сан, все равно что по-русски сказать: «Две большие разницы».

— Я-то знаю, Куросава-сан, — отве-

чаю старику через бугор. — Да тут, видишь, какое дело... автор вроде как вне критики.

Имена и титулы автора процитированной д и ч и, издателя газеты «Юсмалос», которую я держу исключительно в перчатках, а также «духовного учителя» Великого Белого Братства «Юсмалос» — впрямь наводят трепет столь же священный, сколь и памятная читателям Ильфа и Петрова афиша «Приехал жрец!».

Это он в миру — «кандидат технических наук Кривоногов Юрий Андреич», а в теперешней «духовной субстанции» своей — Архиепископ Живой Церкви Божьей, катакомбный Папа Петр Второй, он же Юоанн Свами (Адам), он же по совместительству Иоанн Креститель и Илья Пророк. Имен и прозвищ — что у твоего рецидивиста; поговаривают, будто бы г-на Кривоногова настойчиво зазывают в гости милицейские начальники Москвы и Киева, но пока ему все как-то недосуг.

Печатает газета «Юсмалос» не только прозу и эссеистику г-на Кривоногова, но также вирши его спутницы жизни Марины Цвигун — в недавнем прошлом «комсомольской богини», а таперича — именующей себя... да вы и сами знаете как: звон, фотокарточка мадам Цвигун на каждом столбе. Упитанная такая черноокая дивчина, в чем-то вроде пляжного халатика, с головой, обмотанной, похоже, баннм полотенцем; в кулачке — не то трубка для акваланга, не то клюшка для травяного хоккея. Комсомолка. Спортсменка. Красавица. Издательница-графоманка не за свой — за наш с вами счет...

Есть ли смысл чего прибавить? Право же, биография «мамы», написанная «папой» и озглавленная «Феномен второго Пришествия ХРИСТА или эксплантация БОГА в человека», равно как и «конец света», назначенный «мамой» и «папой» на 24 ноября, — звучит ничуть не серьезней, чем «раздача слонов и материализация духов» в афише Остапа Бендера. И — поди ж ты! Ведь скоро на стенах домов и на стеклах вагонов метро места живого не останется!.

«Не обращай внимания», — сочувственно кивает мне головой Пизанская башня. И не падает.

«Все это пустяки, Поздняев-сан, — подмигивает Куросава. — Не бери себе эту... как оно по-русски?».

Вам, отвечаю, братцы, легко говорить. А мне — в последнее время что-то стало казаться, будто кругом ничего, кроме этого, и нету.

Право же, не смертельно, что у нас нет Куросавы и башни, которая все падает, падает, а на самом деле — век от века делается прямее. Бог с ней, с башней. И Куросава — чтоб

еще сто лет ему не жить в России! Но — как ни оглянусь окрест себя, одно слово с языка только и слетает: дичь.

Подлецу, говорят, очень просто — не надо подавать руки. Не надо с мерзавцем садиться за один стол. Пригласить хама в свой дом. Непременно вялаешься.

Да только я не по то. Я — про то, о чем у Лермонтова: «А годы проходят — все лучшие годы!»

Не хочу бегать за дикарем: «Пожми руку! Пожми руку!» — но ведь хочется, чтобы пожали.

Такая дикая, дикая страна. Тупая. Грубая. Грязная. Озлобленная, пихающая в рот непременно мясо-булку, и водку, водку туда, ликер-ликер-ликер. «Амаретто», блин!

Но ведь здесь, здесь же, в том месте нашем — бочком, сквознячком: Аверинцев, Раушенбах, Лихачев, Чуковская, Рихтер, Жилинский, Свиридов, Лотман... стоп: этот уже за границей. А вчера еще — Шостакович, Бахтин, Лосев, Ахматова, Сарьян... впрочем, и это — за граница.

Неужто всякое освобождение влечет за собой одичание? И всякая реформа — запустение? Неужто — это только у нас так? Неужто так в России от века: пока давят, жмут, держат в ежовых рукавицах, — светло, аж глаза слепнут. А чуть воли дадут — и будто в курной избу. «И некому руку подать...»

Не пугайте меня рэкетом — у меня нет денег на обручальное кольцо... Не говорите мне по кавказцев — Москва и без приезжих давно помойка. Не объясняйте мне все наши беды поголовной коррумпированности команды президента и всех до одного его противников — нам самим давно плевать на наши театры и музеи. Не утешайте меня, что, вот, приедет барин (читай: Солженицын) — для него тотчас очистят Мавзолей. В переносном смысле. А может, и в прямом...

Приехали соседи — вернулись после двухмесячной отлучки к детям, за океан. Включили ящик. Чьи-то там резкие голоса, что-то такое про обострение борьбы за власть, про напряжение ситуации в стране. И почти ничего не видать. Муть какая-то — как в нашем пруду; и что-то такое плавает в этой мути...

«Что так плохо видно-то? — «Напряжение упало»...

Селестин БОЛЕН

«НОВЫЕ РУССКИЕ»: ЛИЦОМ К ЛИЦУ ЛИЦА НЕ УВИДАТЬ...

«Столица» уже неоднократно обращалась к теме так называемых «новых русских» (см. № 2, № 6, № 11, 1993), но это был взгляд, скажем так, изнутри. Не менее интересно, как видят эту проблему и как воспринимают этих людей, ставших неотъемлемой составной частью нашего российского «сегодня», сторонние наблюдатели. Публикуемый сегодня материал американской журналистки Селестин БОЛЕН, работающей в Москве, — взгляд на «new russians» со стороны, без сокращений, срезания острых углов и прочих редакторских «наворотов».

Рис. А. Зайца

Обслуживать в эти дни в Москве новых богачей России с их неуемными аппетитами, продавая им все: от часов «Картье» за 30 тысяч долларов до лимузинов за 150 тысяч долларов — дело прибыльное.

В магазине «Эскадо» на втором этаже старого государственного универмага на Красной площади напротив Кремля под названием ГУМ молодые женщины, особо не раздумывая, перебирают и выбирают себе платья и костюмы по 2 и более тысячи долларов. В ювелирном магазине «Алмаз» более дешевые часы «Картье» по цене примерно 6 тысяч долларов распродаются мгновенно.

«Обычно мы выставляем их на продажу утром, а днем они уже все распроданы», — утверждает продавщица из этого магазина, где серьги с бриллиантами по цене в 250 тысяч «баксов» обычно задерживаются ненадолго дольше.

По субботам оборот отдела «Ботани» в ГУМе составляет в среднем 14 тысяч долларов при том, что 80 процентов товаров раскупается русскими, говорит Джанни Бауэр из «Эстрам интернэшнл», материнской компании «Ботани». «Трудно добиться лучших результатов в Соединенных Штатах», — добавляет она.

В офис «Тринити моторс», дистрибьютора «Дженерал моторс», на Тверской в центре Москвы, покупатели обычно приносят с собой наличную валюту, когда они приходят, чтобы купить самый популярный автомобиль — «Шевроле Каприс» за 45—55 тысяч долларов.

Обычно они платят в долларах, и в этом случае деньги помещаются в «дипломате». Если покупатель платит в рублях по курсу, то в таком случае больше подходит мешок или спортивная сумка типа хоккейной.

«Люди с деньгами здесь быстро принимают решение, — говорит менеджер Алек Розен. — Они видят машину, она им нравится, и они ее покупают».

Еще не так давно лишь иностранцы посещали магазины, которые принимали только твердую валюту или в некоторых случаях обслуживали по кредитным карточкам. Сегодня в Москве открыто множество магазинов, продающих импортные товары: французскую одежду, финские наборы кухонной мебели и многое другое.

Покупатели — преимущественно русские, которые тратят доллары, заработанные, в основном, на торговле и экспорте по мере того, как люди со связями учатся наживать капитал на природных богатствах своей страны.

«Что случилось сегодня со всеми? — с раздражением восклицает продавщица в голландском магазине на Малой Бронной, когда русский поку-

патель, расплачиваясь за три пакета бумажных салфеток, вынул 100-долларовую купюру. — У всех 100-долларовые купюры. У вас нет денег поменьше?»

Богатые русские, которые хотят вложить свою прибыль, могут сделать и делают более крупные инвестиции. Когда едешь по Подмосковию, видишь массу строящихся кирпичных вилл, столь же дорогих, сколь и уродливых; некоторые имеют внутри плавательные бассейны, гаражи и весьма сомнительное присоединение к примитивной системе канализации. Такие виллы обходятся «новым русским» в сумму около 200 тысяч долларов.

В центре Москвы, где приватизация жилья способствует быстрому росту рынка недвижимости, обычная цена сегодня — тысяча долларов за квадратный метр. Поскольку инфляция составляет около 20 процентов в месяц, цены устанавливаются в долларах, хотя рубли и принимаются по существующему в данный момент обменному курсу.

Для руководителей российских компаний, которые хотят поскорее умножить свой капитал, действует около 42 казино, где ставки обычно начинаются с 10 долларов, а посетителей у входа обыскивают на предмет наличия оружия.

Когда видишь, как в стране, где средняя зарплата не превышает 40—50 тысяч рублей, многие люди тратят значительные суммы в иностранной валюте, неизбежно задаешься вопросом: откуда все эти доллары?

Не только мужчины в костюмах с подложенными плечами и женщины в мини-юбках, разъезжающие по улицам в импортных автомобилях, имеют наличную валюту, которую они с такой легкостью тратят. Как-то на днях 10 обычно одетых женщин стояли в очереди в кассу в немецком магазине игрушек и одежды, где платили свободно конвертируемой валютой, а в это время женщина в кассе, где принимали рубли, сидела без дела и откровенно зевала.

Как утверждает один из московских банкиров, каждый месяц в Россию поступает 140 миллионов долларов наличными, причем вся сумма — в хрустящих новых банкнотах, потому что русские с подозрением относятся к старым купюрам. Значительная часть этих денег — это выручка от процветающего импорта-экспорта, легального и нелегального.

Большие деньги делаются на вывозе сырья: нефти, леса и металлов. Но деньги делают и на сигаретах, ликере, дешевой импортной одежде. Растет число людей, работающих на иностранных компании и получающих

зарплату, частично или полностью, в твердой валюте.

Российские политические деятели, в том числе президент Ельцин, периодически грозят обрушиться на долларовую экономику, но такой закон пока так и не принят. Политики заигрывают с идеей запрещения продажи на доллары в магазинах, закрытия обменных пунктов и запрещения выплаты зарплаты в долларах. Но советники правительства признают, что таким образом не удастся покончить с долларовой экономикой, поскольку она просто уйдет в подполье и станет еще более недостижимой для налоговых инспекторов. Предприниматели попросту будут держать большую часть своих долларов за границей.

За год с момента открытия «Тринити моторс» в бывшем государственном книжном магазине менеджер Розен видел самых разных покупателей. Он получал заказ из Волгограда на 2 автомобиля по цене 150 тысяч долларов каждый и заказы из богатой нефтью Западной Сибири.

«К нам иногда приходят люди, у которых из карманов торчит оружие», — сказал он. Но больше всего ему понравился казак, который появился здесь в традиционной папахе и сапогах для верховой езды.

«Я спросил у него, что он ищет: лошадей или автомобиль», — сказал Розен. Казак купил, наконец, машину, с трудом взвалив на стол кассира целый мешок с рублями.

Судя по уличному движению в Москве, самый быстрый путь к карману богатого русского — это импортная машина, предпочтительно «Мерседес» или БМВ, «Линкольн континенталь» или любая другая большая американская машина. По сведениям ГАИ, на конец 1992 года в Москве зарегистрировано 36 748 иностранных автомобилей, многие из которых, возможно, украдены на Западе и тайно вывезены в Россию.

Всего три года назад иностранный автомобиль был редкостью. Теперь «Роллс-ройс» открывает здесь свое представительство, первое в посткоммунистическом мире, чтобы продавать роскошные автомобили по цене 140—260 тысяч долларов. Питер Терьян, который открывал московское представительство фирмы после 30 лет работы в Нью-Йорке, сказал, что он решил проверить российский рынок после того, как выяснил, что здесь было продано больше «Мерседесов-600» по цене 130 тысяч долларов, чем в Нью-Йорке.

«В бывшем Советском Союзе живет 250 млн человек. Быть может, деньги есть только у миллиона, — сказал он, — но среди них очень многие имеют вкус к красивой жизни».

**ЛУЧШИЕ ТУРЫ,
МИНИМАЛЬНЫЕ ЦЕНЫ!**

◆ Индивидуальные поездки за рубежом
◆ Отели в пятизвездочных итальянских курортах
◆ Отлаженные групповые туры

N1 Лондон	6 ночей	330\$+	авиабилеты
N2 Париж	6 ночей	440\$+	авиабилеты
N3 Италия	7 ночей	470\$+	авиабилеты (Рим, Неаполь, Флоренция, Венеция)
N4 Мальта	7 ночей	370\$+	авиабилеты
N5 О.А.Э.	3 ночи	160\$+	авиабилеты
N6 Таиланд	6 ночей	440\$+	авиабилеты
N7 Таиланд (Шоп тур)	6 ночей	265\$+	авиабилеты
N8 Сингапур	6 ночей	370\$+	авиабилеты
N9 Шри-Ланка	14 ночей	627\$+	авиабилеты
N10 Шри-Ланка	7 ночей	389\$+	авиабилеты
N11 Япония	7 ночей	360\$+	авиабилеты
N12 Япония	7 ночей	370\$+	авиабилеты
N14 Испания	7 ночей	450\$+	авиабилеты

а также Тунис, Ю. Корея, Таиланд, ЮАР.
ОПЛАТА В РУБЛЯХ ПО ТЕКУЩЕМУ КУРСУ

◆ Оформление загранпаспортов
нового образца и виз
Звоните: 184-88-00, 152-74-38,
334-42-22, 386-31-69,
431-42-55,
с 10.00 до 18.00

Счастливого пути!

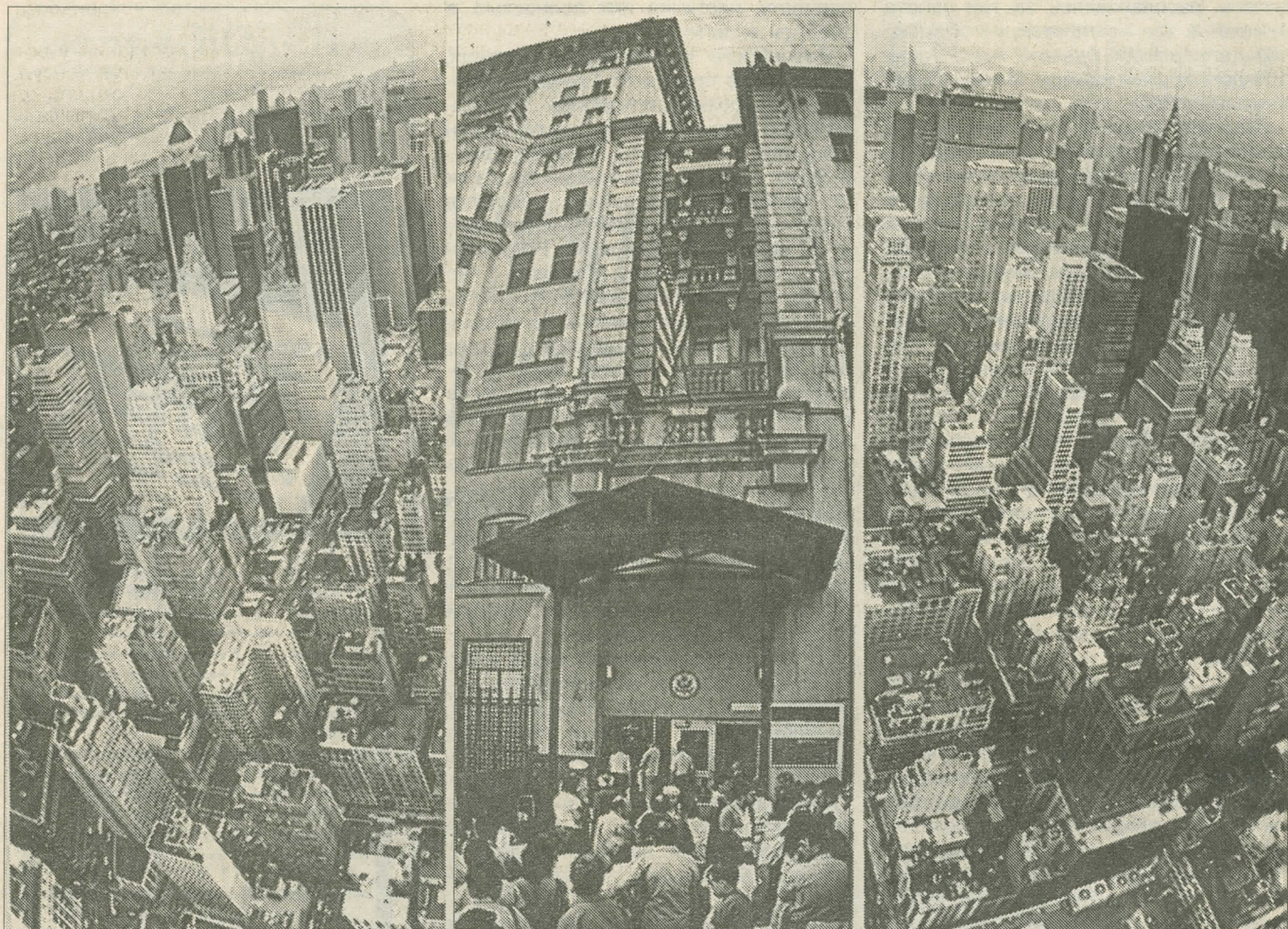

Фото Э. Курявицкого

КТО ТАКИЕ «НЕВЪЕЗДНЫЕ», или Как понимают права человека в американском посольстве в Москве

Два года назад мой бывший муж со своей новой семьей выехал в США на постоянное место жительства. С ним уехала наша дочь. Через год уехал наш сын с женой. Все они имели статус беженца.

Летом 1992 я была в США по приглашению друзей.

В этом году дочь прислала мне гостевое приглашение, и, обменяв старый загранпаспорт, как уже недействующий, на новый, я пришла в посольство США в Москве для получения въездной визы. Проведя в комнате ожидания 2 часа, была вызвана на интервью.

На вопрос, какие я могу представить гарантии своего возвращения (при входе в зал оформления документов висит огромный плакат с требованием представлять такие гарантии на интервью с консулом), я ответила, что я единственная дочь престарелых родителей (за 80 лет) — инвалидов 2-й группы, что работаю 25 лет в педагогическом университете, что имею собственную двухкомнатную квартиру, завещание родителей на их жилплощадь и все имущество и т.д. Ни одному моему слову не поверили или не захотели верить. Тогда я сказала, что ведь уже была

в США в прошлом году и вернулась. Потребовали доказательств. Я заявила, что сдала старый паспорт в ОВИР в обмен на новый. Потом я узнала, что все это можно было проверить по компьютеру. Не захотели.

Обстановка, как в гестапо на допросе: сверлящие, подозрительные глаза, убийственно холодный голос, полное уничтожение и унижение. И как итог — штамп в паспорте об отказе в визе. Презумпция виновности во всей полноте.

На мой вопрос, какие доказательства я должна представить и что мне может помочь, был дан ответ, что это не их забота и что у них нет времени возиться со мной.

По глубочайшей наивности я решила подтвердить свои слова документами и пойти еще раз. Снова рано утром пришла в посольство, отдала две фотографии, заполнила анкету. На сей раз при мне были: справка с работы, старый паспорт с прошлогодней визой, который я выпросила в ОВИРе, объяснив ситуацию, справка о приватизации квартиры, паспорта, пенсионные и инвалидные книжки родителей, их завещание, акции одного из фондов прива-

тизации. Ну, думала я, теперь-то уж все будет в порядке!

Не тут-то было. Проведя в знакомой душегубке 6 часов в ожидании интервью, я, наконец, была вызвана. На сей раз меня допрашивала дама. Я, как мне советовали, сразу пыталась дать ей мои документы и все терпеливо объяснила. Почти не взглянув на документы, она сказала мне, что я очень интересная женщина и у меня прекрасные документы, но что они меня не пустят, т.к. я опять не доказала им, что вернусь. Цепляясь за последнюю надежду, я сказала, что мне всего год до пенсии, на что получила вопрос издевательским тоном: «Ну и какая же пенсия у вас будет?» И сразу был хлопнут второй штамп об отказе в визе. Когда я сказала, что вернулась из прошлогодней поездки, мне было сказано, что сейчас другая обстановка и в нашей и в их стране...

Тогда я заявила о нарушении прав человека, о том, что я не согласна с их решением и хочу подать апелляцию. «Мне и подавайте, я старший консул, и я ее сразу отклоняю», — ответила она. «Как же мне быть, я, что же, никогда не смогу увидеть своих детей?» — спросила я. «Почему же, — ответила она ледяным голосом, — пусть они ездят к вам». На мои слова о том, что они работают и учатся, а у меня сейчас двухмесячный педагогический отпуск, она сказала, что это ее не касается, что у нее больше нет времени разговаривать со мной и что мне практически невозможно будет получить визу.

Неожиданно через знакомых я вышла на одну американку, работающую в России руководителем совместного предприятия. Я рассказала ей свою печальную историю и, проникнувшись сочувствием ко мне, она решила мне помочь.

По ее совету я написала гарантийное письмо от своего имени, взяла такое же письмо от своего университета на официальном бланке с подписью ректора. Моя дочь срочно выслала свое гарантийное письмо и такое же от своего университета. Моя знакомая американка также предоставила мне свое письмо с гарантией и поручительством от себя и своей организации. Я также составила огромный список друзей и знакомых в США и России, которые могут поручиться за мое возвращение.

Привхатив с собой все это — при последнем интервью мне была выдана бумага, где говорилось, что, пока у меня не будет новой информации, мне не имеет смысла снова обращаться за визой, — и собрав все старые бумаги, я в третий раз отправилась в посольство. Моя подруга американка поехала со мной, чтобы лично засвидетель-

ствовать свои гарантии относительно моей искренности и моего возвращения.

Все было, как и прежде. Прошло 3 часа ожидания, и вот меня вызывают. Она идет со мной к окну, но тут консул, вызвавший меня, с криком требует, чтобы все отошли от окон на значительное расстояние и не могли расслышать наш разговор. Все отошли, я осталась у окна. Он лениво ходит взад и вперед, потом приносит себе большую чашку шоколада. Почти не глядя на меня и разговаривая с кем-то, одновременно начинает задавать мне вопросы. Я пытаюсь всунуть в окно свои новые документы, доставшиеся мне такой большой кровью, он их отпихивает, говоря, что мои бумаги им не нужны. Задав 2—3 дежурных вопроса, он в третий раз ставит штамп об отказе.

Изумленная приятельница просит позвать старшего консула, и к окну подходит дама, отказавшая мне в мой второй приход. Она по-английски спрашивает свою соотечественницу обо мне, та ей рассказывает во всех подробностях, что все, что я говорила и писала, правда, что у меня масса подлинных документов и серьезных причин для возвращения, что деньгами на билет и на содержание мои дети уже снабдили меня в прошлом году. Консул записывает мои данные и обещает дать ответ вечером того же дня. Затем она показывает на зал ожидания, где битком набито народу и говорит, что вот все эти люди хотят остаться в Америке.

Вот какой был ее ответ — я попадаю в категорию лиц, которым практически невозможно получить визу, т.к. у меня в США бывший муж и дети. К тому же каждая виза подписывается лично тем консулом, который ее выдал, и, если процент оставшихся у данного консула превысит норму, его уволят. Так что рисковать они не могут...

Ситуация перевернулась — были невъездные, стали невъездные. В мирное время, когда нет экстремальных ситуаций — войны, эпидемии, стихийного бедствия, не пускать мать к дочери просто чудовищно. Почему нужно оставлять заложников (родных) и давать какие-то гарантии? Мать имеет право быть с детьми где хочет и сколько хочет и может. Это не просто нецивилизованное, это варварское положение дел. Это изуверство и садизм. Это дико и не может быть объяснено и оправдано никакими причинами.

Это нарушение всех имеющихся конституций и положений по правам человека. Разве не так?

Светлана ЗАКРЖЕВСКАЯ

Комментарий отдела международной жизни:

Публикация этого письма — отнюдь не попытка содействовать решению визовых проблем г-жи Закржевской. Последнее слово в этом вопросе несомненно принадлежит Консульской службе Посольства Соединенных Штатов в Москве.

Напомним, что мы уже писали на эту тему (см. «Столица», № 30, 1991). В заметке В.Лебедева речь шла о трудностях, с которыми сталкивается большинство наших граждан, пытающихся получить въездную визу для поездки в США по гостевому приглашению. Основные трудности тогда заключались даже не в многодневных очередях, а в том, что людям просто отказывали во въездной визе, мотивируя это тем, что они не могут представить достаточно доказательств того, что собираются вернуться на родину. Особенно это касалось тех, кто по гостевым приглашениям ехал навестить родственников. И чем ближе было родство приглашающего и приглашенного, тем меньше было шансов на получение визы.

Реакция посольства США на ту публикацию была мгновенной. Корреспондента

пригласил к себе сначала руководитель отдела печати, а затем и генеральный консул. Разобравшись в ситуации, американские дипломаты попытались навести порядок в консульско-визовых делах. Например, исчезли очереди.

Рассказ г-жи Закржевской, однако, свидетельствует о том, что главное препятствие для получения въездной визы для поездки к родственникам в гости так и не устранено.

Связавшись с американским диппредставительством по телефону, мы получили однозначный и воспроизводимый для пущей убедительности несколько раз ответ: «Если в визе трижды отказано, то власти Соединенных Штатов имеют на это свои веские причины».

С другой стороны, сотрудник пресс-службы посольства рассказал о новой мере, принятой в Консульском отделе с целью решения всех возникающих визовых проблем. По его словам, получивший отказ во въездной визе с недавних пор имеет право по истечении трехмесячного срока вновь обратиться с просьбой о предо-

ставлении визы в письменном виде. Правда, никаких гарантий положительного решения вопроса после трехмесячного «тайм-аута» нет и быть, видимо, не может.

Новые меры, это, конечно же, хорошо. Но зададимся другим вопросом. Как соотносятся повсеместная и упорная борьба за права человека, столь характерная для властей Соединенных Штатов, независимо от того, где находится их представитель, с фактическим запрещением матери поведаться или даже, если ей захочется, жить с дочерью, не на словах, а на деле являя собой единство семьи, столь чтимое в самих Соединенных Штатах?..

По всей видимости, защищая свои национальные интересы, американские чиновники вступают в противоречие как с международными обязательствами, взятыми на себя США, так и с теми принципами, на которых построено само это, вне всяких сомнений, демократическое государство. Теория и практика, как говорится, разошлись достаточно далеко.

Владимир ВОРОНОВ

ДВАЖДЫ СТАЛКЕР

СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Владимир Петренко

Фото автора

Высокий бородач в полосатой робе, заведя меня сквозь прутья, двинулся ко мне, заулыбался и довольно проворчал: «Пиво принес?». Часовые испуганно пытались пресечь попытку «полосатого» преодолеть КПП и вырваться на волю. Но оружия не применяли, да и не было его у них — не лагерь, чай, — госпиталь имени Бурденко.

МАЙОР ИЗ «ЗОНЫ»

Он звонит всякий раз, когда появляется в столице: «Сэр, бросай свои дела к черту — пошли пивка попить...» А раз приехал в Москву — значит, опять немотогу стало в «Зоне». Нет, к эзкам он пока отношения не имеет, как и к охранникам. Просто «Зона» — это городок Вольск-18. Только это не какой-нибудь наисекретнейший ядерный объект, хотя с секретностью там и в самом деле полный порядок: Вольск-18 — крупнейший из известных сегодня в России военно-химических полигонов Шиханы. 400 квадратных километров, берег Волги, Саратовская область. Там и служил до недавних пор майор Советской Армии Владимир Петренко. Пока не ушел в запас. Ему 34 года. Но этому седому человеку с усталым лицом можно дать намного больше. Разве иной раз выдадут озорные глаза...

Какой мальчишка не пытался хоть раз смастерить что-нибудь взрывающееся? — Володю Петренко детские пиротехнические забавы привели в Саратовское высшее военное инженерное училище, где готовили офицеров химических войск. В 1981 году, после окончания училища с отличием, лейтенант Петренко был направлен на престижное для химика место службы — в Центральный научно-исследовательский и испытатель-

тельный институт химических войск — на уже известный нам полигон.

«СВИНКИ» В ПОГОНАХ

О «Зоне» ходит немало легенд. Только в узком кругу «своих», «посвященных» знают, где миф, а где правда. Но болтливость не поощряется — все давали подписку о неразглашении, с не в меру языкастыми же правдолюбцами оперативно разбирается военная контрразведка. В порядке профилактики.

Тайн же на полигоне хватает. Поговаривают, что там до сих пор разрабатывают мощнейшие отравляющие вещества (ОВ), превосходящие по боевой мощи ныне состоящие на вооружении. При том же объеме снаряда можно вывести из строя в 10—15 раз больше солдат противника! Мощь! Но всякого «Новичка» (есть и такое новое нервно-паралитическое ОВ) испытать надобно, чтобы знать, как он на человека с ружьем действует. Для таких целей на полигоне всегда держат разного рода живность — кроликов, морских свинок, собак, лошадей. Иногда и обезьян завозят. Но ведь все это не то, не то, подлинная картина искажается! Премии-то и ордена, не говоря уж про звания, не за кроликов дают...

— Летом 1982 года меня, тогда еще лейтенанта, вызвали в отдел спецработки. Начальник отдела зашел издали: «Империалисты ведут подготовку к развязыванию против нас войны с применением боевых отравляющих веществ... Война может разразиться со дня на день. Мы не будем сидеть сложа руки, товарищ лейтенант! Партия считает, что мы должны достойно ответить на брошенный нам вызов — активизировать работы по новейшим боевым ОВ. Лейтенант Петренко, готовы ли вы к выполнению ответственной секретного задания Родины?». После таких слов остается только одно — вскочить и, вытянувшись по стойке «смирно», рявкнуть «Всегда готов!» или «Служу Советскому Союзу!», преданно «поедая» глазами начальство. Честно говоря, тогда я вполне верил всему сказанному и был несказанно горд: как же, поручили выполнение такой важной боевой задачи — не каждый день зовут на подвиг...

В общем, я должен был сообщить домашним, что на неделю отправляюсь в командировку, собрать чемодан со всем необходимым и, попрощавшись с женой, уйти... в лабораторный корпус полигона.

Секретный эксперимент начался с заполнения страхового полиса на имя жены и матери. Затем офицера поселили в отдельную комнату с кроватью. Естественно, режим полнейшей секретности — за пределы корпуса выход запрещен, еду приносили из офицерской столовой. О сути «боевой

задания» пока приходилось только гадать — врачи брали анализы, проводили обследование, снимали кардиограммы, мерили давление. И каждый день целый комплекс спортивных упражнений — стрельба из электронного пистолета, велотренажер...

Через несколько дней курортно-санаторной жизни офицера вызвал заместитель начальника института: надо испытать на себе действие отвлекающего вещества. Формально это была просьба — не приказ. Но в армии слова старшего по званию обсуждать не принято. Володя вспоминает, что несколько человек отказались от подобного «лестного предложения»: «Формально они имели на это право — дело вроде бы добровольное... Но им этого не простили — карьеры были поломаны, от настоящей работы их отстранили, с полигона вышвырнули. Не сразу — в несколько приемов, в армии это отработано до мельчайших деталей...»

Лейтенант Петренко отказываться не стал — его твердо заверили «от имени советского командования», что будут применены микродозы, абсолютно безвредные для его здоровья. И попросили... сбрить усы. Для чистоты эксперимента?..

— Специальной защитной тканью мне обвязали голову — маска закрыла все, кроме носа и рта. Затем я должен был просунуть голову, точнее, только лицо в окно прозрачной камеры. Дышать я должен был по команде. Затем произвели пуск ОВ в камеру из специальной аппаратуры. Сразу же сперло дыхание, как будто ударили или разом выкачали воздух из легких, под носом защекотало, из глаз полили слезы... Было, мягко скажем, очень неприятно. И я дышал этим почти минуту — пока не последовала команда отбоя. Потом меня опять заставили стрелять из электронного пистолета, бегать, прыгать, крутить велотренажер, засекали время, брали анализы, замеряли пульс, давление... На восьмой день с чемоданчиком в руке я впервые вышел за пределы корпуса — закончилась «командировка в другой город».

В ознаменование выполнения боевой задачи лейтенант Петренко был награжден — денежной премией в 300 рублей. Как раз хватило на холодильник. Расписываясь в бухгалтерии за деньги, Петренко обратил внимание, что со сходной формулировкой в бумаге было записано еще около сорока офицеров...

По словам отставных офицеров-химиков, подобные эксперименты над людьми продолжались в Шиханах, по крайней мере, до конца 80-х годов — пока новое вещество не было доведено до кондиции и представлено на Ленинскую премию. Руководил в то время НИИ и программой испытаний

на людях полковник Анатолий Кунцевич. Сейчас он генерал и академик — шиханский плацдарм помог ему успешно получить золотые погоны, академическую мантию и стать заместителем командующего химвойсками. А заодно и Ленинскую премию за разработку нового вещества. Сейчас специалист по испытаниям на «свинках» в погонах возглавляет Комитет по конвенциональным проблемам химического и биологического разоружения при президенте РФ.

Вполне естественно, что руководство химвойск никогда не признавало факт проведения подобного рода опытов над людьми. Не признаёт. И никогда не признает...

ЧТО РУССКОМУ ЗДОРОВО...

Из докладной записки руководства химвойск на имя народного комиссара обороны маршала Советского Союза Ворошилова от 19 июня 1937 года:
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Научно-Исследовательская работа по определению эффективности новых рецептур ОВ, действующих на кожу, а также и рецептур О.В. раздражающего действия, наталкивается на серьезные затруднения из-за того, что эти рецептуры в минимальных дозах (дописано от руки. — **В.В.**) нельзя проводить на людях.

Между тем, проведенная в различных институтах РККА научно-исследовательская работа с О.В., а также многочисленные иностранные литературные данные показали, что кожа различного вида животных дает реакцию... совершенно отличную от реакции человека... в результате чего могут быть сделаны серьезные ошибки в оценке этих ОВ. ...

За период времени с 1930 г. по 1935 г. (до запрещения Вами) в НИХИ РККА было произведено около 6.000 испытаний действия различных ОВ в минимальных дозах на кожу людей. Не меньшее количество опытов было поставлено на людях и с ОВ раздражающего действия... Только в исключительных случаях, в зависимости от организма, можно было отметить извращенные или повышенные реакции, требовавшие кратковременной госпитализации...

В связи со срочной необходимостью испытать целый ряд вновь предложенных рецептур кожного и раздражающего действия, п р о ш у Вашего разрешения возобновить производство испытаний на людях... Начальник химического управления РККА комдив Степанов». (Орфография и синтаксис оригинала сохранены. — **В.В.**)

В другой докладной записке того же времени начальник химупра уже заручился подписью и начальника санитарного управления РККА:
«...выводы о боевой ценности ОВ кожного действия, основанные исключительно на опытах с животными, не являются достоверными...»

2. При приемке от промышленности значительных партий иприта и его рецептур решение вопроса о годности продукта невозможно без испытания его токсического действия... здесь в ряде случаев также необходимы испытания действия минимальных доз на кожу человека.

...4. Испытание минимальных доз ОВ кожного действия на людях практически безвредно для здоровья».

Из приложенной справки: «...незамораживающий иприт... по данным опытов на коже кроликов, практически не уступает по силе действия химически чистому иприту. Опыты же, проведенные на коже людей, показали, что этот продукт примерно в 3 раза слабее иприта... Такое же резкое несоответствие данных опытов на животных и на людях имеется по ряду других ОВ...»

В августе же 1934 года на Балтике и вовсе провели уникальный эксперимент — произвели поливку ипритом с самолета миноносца «Карл Маркс» с экипажем на борту. Несколько «добровольцев» должны были подвергнуться воздействию ОВ в специальных «защитных костюмах» с вырезами — дабы можно было точнее определить эффективность оружия в морских условиях!

Ученый-химик Вил Мирзаянов утверждает:

— На территории Государственного научно-исследовательского института органической химии и технологии, что находится в Москве на шоссе Энтузиастов, до войны существовала «шарашка» — настоящая «зона», где под бдительным оком НКВД трудились над новым оружием химиков. Произведенную на опытном заводе ГосНИИОХТа продукцию там же и испытывали — на специально отобранных заключенных — «добровольцах» — молодых здоровых парнях, обещая им, нет, не досрочное освобождение — всего лишь усиленное питание...

...Известно, что в начале 70-х к подобным испытаниям, но уже нервно-паралитических газов последнего поколения, привлекали целые воинские части. Одно из таких испытаний-учений было проведено на полигоне в районе озера Балхаш. На «свинках» в форме Советской Армии испытания было проводить явно безопаснее, чем на эзках, — солдат ничего не поймет и не узнает, офицеру прикажут молчать. А эск... он и сбегать может — это же режим секретности нарушит!

«ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ»

Наверное, многие читали эту вещь Стругацких. Редкому сталкеру удавалось стать счастливым после вылазок в Зону. Наши «пикники на обочине» цивилизации тоже не являлись исключением. Через несколько месяцев после выполнения «задания

Родины» Петренко стал чувствовать себя все хуже и хуже. Медкарта пополнилась целым букетом диагнозов, но связь болезней с проведенным испытанием военные медики категорически отрицали.

А в 1986 году рванула Чернобыльская АЭС.

Военных химиков первыми бросили в радиоактивное пекло. С 29 мая по 16 июля 1986 года в подразделении радиометрической разведки служил и Владимир Петренко. Дозиметристов-разведчиков бросали туда, где надо было снять пробу и измерить уровень радиации. Согласно всем медицинским нормам и инструкциям военное командование не имело права направлять туда уже подвергшегося воздействию химического оружия больного офицера. Но направили. Так Петренко за короткий срок умудрился стать дважды сталкером — сходить в две Зоны, сотворенные «лучшими умами» отечественной военной и околвоенной мысли — в химическую и атомную... И даже вернулся из этого ирреального потустороннего мира. Живым. Но и только...

Из письма майора запаса Петренко министру обороны России Грачеву: «...В течение восьми лет работал в особо вредных условиях. ...за время прохождения военной службы врачами поставлены диагнозы 10 болезней» — это поражение щитовидной железой, аллергический конъюнктивит, хронический бронхит с астматической компонентой и хронический же гастрит, болезнь витилиго...

«ГОДЕН К СТРОЕВОЙ»

Все было бы хорошо — кинули бы ставшему к тому времени майором Петренко мизерную пенсию за четырнадцать с половиной лет воинской службы. Если бы не его характер и длинный язык. Ну кто, позвольте спросить, заставлял его в июле 1990 года выходить из КПСС по политическим мотивам? Или добиваться аннулирования фальсифицированных результатов выборов первого секретаря горкома КПСС? Но совсем уж переполнило чашу терпения командования и вовсе для армии не виданная выходка — в качестве независимого кандидата майор Петренко осмелился противостоят на выборах официальному кандидату — заместителю командира своей же части. И стал депутатом горсовета, а затем и председателем подкомиссии по экологии — да еще и вступил в яростную борьбу с полигонным начальством против превращения Шихан в свалку химического оружия. Посему от скандального майора и порешили избавиться. И избавились. Чисто по-армейски — директивой Генерального штаба 15 октября 1990 года бы-

ла сокращена сама должность, которую занимал майор, а 2 февраля 1991 года и его самого уволили из армии «по сокращению штатов». Естественно, без пенсии, до права на которую ему оставалось служить еще пять с половиной лет...

Ладно бы только ему одному так отомстили. Но точно так же бросили на произвол судьбы и других офицеров, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. А это более 300 человек — для Вольского гарнизона очень много. Двое офицеров не выдержали — покончили самоубийством, многие скончались от последствий облучения «сами».

Все попытки опального офицера опротестовать незаконное увольнение (противоречит статусу депутата!) провалились. На его требования не реагируют ни Грачев, ни военная, ни Генеральная прокуратура. А после того как на собрании избирателей в конце 1992 года он впервые заявил, что в армии проводят испытания химического оружия на людях, им вплотную занялась сначала военная контрразведка шиханского полигона, а затем и Управление МБ по Саратовской области. Но так как депутата нельзя привлечь к уголовной ответственности без согласия Совета (а горсовет такого согласия не давал), то решили действовать иначе. Офицерское собрание гарнизона, проведенное по режиссуре командования, принимает решение об отзыве депутата Петренко. Самому же Петренко еще раз предлагают пройти медкомиссию, которая принимает решение — «годен к строевой!» Это с таким-то букетом хронических заболеваний! А срочно подключенный психиатр пытается еще и доказать, что столь большая активность экс-майора связана — ну, сами понимаете, с чем...

Найти работу в закрытом военном городке Петренко, конечно, так и не удалось — а у него жена, двое детей. В Саратове, может, и получились бы, но там его семью внезапно снимают с очереди на получение жилья.

КОМУ НУЖНЫ «СТАРИКИ»?

Когда я вновь увидел его этой весной, было заметно, что Володя, всегда бодрый, сильно сдал. Да и черная некогда борода стала совершенно седой. «Не могу работать, — пожаловался он, — стоит чем-то позаниматься более двух часов подряд, становится плохо. Дикая усталость, слабость. Все — Чернобыль... А «они» готовы восстановить меня лишь с диагнозом «годен к строевой без ограничений» — и в строй лет на шесть, пока не заработаю права на минимальную пенсию! Что угодно готовы сделать, лишь бы не зафиксировать в письменном виде,

что все старые мои болячки связаны именно с тем, что на мне испытывали новейшее ОВ...»

В начале лета его положили на обследование в военный госпиталь имени Бурденко. Ирония судьбы, но сей госпиталь находится в считанных минутах ходьбы от штаб-квартиры командования химвойск, Военно-химической академии и закрытого НИИ по испытанию химоружия!

— Как насчет пивка? — Володя вымученно улыбается через решетку «Бурды». — У нас, на шиханской «Зоне», выбор небогат: либо офицер спиртягу глушит, либо пивком балуется. Вот я — по пиву...

Только вот денег у него нет — ни на пиво, ни на что другое — надо ли напоминать, что такое пособие по безработице?

В армии любой цивилизованной страны такому дважды сталкеру за разрушенное «во имя Родины» по приказу командования здоровье выложили бы доллары, и в немалом количестве, но военные врачи снова поставили как бы в издевку свой стандартный диагноз: хронические заболевания (их уже стало 12) никак не связаны с прохождением службы в армии (даже в Чернобыле!) и уж, конечно же, никакого отношения к испытаниям химоружия не имеют (чур, чур меня — не было никаких испытаний, вам приснилось, майор! Кстати, а у психиатра вы проверялись?..). После чего все же предложили вернуться в строй, невзирая на массу болезней, дабы «честным воинским трудом заслужить право на пенсию»... Примерно так ответил и министр обороны Грачев.

Пикник на обочине продолжается, в бой пойдут новые молодые сталкеры. А «старикам», типа Володи Петренко, по мнению министерства обороны, у нас «почет и уважение» — значит, один путь, на кладбище. Зачем нужен отработанный материал? Да и болтливые они, эти свидетели...

Но такой выход совсем не устраивает Володю:

— Что же мне делать? Неужели просить политического убежища у американцев?!

Боюсь, что мне нечего посоветовать ему. А американскую визу гораздо легче получит генерал-академик Кунцевич, да он и так из америк и европ не вылезает — несет «знамя химического разоружения» по всему миру. Глядишь, и повстречаются на нью-йоркской улице лицом к лицу бывший майор и цветущий генерал. Хотя навряд ли. «Свинкам» в погонах — на погост, другим — развезжать по белу свету в бизнес-классе и получать Ленинские премии за опыты над наивными лейтенантами, которые только до майоров и дослужатся. Если успеют...

Владлен МАКСИМОВ

ТРИ МУЗЫ ТУХАЧЕВСКОГО

О нем написаны десятки книг и сотни статей. Его путь как полководца военные историки проследили буквально по километрам. Его биографию как политика высшего ранга наши политологи и их «советологи» обстоятельнейшим образом изучали буквально по дням. Но все время в тени остается третья ипостась уникального дарования Михаила Николаевича Тухачевского.

Карьера карьером

Подпоручик, имеющий за спиной военное училище и шесть месяцев войны в должности младшего офицера роты и совсем недавно вернувшийся из плена, в марте 1918-го зачисляется в аппарат Военного отдела ВЦИК. Он ездит с инспекциями, представляет ряд докладов — «проявляет себя», да так, что через два месяца его назначают на должность военного комиссара Московского района обороны, по современным понятиям, на генеральскую должность. И это при том, что в Красной Армии было более чем достаточно бывших генералов. Но для Тухачевского это был не предел. Всего через двадцать дней ЦК РКП(б) направляет его на Восточный фронт, где 28 июня он принимает армию.

В 25 лет — командарм. В 27 — командующий фронтом. В 42 — маршал... Так что, гениальный карьерист?

«Песня про красного командарма»

Если обратиться к советской литературе о Тухачевском, то вся его деятельность в последующие два года укладывается в набор простых конструкций.

Тухачевский обладал уникальным военным дарованием. Хотя у него и отсутствовали необходимое образование и сколько-нибудь серьезный

боевой опыт, он, как полководец, оказался безусловно выше бывших царских генералов, служивших в Красной Армии, которые ему противостояли, и по этой причине быстро обошел их. В должностях командующего армией и позже фронтом Тухачевский одержал блестящие победы в ряде решающих сражений гражданской войны.

Отдельные его неудачи объясняются в основном некомпетентностью и ошибками других людей. А в тех редких случаях, когда все-таки виноват был сам Тухачевский, это происходило из-за некоторой его излишней поспешности и «горячности».

Партия же внимательно следила за успехами полководца и по достоинству их ценила, доверяя ему, бывшему дворянину, ответственные посты на наиболее опасных фронтах.

Истоки «военной теории» Тухачевского

Чтобы попытаться приблизиться к разгадке «феномена Тухачевского», попробуем хотя бы вкратце вспомнить основные вехи его боевой биографии.

28 июня 1918 года Тухачевский вступил в должность командующего 1-й армией Восточного фронта. А уже 22 июля сдал Симбирск. Попытки вернуть город завершились неудачами. Только после начала общего наступления войск Восточного фронта 1-я

армия, имея двукратное превосходство, 12 сентября взяла город. Тухачевский тут же отдает приказ с ходу, без подготовки форсировать Волгу и энергично (запомните это слово!) продвигаться вперед. Но здесь его неожиданно (и это тоже!) атаковала бригада полковника Каппеля. Войска 1-й армии были отброшены за Волгу, снова начались уличные бои в Симбирске. Положение было спасено лишь переброской на помощь Тухачевскому сил 5-й армии.

Вторая крупная операция с участием 1-й армии — Сызрань-Самарская — тоже вряд ли может быть отнесена к чудесам военного искусства. Численно превосходящие неприятеля войска армии в конце концов взяли Сызрань, причем первое наступление было безрезультатным.

Здесь необходимо сказать, что уже на Восточном фронте бывший подпоручик Тухачевский «выработал» основные принципы ведения наступления, которые продолжал затем не только теоретически развивать, но и проводить на практике.

Во-первых, Михаил Николаевич практически сразу понял, что вот уже несколько десятков столетий военачальники наступают «неправильно». В работе «Возникновение гражданской войны» он задает риторический вопрос: «...Как использовать число, чтобы получить максимум силы удара?» Это для Тухачевского не задача:

**Миша Тухачевский, ученик
1-й Пензенской гимназии. 1905 г.**

«Ответ один: пустить в атаку все войска, не оставляя в резерве ни одного штыка». Ответ у него «один»!!!

Второе «золотое» правило (которое Тухачевский, правда, на бумаге никогда не формулировал): действовать надо «энергично» (это слово и еще слово «блестяще» он обожал), не дожидаясь окончания сосредоточения войск на намеченных позициях. Закреплять занятые рубежи тоже не обязательно. Победителей, как известно, не судят, а если что — дополнительные войска для него всегда найдут, его опыт показывал это.

Кроме того, как-то так обычно получалось, что Тухачевский начинал наступление практически без разведки, и потому все успешные действия противника получались для него «неожиданными». Он их так и называл в военных своих трудах.

В начале января 1919-го Тухачевского переводят на Южный фронт. Здесь он в течение всего полутора месяцев командует 8-й армией. Успехов никаких он здесь не добился, как, собственно, и весь фронт, однако командующий фронтом В.М.Гиттис составил весьма нелестное мнение о молодом командарме.

Военную теорию — в военную практику

Вот некоторые дальнейшие вехи боевого пути. С апреля 1919 года Тухачевский снова на Восточном фронте. Тухачевский имел задачу наступать на Бугульму, окружить и уничтожить два корпуса противника. Однако 9 мая Тухачевский был остановлен контратакой. Резервы для отражения удара в дивизиях, как и по-

ложено по его науке, не оказалось. Фрунзе, командующий Южной группой, в которую входила 5-я армия под командованием Тухачевского, срочно перебросил тому дивизию.

Злотоустовская операция, в которой 5-й армии отводилась основная роль. Город хотя и был взят, но план Тухачевского провалился: его войска, как всегда «неожиданно», натолкнулись на «не выявленную разведкой» Уфимский корпус белых. План окружения сорвался, белая Западная армия отступила на Челябинск.

Под серьезной угрозой срыва оказалась и Челябинская операция: опять не обошлось без срочной помощи Тухачевскому.

Первый этап Петропавловской операции окончился тем, что 5-я армия сначала отступила. Успеха удалось добиться только после перехода в наступление главных сил еще и 3-й армии.

Последняя крупная операция возглавляемой Тухачевским 5-й армии — Омская. Она-то уж проводилась при значительном численном превосходстве красных. Разложение у Колчака к этому времени достигло такой степени, что он был вынужден отказаться от обороны города. 25 ноября в качестве одного из «победителей Колчака» Тухачевский прибыл в Москву.

И вот 4 февраля 1920 года Михаил Николаевич принимает дела на Кавказском фронте. Стратегический перелом здесь уже был достигнут, «Вооруженные силы Юга России» перешли к обороне. Красное командование вело подготовку к общему наступлению. Тухачевский начал его 14 февраля. Конечно, «энергично». Было приказано, как обычно, резервов не выделять. Формирование ударных групп даже не было завершено. События (не только, впрочем, по вине комфронта) развивались весьма драматично. Уже через четыре дня «энергичных» действий Тухачевского в помощь ему срочно передеют ряд дивизий Юго-Западного фронта.

Основная задача, ради которой готовилось наступление — окружение Добровольческого корпуса и ряда других соединений, — осталась невыполненной: силы белых эвакуировались в Крым. В конце апреля Тухачевский сдал дела и выехал на Западный фронт.

Овладевая пролетарской теорией...

Если даже признать, что в течение двух неполных лет ценность Тухачевского как военачальника повысилась, то все равно — на роль сверхполковника, затмившего своим талантом практически всех других командующих, он явно не тянет.

Объяснение чудесного взлета Тухачевского следует, конечно, искать

в политической сфере. Потому что в продвижении к вершинам военной иерархии он всегда стремился играть по иным, более свободным правилам, нежели это полагалось. Он — своего рода «генерал от политики».

То, что Тухачевский, не имея ничего общего с большевиками, устремился в Красную Армию, совсем не странно — в новой армии было, конечно, легче получить высокий пост. Шансы, однако, у него были катастрофически низки — там уже было много старых и опытных военспецов: бывших генералов и офицеров. И здесь Тухачевский делает шаг, кардинально меняющий его положение, — вступает в партию.

Для бывшего офицера уже просто вступление в партию большевиков в апреле 1918 года было явлением уникальным, однако Михаил Николаевич на этом не остановился. Он сразу же берется за перо и пускается рассуждать о «классовой борьбе», «марксистской военной науке». Не упускает Тухачевский ни одного случая и упомянуть о решающей роли партии в том или ином военном успехе, делая это с самым серьезным видом: «Я открыто говорю, что дело создания 1-й армии и изгнания контрреволюции ни-

М.Н. Тухачевский — командующий войсками Кавказского фронта. 1920 г.

Делегаты чрезвычайного 8-го Всесоюзного съезда Советов. 1936 год

когда бы не могло осуществиться, если бы Симбирский комитет партии и исполком не пришел на помощь».

Бывший офицер Тухачевский формально принадлежал к «военспецам». Но сам всегда стремился откеститься от этого, подчеркивая, что он — военачальник «новой формации». Так, в одном призыве командования он пишет: «Не бойтесь, товарищи, — при посредстве политических комиссаров... рабоче-крестьянская власть зорко следит за всеми шагами наших начальников. Первый же необдуманный приказ повлечет за собой суровое наказание». Всемерно старался Михаил Николаевич и «прояснить вопрос» о компетентности военспецов. «У нас принято считать, — писал он в декабре 1919 года, — что генералы и офицеры старой армии являются в полном смысле слова не только специалистами, но и знатоками военного дела... На самом же деле русский офицерский корпус старой армии никогда не обладал ни тем, ни другим качеством... на офицерский корпус мы не можем рассчитывать...» Но, правда, вообще-то «хорошо подготовленный командный состав... имеется», однако почему-то, пишет Тухачевский, «лишь среди молодого офицерства».

Еще об одном верном признаке неполноценности офицерского корпуса Михаил Николаевич не мог себе позволить умолчать: «Наше старое офицерство, совершенно незнакомое с основами марксизма, никак не может и не хочет понять классовой борьбы и необходимости и неизбежности диктатуры пролетариата».

Все эти потуги у другого нормально-го человека, сверстника нашего «героя», могли бы вызвать, скажем так, негативную реакцию. Но Тухачевский ориентировался на людей особых, «нового типа». Вот почему ему удалось быстро покорить сердца практически всех партийных руководителей. Его верными защитниками и опекунами стали Куйбышев, Фрунзе, Орджоникидзе. Не говоря уже о Ленине, после встречи и разговора с которым Тухачевский и был послан на Восточный фронт. После скандального возвращения с Южного фронта он снова на аудиенции у Ленина — и ему находят место командарма на другом фронте.

Чувствуя свое особое положение, Тухачевский, попадая в подчинение к военспецам, на которых он «не мог рассчитывать», тут же начинал их «предостерегать», с ними «не соглашаться». Это, естественно, приводило к острым конфликтам, иногда к падению военспецов.

Исключением стал лишь Гиттис.

Война в Польше: Тухачевский действует энергично, поляки — неожиданно

В апреле 1920 года польские войска перешли в наступление. Тухачевскому доверено командование Западным, теперь уже самым важным, фронтом. Его цель — Варшава.

У прежнего командования существовал давно утвердившийся план: главный удар наносился войсками 16-й армии на юге (где и были сосре-

доточены основные силы), а вспомогательный — 15-й армией на севере. Однако Тухачевский этот план отменил. Почему, догадаться не сложно. Михаилу Николаевичу вообще было несвойственно соглашаться на роль простого исполнителя. Кроме того, командование фронтом он принял у старого военспеца — Гиттиса, с которым имел свои счёты.

Тухачевский на скорую руку создает новый план, где все наоборот — главный удар теперь наносит 15-я армия на севере. Началась, следовательно, перегруппировка сил: в результате об операции стало известно польскому командованию.

Начав наступать, войска Красной Армии добились поначалу некоторых успехов, но затем получили ряд контрударов во фланги, кроме того, поляки прорвались в тыл. К первым числам июня войска Тухачевского были отброшены на исходные рубежи. Наступление кончилось полным провалом.

Зато вся операция была проведена в полном соответствии с «наукой побеждать» молодого командующего: резервов было приказано не оставлять — и когда поляки нанесли контрудар, парировать его было нечем. У командования фронта было самое смутное представление о передвижениях противника, которые, конечно, оказались «неожиданными».

Но было здесь и кое-что новое — марксистский вариант науки побеждать развился. Дело в том, что в начале операции Тухачевский настойчиво пытался обойти противника с севера, усиливая этот фланг за счет южного. Такой маневр он теперь будет использовать постоянно; польское командование изучит его чуть ли не наизусть. Но Тухачевский, несмотря на все это, будет упорно придерживаться только этой схемы.

Мы уже знаем, что объяснение тех или иных действий Тухачевского следует искать за пределами традиционных для нормального военачальника сфер. «Революционная марксистская военная мысль» давала такую возможность.

Итак, майская операция закончилась полным провалом.

Но нельзя сказать, что Михаил Николаевич не добился совсем уж никаких результатов. 22 мая 1920 года приказом РВС Республики Тухачевский был причислен к лицам с высшим военным образованием.

План Главкома Всемирных Вооруженных Сил

Не дремала и политическая мысль Михаила Николаевича.

К началу июля 1920 года в Кремле в общем-то уже укоренились планы перерастания советско-польского конфликта в общеевропейскую вой-

ну. 2 июля Тухачевский издал знаменитый приказ № 1423. Речь в нем идет не о просто о проведении «блестящего» охвата или «энергичного» броска. «В крови разгромленной польской армии утопите преступное правительство Пилсудского! Устремите свои взоры на Запад!.. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару». Уже 17 июля был отправлен ответ пленума ЦК на ноту Керзона, требовавшую прекращения наступления. Международному империализму ответили отказом. Война будет продолжаться, и Красная Армия не остановится на этнографической границе Польши.

18 июля неутомимый Тухачевский снова берется за перо. Слагается «Письмо к товарищу Зиновьеву по случаю 2-го Конгресса Коминтерна». В нем есть следующие волнующие большевистскую душу откровения:

«1. Война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата...»

2. Из положения 1-го вытекает, что государство, находящееся под властью рабочего класса, ставит себе политическую цель в войне не сообразно со своими вооруженными силами и средствами, а, наоборот, должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира».

Вот так.

Далее Тухачевский излагает «блестящую» программу строительства Всемирных Вооруженных Сил: необходимо «теперь же создать Генеральный штаб 3-го Интернационала, разработать план мобилизации рабочего класса, открыть в Советской России «ряд военных училищ и Академию Генштаба для подготовки командного состава из рабочих и коммунистов всех национальностей на их языке». Все это необходимо делать немедленно.

В Москве должны были знать — «мировую гражданскую войну» можно начинать смело. Есть человек, способный, дабы не размениваться на мелочи, «энергично» взвалить на себя бремя командования всеми Вооруженными Силами разноразличного Всемирного Пролетариата!

Реляция о последней баталии

Тем временем события на фронте развивались. Красная Армия продолжала наступать. После разговора с Тухачевским Главком РККА Каменев изменяет, по настоянию последнего, стратегический план кампании. Если раньше Западный и Юго-Западный фронты наступали в сходящихся направлениях, то по новому плану армии Тухачевского самостоятельно разгромят здесь польские войска и овладеют Варшавой. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что он

просто не хотел ни с кем делить титул победителя Польши.

К этому времени, правда, тылы фронта отстали на 200—400 км, некоторые части вообще не снабжались продовольствием, питаюсь, подобно лесным животным. Но это ли главное?

Но и польское командование принимает новый план действий, по которому готовится мощный ответный удар.

Но ни Тухачевский, ни командование Красной Армии не придали этим сведениям серьезного значения. Тухачевский, как мы знаем, ведь всегда шел на врага с севера. Когда его предупредили, что главные силы поляков сосредоточены не там, а на юге и что он будет молотить воздух, Михаил Николаевич с этим «не согласился». К сожалению, поляки просто не знали большевистской теории и того, что в разрабатываемой операции им надлежало сосредоточиваться не южнее, а севернее Варшавы. Получилось, что против польской ударной группы действовала лишь крошечная Мозырская группа.

Утром 13 августа Тухачевский начал наступление. Командующий не хотел откладывать ни на час приход всемирной пролетарской диктатуры. В эшелонах в это время еще тряслось пополнение для Западного фронта: до 60 тысяч человек. Крайне небольшие запасы патронов и снарядов. Тылы отстали уже на 400-450 км. Тяжелая артиллерия осталась далеко сзади и без боеприпасов.

Тухачевский действовал в абсолютном соответствии со своими «золотыми правилами», только теперь последствия были уже другого порядка.

Утром 14 августа польские войска нанесли удар севернее Варшавы. А на рассвете 16 августа в наступление перешла ударная группировка Пилсудского. Быстро рассеяв Мозырскую группу, она вышла в тыл армиям Запфронта. Развили успех поляки и в направлении вспомогательного удара. Все северное крыло Западного фронта оказалось под угрозой окружения. Остальные войска стремительно отступали. 20 августа Тухачевский добился-таки начала выхода 1-й Конной ему на помощь. Но она сама едва не попала в окружение.

Примерно к 25 августа «битва за Варшаву» закончилась. Такого поражения Красная Армия еще не знала.

Апофигей Тухачевского

Когда большевики начинали создавать армию, сами они в ней, за редкими исключениями, командных постов не занимали. Здесь несостоятельность людей «нового типа» проявилась бы тотчас. Вот тогда-то и повернулись к профессиональным военным.

Это они, по сути дела, создали большевикам регулярную армию. Они, а не троцкистско-склянский, подвойские-крыленки.

Но уже в ходе войны на высшие командные должности выдвинулись люди, которые чувствовали «специфику момента», смогли понять «большевистскую душу», сумели показать свое восхищение новой властью. Теоретически-то понимая, что при назначении военного специалиста на командную должность нужно руководствоваться прежде всего его профессиональной ценностью, руководство партии не могло удержаться от того, чтобы не продвигать наиболее «преданных» людей. А к концу войны, в период так называемого «третьего похода Антанты», когда прямой угрозы большевистской власти уже не существовало, эта тенденция уже окончательно возобладала у большевиков.

И Тухачевский здесь был одновременно и правилом и исключением.

Правилом — так как был одним из многих бывших офицеров, кто, чудесным образом «прозрев» и получив партбилет в 1918—1920 годах, сделали за время гражданской войны неплохую карьеру и затем заняли в РККА посты, никак не соответствующие ни их образованию, ни опыту.

Но вместе с тем Тухачевский обладал феноменальной способностью чувствовать ситуацию, производить впечатление на людей, что в конце концов и позволило ему обойти всех других военспецов.

Советско-польская война — последняя, кстати, военная кампания в жизни Тухачевского — своего рода итог его роста за время гражданской войны.

Наказания? Ничего подобного! А за что?

Тухачевский знал — наступления от него в Кремле ждали, как никогда. Ждали именно те, кто и вознес его на вершины. И Тухачевский, пусть и потерпев невиданное военное поражение, одержал зато важнейшую, определившую его дальнейшую карьеру, победу. Он еще раз показал тем людям: в армии нет более ревностного адепта, выражаясь языком одного из его сподвижников, «стиля революционной стратегии».

С этого момента Тухачевский фактически становится самым главным среди военспецов.

Именно поэтому вскоре именно ему предстоит совершать новые подвиги на Кронштадтском льду против одетых в солдатские шинели рабочих, крестьян и матросов, а в лесах и селлах Тамбовщины — против крестьян.

ПОВЕСЕЛИМСЯ ВО БЛАГО ЦЕРКВИ

Священник одного небольшого прихода в Мурсии (Испания) Херонимо Ангосто не стал дожидаться, пока его церковь окончательно развалится. Не стал он надеяться и на чудо божественное, от которого мигом наполнится чаша с пожертвованиями на ремонт храма.

Пораскинув мозгами, Ангосто вдохновил местную молодежь на организацию веселых праздников и даже показа мод.

Прихожане с поразительным энтузиазмом приняли участие в празднествах. Их веселье было вдвойне приятным от сознания того, что,

С МИРУ ПО НИТКЕ

развлекаясь, они спасают от разрушения свою церковь, а это наверняка зачтется каждому на Страшном суде.

Все остались довольны, и больше всех находчивый священник, церковь которого теперь выглядит как конфетка, пишет испанская газета «АВС».

ИЗ «ПАРОВОЗНОЙ ИСКРЫ» ВОЗГОРАЕТСЯ ПЛАМЯ

На Кубе, считающейся на протяжении столетий родиной лучших в Западном полушарии марок рома, создана первая группа анонимных алкоголиков. Как сообщили недавно местные средства массовой информации, ее организовали два баптистских священника, поставивших на первых порах скромную задачу — излечить от алкоголизма 35 человек.

В последние годы на острове наблюдается явный рост потребления спиртного. Парадоксально, что это происходит на фоне сокращения норм выдачи спиртных напитков. Если еще пару лет назад ром можно было купить практически повсюду, то теперь он выдается только по карточкам из расчета 1 бутылка на каждую семью в месяц.

В этих хорошо знакомых нам по временам «антиалкогольных кампаний» условиях многие кубинцы прибегают к самогонварению, чтобы утолить свою «жажду». Самодельный ром они называют «паровозной искрой», видимо, с учетом его «обжигающих свойств».

Неумеренное потребление «паровозной искры» стало, по мнению специалистов, одной из причин эпидемической невропатии, которая широко распространилась по всему острову. На сегодняшний день число заболевших этим таинственным заболеванием, истинные причины появления которого до сих пор не могут раскрыть специалисты, составило более 30 тысяч человек.

ИЗ-ПОД ОДНОЙ ОПЕКИ — ПОД ДРУГУЮ... или Хрен редьки не слаще

У иностранцев в России, которым на протяжении многих лет приходилось мириться с притеснениями со стороны КГБ, появились новые опасные противники: грабители, похитители заложников и убийцы, нападения со стороны которых в последние несколько месяцев заставили по меньшей мере нескольких иностранцев пересмотреть свое решение работать и вкладывать деньги в российской столице, пишет американская газета «Вашингтон пост».

«Если российские власти не займутся вплотную этой проблемой, деловая активность здесь резко уменьшится, — говорит Шелли Зейгер, бизнесмен из Нью-Джерси, который создал компанию, управляющую рестораном «Трен-Мос». Русский партнер Зейгера был убит недавно выстрелами в упор, как полагают милиция, орудовали наемные убийцы.

Иностранцы обычно жаловались на жесткие действия КГБ, который вел за ними слежку днем и ночью, прослушивал их телефоны и изолировал их от окружающего мира. Но при этом они находились в безопасности. Теперь же люди, одежда, машины и роскошный образ жизни которых выдают их как иностранцев, обнаруживают, что они оказались перед лицом явления куда более неприятного, нежели плотная опека КГБ, — организованной преступности, защитить себя от которой крайне сложно, а порой и вообще невозможно.

Растущее беспокойство по поводу безопасности само по себе, конечно же, не может остановить поток иностранных капиталовложений, но оно становится еще одним пунктом в и без того уже длинном списке опасностей, замедляющих поступление столь необходимых России инвестиций, грозя серьезно снизить деловую активность как в российской столице, так и в других «криминогенных» городах страны, которых с каждым днем становится, к сожалению, все больше.

ПОКА ИЮЛЬ НЕ ГРЯНЕТ, СТУДЕНТ НЕ ПЕРЕКРЕСТИТСЯ

Если посетить Тайвань, то может создаться впечатление, что страна эта необычайно религиозна. Любой, даже небольшой храм заполнен до отказа. Посещают службы в основном молодые люди. Искренняя вера и религиозный экстаз светятся в их глазах.

Однако если заглянуть в этот же храм где-нибудь в августе или сентябре, то картина будет совсем иная. Фанатично верующей молодежи как не бывало, ведь уже закончилась летняя сессия и вступительные экзамены. Начались каникулы — и жить хорошо и жизнь хороша. А отдохнуть на славу можно и без помощи высших сил, храмы и божества подождут до следующей сессии, заключает тайваньская газета «Фри Чайна Джорнэл».

ПТИЦА СЧАСТЬЯ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Держись, старина Метерлинк, не забудей от всероссийской посмертной славы! Раньше что — сводят чадо в МХАТ на «Синюю птицу», положат начало театральному образованию, кратко очертят контуры счастья и укажут столбовую дорожку к нему. Теперь «Синюю птицу» будут делать в подмосковном Подольске — как Луну в Гамбурге. На заводе имени Орджоникидзе готовят к выпуску первый экспериментальный взездход, предназначенный для помощи тем, кому не шибко повезло, сообщает «Постфактум». Изготовлен он будет из пластика, выкрашен в голубой цвет и предназначен для Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям, если тот отбалит за него 100 миллионов рублей. За эту сумму спроектированный АО «ЗИП» лимузин перевозит спасательную бригаду по земле и воде в точку, где народ терпит бедствие. Привезут с собой, наверное, материализованных персонажей известной пьесы — хлеб, молоко, воду. Что еще надо для счастья? А название — бог с ним! У нас ведь

хоть горшком назови — только в печь не сажай.

Вон Московский градостроительный совет решил застроить Люблинские поля фильтрации, чтобы подарить жителям столицы аж 4 миллиона квадратных метров жилья. На песке строили — почему же не соорудить что-нибудь на извините, дерьме? Его, правда, называют иловыми отложениями с очистных сооружений, собираются 10 миллионов кубометров этого добра вывезти, а взамен создать искусственное насыпное основание, уберяет «Интерфакс». Может быть, жители близлежащих кварталов и вздохнут облегченно от ликвидации не очень ароматного соседства, а как-то придется новоселам? Впрочем, проектантам виднее — они, наверное, знают способ, как вместе с илом увезти и запах. Глядишь, и назовут район новостроек «Бежин луг». А что? Звучит красиво.

А по предположениям ученых, на территории Санкт-Петербурга вполне возможна добыча нефти и газа, обрадовал «Постфактум». По прогнозам научно-

исследовательского института, дислоцированного в городе на Неве, запасы этих полезных ископаемых могут оказаться довольно значительными. И пейзаж улучшится — тут тебе шпиль Адмиралтейства, а здесь — нефтяная вышка.

Любят шутить на Руси. Хочется немножко счастья? Гони деньги и бери, хотел сказать, «синюю птицу» (да вспомнил другой ненавязчивый образ — «ночную бабочку»). С «бабочками» в прямом смысле можно познакомиться с помощью зарубежного каталога проституток, который вам предложат в только что открывшемся екатеринбургском секс-шопе. Стандартный набор асоделенных товаров для джентльменов и леди здесь присутствует, но хочется чего-нибудь оригинального. Полистал каталог, если охота, можешь выписать понравившийся образец из-за границы, сообщают «Евро-Азиатские новости». Правда, кроме гонорара придется оплатить проезд в оба конца, проживание и накладные расходы. Но найдется, наверное, любители экзотики, хотя народонаселение предпочитает в своей массе отечественный товар.

Доморощенный сервис матереев на глазах Работники ЖЭУ в далекой северной Ухте в день повышения тарифов на электроэнергию предлагают организовать на своих участках дежурство «скорой помощи». А то одна горожанка, узнав, что стоимость киловатт-часа подскочила с 56 копеек до 6 рублей, грохнулась в обморок, и ее пришлось коллективными усилиями приводить в чувство.

Деловых людей тарифами не больно напугаешь. Им нужна «скорая помощь» иного рода. Руководители охранных фирм и служб безопасности ряда банков Москвы создали первый в России клуб предпринимателей в сфере охраны бизнеса. «Московский секьюрити-клуб», по данным «Постфактума», намерен оказывать силовое противодействие попыткам мафиозных структур оказывать давление на детективные и охранные фирмы членов клуба. А бизнесмены Кузбасса пошли еще дальше, добавляет «Интерфакс». Потребовали немедленного

принятия новой конституции России. На своем заседании Союз бизнесменов Кузбасса принял резолюцию, в которой любимый нардепами документ назвал «сталинско-брежневским» и отметил, что он препятствует развитию бизнеса в России.

Что ж, в шахтерском крае завсегда бузят. В других же регионах доморощенный капитал, не шибко надеясь на всяческие ветви власти, растит свои сады. Некоторые акционерные хозяйства Башкортостана закупили партию земляных червей в Калифорнии. Заскеанские пришельцы страсть охочи до навоза с животноводческих ферм и успешно перерабатывают его в гумус, на котором все живое расцвезает шибчей и урожайнее. В Грузии, плюнув на непрекращающуюся перестройку, создали СП с итальянцами и собираются экспортировать питьевую воду. Даже в Туркменинии с высочайшего разрешения туркменбаши Ниязова прошел пловый валютный аукцион. Доллар на туркменской такой жарке подскочил до 1700 рублей при наличном расчете, а при безналичном — аж до 2790, сообщает «Интерфакс».

Но самыми большими молодцами оказались специалисты Летно-исследовательского института имени Громова, уверяет «Постфактум». Они испытывают автоматическое устройство «вызода из штолора». С его помощью смогут благополучно выбраться из критической ситуации все самолеты четвертого поколения, на борту которых имеются вычислительные машины. При соответствующей доработке оригинальный автомат можно устанавливать даже на американских истребителях. Глядишь, загоним новшество за океаном и получим кучу «зеленых». Эх, такое бы устройство да в наш парламент. чтобы автоматически выправлять все его завихрения. Но, судя по тому, что говорят и делают нардепы, до пользования ЭВМ им еще расти и расти.

Александр АГОПОВ

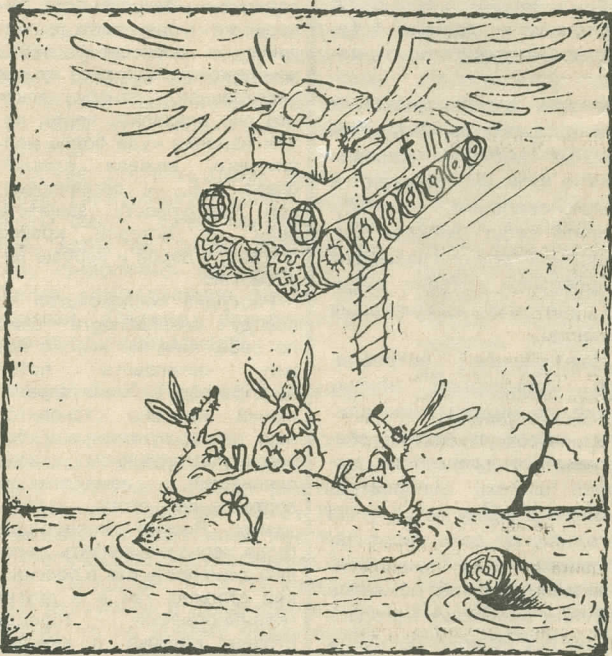

Рис. А.Зайца

О ЧЕМ СПОР?

Грядущие историки, если найдется у них желание копаться в наших сегодняшних политико-экономических баталиях, будут немало озадачены. Отдельные от нас десятилетиями и веками, они вряд ли разберутся в том, что же происходило в России в начале 90-х годов XX столетия. И не помогут им ни стенограммы сессий ВС и съездов народных депутатов, ни тексты президентских указов, ни извлеченные из архивов постановления правительства и газетные подшивки. О чем спорили предки, если в итоге, «оставаясь на своих позициях», они, по сути, делали одно и то же?

Ну, например, сколько страстей кипело вокруг «парламентского» варианта приватизации! Он, справедливо сержали сторонники президента, создает неравноправные условия в обществе и несет иные антирыночные ужасы. А борьба вокруг кредитов? Давай больше! — стучали кулаком парламентарии. Дадим меньше! — огрызалось Министерство финансов. Но вот на глаза будущему историку, начитавшемуся подобных препирательств, попадает, скажем, августовский указ президента «Об особенностях приватизации государственного предприятия «Автомобильный завод имени Ленинского комсомола» и государственных предприятий и организаций, ранее входивших в состав производственного объединения «Москвич». Ба, скажет историк, так это же — фактическая реализация «парламентского»

варианта приватизации. И будет прав наш дотошный потомок.

Ибо основные «особенности» до боли напоминают те позиции, за которые бился ВС России в масштабах страны, включая акционирование силами трудового коллектива (кроме разве что 20 процентов акций, которые государство решило придержать у себя сроком на три года). Да плюс специальная программа государственной поддержки, да еще от московского правительства — многомиллиардный дождь льготного кредита в рублях и двухмиллионного — в долларах, да к тому же дотации на импорт сырья и всяких комплектующих. Легко предположить, что АЗЛК — не последнее предприятие России, которому исполнительная власть предоставит нечто «особенное». Сколько же будет «негосударственных» предприятий, находящихся на содержании у государства?

А кто всерьез сомневается, что приятные для себя кредиты выбьют из правительства аграрии, нефтяники, газовики и т.д.? Никто. Как никто, в том числе и в Верховном Совете, не сомневается, что параноидальный бюджет с дефицитом в 20 с лишним триллионов рублей, принятый парламентом, не будет исполнен, даже если его подпишет не только Ельцин, но и генеральный секретарь ООН. Потому что исполнить сей бюджет невозможно по определению, тем более, что и год уже подходит к концу.

Так о чем спор, чем там машут ветви власти? Спор, конечно, политический, о власти. А экономика, как всегда, в заложниках. И освобождать ее, похоже, никто пока не собирается.

В.М.

ЦИТАТА

К. КРУТОВА
Тула

Прочла в газетах, что энергоёмкость нашей промышленности за последнее время выросла, кажется, на 20 процентов. Я чего-то не понимаю. Энергоносители дорожают, с нас за квартирное электричество берут уже вдесятеро, производственники вздувают цены потому, мол, что им выпуск продукции обходится все дороже, а оказывается, наши родные фабрики и заводы жрут энергии все больше и больше? Так почему за все в итоге расплачиваются не они, а мы, покупатели, потребители? На Западе, когда разразился «энергетический кризис» и энергоносители взлетели в цене, произошла резкая смена технологий на менее энергоёмкие, а у нас, как всегда, все наоборот. Мне кажется, это самое яркое свидетельство того, что у нас не только нет рыночной экономики, но мы даже не сдвинулись на шаг в ее сторону. Да что там рынок — простого здравого смысла не прибавилось.

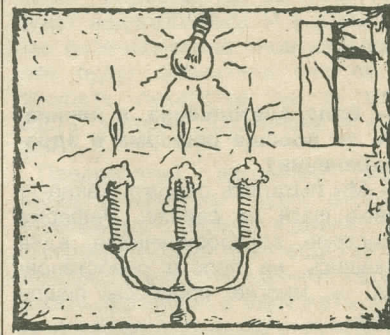

Рис. А. Зайца

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

СУНЬ ПЯТЕРКУ В КОМПОСТЕР

Оригинальное начинание Центрального банка России, решившего известить денежную массу с профилем Ильича, развивают жители Казани. Они предпочитают компостировать в общественном транспорте не талоны, а дензнаки старого образца. И тебе хорошо, и банку меньше возни с уничтожением доставшихся из застойного прошлого купюр. Правда, неясно, какая от этого польза транспорту и как реагируют на этот прорыв мысли контролеры. Но, похоже, отсрочка с изъятием мелких бумажек подвигнет казанцев использовать последние по прямому назначению.

ХОЧЕШЬ ГАЗ — ГОНИ БРИЛЛИАНТЫ

Армения стала первым покупателем туркменского газа, заплатившим за него драгоценными металлами и камнями. Как сообщил агентству «Постфактум» вице-премьер Туркменистана Валерий Отчерцов, прибывшая в Ашгабат правительственная делегация этой закавказской республики привезла с собой крупную партию ювелирных изделий, драгоценных камней и металлов на сумму 3 миллиарда рублей. Этого должно хватить для оплаты импорта туркменского газа до конца нынешнего года. Такой способ расплачиваться за голубое топливо придумало в августе туркменское правительство.

НЕ ПОЗАРИЛИСЬ НА МИЛЛИОНЫ

Впервые клиентом сыктывкарского вытрезвителя стал миллионер.

В карманах не рассчитавшего свои силы бизнесмена было целое состояние — 2,5 миллиона рублей. Придя утром в себя, миллионер пересчитал сбережения, оплатил услуги и, поблагодарив сотрудников вытрезвителя, отправился по делам, сообщает ИТАР—ТАСС. Хотя строгих выговоров теперь не выносят и из партии не исключают, корреспондента все же попросили не называть фамилию необычного клиента. Причина простая — клиент вытрезвителя опасается рэкета.

УВАЖАЕМЫЕ МОСКОВСКИЕ ЧИТАТЕЛИ «СТОЛИЦЫ»!

Продолжается подписка на наш журнал. Если вы имеете возможность приезжать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем вас по льготной цене до конца года: 130 рублей (один месяц). Подписку можно оформить в редакции по адресу: ул. Петровка, д. 22 (вход с Рахмановского переулка), комн. № 610. Справки по телефону: 928-27-69.

РЕФОРМА В МЕДИЦИНЕ ПОШЛА ВСПЯТЬ,

— считает **Бэла ДЕНИСЕНКО**, народный депутат России, доктор медицинских наук, профессор, в недавнем прошлом первый заместитель министра здравоохранения Российской Федерации, а сегодня член парламентского Комитета по охране здоровья, социальному обеспечению и физической культуре.

— Бэла Анатольевна, а начиналась ли вообще реформа в здравоохранении?

— Мы пытались сделать какие-то первые шаги, но сейчас... Реформа в системе здравоохранения, едва начавшись, не просто приостановлена — многие процессы пошли вспять...

— Почему же?

— Главное — бесконечная смена «команд», работающих в министерстве, министров, замов, всех руководителей. Отсюда — полное отсутствие какой-либо преемственности в политике Минздрава.

— И все кадры «команды» Воробьева, в которой вы работали, тоже заменены?

— Может быть, не все, но очень многие.

— Бэла Анатольевна, почему же так происходит, что новый состав министерства не использует уже готовых наработок своих предшественников? Отчего это?

— Я склонна думать, что, скорее всего, — от дефицита профессионализма. Любой настоящий профессионал, придя на новое место, моему, прежде всего проанализирует тот багаж, который оставил ему предшественник: что можно использовать, во что надо внести коррективы, а что, может быть, и отбросить. Но что-то и продолжить! Этого плавного перехода при смене министра не произошло.

— Но при передаче дел вы же,

например, могли ввести вашего преемника в курс дела?

— Ни «передачи дел», ни преемника не было! Уходя с поста замминистра (из-за принятой на VII съезде конституционной поправки, запрещающей народным депутатам быть заместителями членов правительства), я была готова передать моему преемнику все разработанные программы, проинформировать о результатах их реализации. Но... до сего дня моя помощь не потребовалась.

— А если бы они вас спросили, что бы вы ответили? Что надо сегодня сделать, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки? По-крупному?

— По-крупному — решить три проблемы. Первая — разработка принципов финансирования отрасли. Вторая — ресурсное обеспечение медицины. И третья — содержание медобслуживания, его качество, что зависит и от подготовки кадров, и от изменения инфраструктуры медучреждений.

Но главное — наконец решить для себя принципиальный вопрос: каким будет у нас в стране здравоохранение? Будет ли оно, как и прежде, исключительно государственным и, следовательно, финансироваться только от бюджета? Будет ли оно частным, как в Соединенных Штатах? Или оно будет смешанным — то есть сочетать в себе принципы общественного и част-

ного финансирования, медицинских услуг с принципами рыночной конкуренции между врачами и больницами. То есть будет ли у нас действовать прежняя система, при которой финансирование, производство медицинских услуг и управление сосредоточено в одних руках, в руках государства, которое же и покупает эти услуги для населения! А не само население.

— Вряд ли нашему населению сегодня по карману купить эти услуги...

— Конечно. Но оно ведь фактически и так их покупает, платя налоги государству! Не лучше ли будет, если часть этих средств пойдет не «вверх», государству, а в страховую компанию? В независимую структуру, которая и будет покупать услуги для своих застрахованных граждан. И контролировать качество медицинского обслуживания, дифференцируя в зависимости от этого оплату труда врача. И страховой налог, кстати, тоже будет дифференцирован — в зависимости от того, каковы финансовые возможности гражданина, от того, на какие конкретно медицинские услуги он рассчитывает. При этом, естественно, должна существовать некая «основная корзина медицинских услуг», обеспечивающая минимальный гарантируемый уровень медобслуживания, которым государство обязано обеспечить своих граждан.

— Благодаря, в том числе, и нашим усилиям Верховный Совет принял Закон об обязательном медицинском страховании населения. Однако пока ничего не изменилось, никакого страхования практически как не было, так и нет?

— Сбой произошел на этапе поиска источников финансирования страховых программ. Ясно, что при тех огромных налогах, которыми облагаются и граждане, и работодатели, еще один, дополнительный, «страховой» налог они просто не потянут. Значит, нужно искать какие-то резервы в существующих фондах, куда уже отчисляются налоги, взимаемые с граждан. Читателям «Столицы» известно из нашей с вами предыдущей беседы (см. № 38 за 1992 г. — *Ред.*), что мы предлагали выделить на страхование 11 процентов из резерва, имеющегося в Пенсионном фонде. Именно из резерва, не используемого самим ПФ. Но нам в нашей просьбе, по сути, отказали: выделили всего... 3,6 процента, уменьшив на эту величину отчисления в Пенсионный фонд.

— И какова все же судьба этих процентов?

— Министерство финансов, главы администрации на местах сразу же после выделения нам этих мизерных средств попытались уменьшить бюджетное финансирование нужд здравоохранения ровно на ту же сумму. Словом, ничего не изменилось. Естественно, оказался подорванным доверие людей к самой идее обязательного медицинского страхования, дискредитирована эта идея.

— А на что конкретно, по вашим расчетам, должны были бы пойти те 11 процентов, если бы их выделили?

— Прежде всего на оказание всей первичной медицинской помощи, стационарной помощи в больницах по лечению острых и хронических заболеваний... Мы получили бы возможность дифференцировать оплату врачебного труда в зависимости от объема и качества предоставляемых медицинских услуг.

— А как быть в этом случае с медицинской наукой? Кто будет ее финансировать? Те же «11 процентов»?

— Нет. Эти деньги — только для оказания собственно медицинских услуг. Медицинская наука, как и любая другая, делится на прикладную и фундаментальную. Во всем мире, как известно, существует многоканальная система финансирования научных исследований. Фундамен-

тальные исследования обычно субсидируются государством по системе грантов, а также частично — меценатами, вкладывающими свои личные средства в ту или иную отрасль медицины. Что касается прикладной науки, то она имеет более широкий спектр возможностей получения денег. Во-первых, на конкурсной основе — от целевых государственных программ как на федеральном, так и на региональном уровне. Еще один канал — вступить в договорные отношения с предприятиями. Или со страховыми организациями, которые заинтересованы, допустим, в удешевлении конечных страховых затрат на лечение того или иного заболевания...

— При сегодняшней инфляции стоит ли вообще рассчитывать на деньги для медицины из Пенсионного фонда?

— Увы, сейчас состояние российской экономики и материальное положение наших граждан таково, что, по-видимому, задуманная нами первоначально схема финансирования программ обязательного медицинского страхования будет уже не по силам ни гражданам, ни государству...

— Значит, о медстраховании следует забыть?

— Нет. Не для всех. Я все больше склоняюсь к мысли, что нужно принять федеральную программу обязательного медицинского страхования хотя бы малозащищенных социальных слоев населения. Сейчас государство реально сможет взять на себя бесплатное медицинское обеспечение исключительно престарелых, пенсионеров, безработных, детей, инвалидов и другие малооплачиваемые категории. А остальная часть общества, вероятно, постепенно привыкнет к тому, что будет покупать медицинские услуги через страховые компании, оплачивая страховые программы за счет средств работодателей и частично исходя из своих возможностей. Либо предприятие, заинтересованное в сохранении кадров, будет за них платить полностью.

— Вы сейчас говорите о мерах, так сказать, глобальной перестройки в здравоохранении. А что надо сделать сегодня, срочно?

— Первое — обеспечить население медикаментами. Эта проблема упирается в неотработанную систему дотаций на приобретение медикаментов в условиях отпуска цен. Нужны целевые дотации населению, а до сих пор продолжается порочная практика дотирования производителей, посредников аптечных

структур...

— Что же вы предлагаете?

— Все дотации, которые даются производителям и аптечным посредникам, надо передать населению, условно разделив его на три группы. Первая — дети до 7 лет: мама ребенка, независимо от того, болеет он или нет, получает ежемесячно либо дополнительную сумму денег, либо ценную бумагу, дающую право использовать ее при приобретении лекарств. Вторая группа — низкооплачиваемые: пенсионеры, студенты, инвалиды, безработные (та же схема, что и для детей). И третья группа — больные хроническими заболеваниями. Для них дотации должны быть двухуровневые: из федерального бюджета (сумма дотации может дифференцироваться в зависимости от заболевания и, следовательно, разной стоимости медикаментов) и из местного бюджета (некая доплата на случай обострения болезни, когда федеральной помощи явно будет недостаточно). И в этом случае перечисленные слои населения уже будут защищены: они смогут покупать лекарства за ту стоимость, которая обозначена в аптеке.

Предприятия, лишенные господатий, вынуждены будут, входя в нормальную систему рынка, перестраивать свое производство, совершенствовать технологию, срочно искать партнеров и выпускать только ту продукцию, которая нужна потребителю. Если они не смогут — на их место придут другие владельцы, которые сумеют поставить дело.

Следующий шаг за изменением схемы дотаций — демополизация, то есть структурная перестройка в системе самой медицинской промышленности.

— Переход на рыночные отношения в отрасли, по-вашему, еще не начат?

— Наоборот. В своей записке, направленной недавно премьеру, я называю ряд антирыночных мер, предпринятых Минздравом...

— Например?

— Ну, скажем, приостановка приватизации медицинской промышленности, аптечной сети. Ведь приватизация способствовала бы появлению конкурентной среды, формированию слоя средних и мелких предпринимателей, расширению ассортимента лекарств в регионах.

— Так что, новый министр приказал остановить процесс?

— Не приказал, а направил в наш парламентский Комитет по охране здоровья целый пакет поправок, полностью блокирующих привати-

зацию в системе здравоохранения, в частности — в фармации.

Следующая антирыночная акция: передача права проведения закупочных операций от внешнеэкономических структур чиновникам из Министерства. Раньше закупки медикаментов за рубежом осуществлялись монополизированными внешнеэкономическими объединениями, и мы пытались сломать эту монополию и как-то раздробить (с помощью Антимонопольного комитета) внешнеэкономические монстры, чтобы дать возможность регионам выйти напрямую с поставщиками лекарств... Вместо этого создается еще большая монополия чиновников. Это очень благодатная почва для коррупции!

— Вы упомянули о проблеме подготовки кадров. Кажется, находясь в должности замминистра, вы курировали именно эту сферу?

— Да, и здесь требуется принять очень тяжелое решение. Вы, вероятно, знаете, что количество врачей, как и коек в больницах, у нас значительно — во много раз! — превышает западный уровень...

Количеством мы, по-моему, уже всех превзошли. А вот что касается качества... Нам надо сократить число выпускаемых врачей, столь же резко подняв качество их профессиональной подготовки. Ведь чем больше врачей, тем цена оказываемых ими услуг ниже. Фактически наши вузы сейчас, работая с полной нагрузкой, создают в будущем проблему безработицы среди медработников. Ставя подготовку врачей «на поток», мы фактически обесцениваем их труд. Что останется сегодняшнему врачу, выпускнику медресы, в условиях жесточайшей конкуренции? Либо переквалифицироваться, перечеркнув затраченные на получение медобразования годы, либо перейти на выполнение менее квалифицированной работы, скажем, работы медсестры (на что психологически не каждый врач сможет пойти), либо согласиться на мизерную зарплату на нынешнем месте... Есть и еще один вариант, самый опасный: недовольным «сбиваться в стаю» и под руководством профсоюзов идти на штурм правительства, требуя перехода на оклады и — главное — повышения их!.. Значит, то, что мы сейчас делаем, преступно по отношению к своим коллегам.

И еще одна проблема. В развитых странах примерно 85 процентов всей медицинской помощи оказывают людям так называемые «семейные врачи», или «врачи общей прак-

тики». То есть помощь почти вся оказывается на дому или в поликлинике! И основная диагностика тоже — в поликлинике! И, значит, отпадает необходимость занимать для этих целей дорогостоящую койку в больнице. А, к сожалению, наши поликлиники технически слабы, в них мало квалифицированных кадров.

Реформа наша не пойдет, если мы не сможем обеспечить подготовку менеджеров в медицине. Кто у нас главврач больницы? Часто это прекрасный нейрохирург или кардиолог, правда? А нужен для этой работы — менеджер, организатор здравоохранения, экономист, хозяйственник! Когда я работала в Минздраве, нам удалось открыть три факультета экономики в медицинских вузах.

— А сейчас, наверное, ваша прямая парламентская функция — создание законов для медицины?

— Да. Сейчас в нашем Комитете готовится закон о частной медицине. Мы не собираемся противопоставлять частное здравоохранение и государственное, а хотим, чтобы в системе оказания первичной медицинской помощи работали, создавая конкурентную среду и получив лицензию, частные врачи. Они должны аккредитовываться в государственных учреждениях и отвечать за свою работу, за ее качество перед пациентами, перед страховыми компаниями.

В Комитете также готовится закон о лекарствах (в нем регламентируется оценка качества лекарств, система их регистрации в

России и т.д.).

А вообще-то, столько сейчас у нашей медицины проблем, что решить их может только слаженная работа трех «команд» — законодателей (готовят под реформы законодательную базу), исполнителей (министерства и местные исполнительные органы здравоохранения), наконец — самих врачей (способных воспринять и претворить в жизнь то, что наработано «командами»). А возглавить это движение за здоровье нации должен президент. Как, например, в Америке.

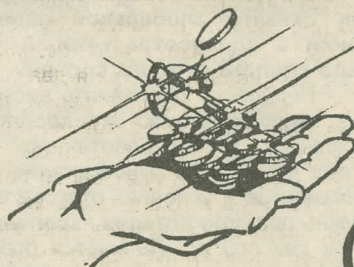
— Если бы президент предложил вам стать его «самым главным советником» по здоровью нации, пошли бы?

— О чем говорить, мне же этого никто не предложил...

Григорий КРОШИН

СОЛИДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДАСТ

НАЛИЧНЫЕ ДОЛЛАРЫ ЗА БЕЗНАЛИЧНЫЕ РУБЛИ

ПО БИРЖЕВОМУ
КУРСУ ПЛЮС 10%.

(095) 111-31-57

С утверждением, что народ у нас в стране живет находчивый, думаю, никто спорить не будет. Уж что-то, а это у нас в крови. Да вот только находчивость эта в большинстве случаев куда-то не в ту сторону направлена. Одни, например, придумывают все новые и новые налоги, другие же не менее находчиво эти налоги обходят. Да еще и книги печатают: «Как уклониться от налогов».

Те под видом фирменного европейского товара торгуют ширпотребом из Турции и Китая, другие ничтоже сумняшеся шлепают на свою продукцию чужие наклейки и преспокойно продают.

А ведь законы об охране промышленной собственности уже есть, и, в принципе, неплохие. Но, как всегда, что-то где-то недоработали, что-то где-то недосогласовали. И вот Патентный закон РФ, закон РФ о товарных знаках приняты, а сопричастного к ним закона «О недобросовестной конкуренции» так и нет. Нет и Высшей патентной Палаты. Ну а пока суть да дело, избретательный ум «бизнесменов» преподносит нам все новые сюрпризы.

И вот уже на каждом углу торгуют поддельными джинсами «Ливайс», в магазинах продают швейцарские часы, сделанные в Гонконге, а на улицах Москвы до недавнего времени можно было приобрести резинового Микки-Мауса, не имеющего никакого отношения к фирме «Уолт Дисней». Правда, с Микки-Маусом вроде бы разобрались. Предприятия-двойники закрыли, а поддельных мышей изловили. Казалось бы, чего проще? Ну обратитесь вы к компании «Уолт Дисней», получите лицензию и производите-торгуйте на здоровье! Если же не устраивают условия — придумайте что-нибудь свое. Ан нет...

Но это все, как говорится, цветочки. Вот ягодки, так это в нашей российской водке. Ведь согласитесь, что совсем не здорово, когда «Столичную» или «Московскую» водку, которые давно зарегистрированы на имя одной конкретной организации в Москве, вдруг начинает производить завод на Украине или во Владикавказе. А уж качество производимой ими «Столичной» просто ни в какие ворота... Да какое там качество, когда владикавказский завод «Терек» поставил партию «Столичной» в Чехию, а водка-то оказалась не простой, а с содержанием фенольных смол. Теперь чехи «Столичную» не покупают, и попробуй докажи им, что ты не верблюд и что настоящая «Столичная» совсем другая. Впрочем, иногда происходит и противоположное — имена придумывают свои, но какие! Некая зарубежная фирма решила выпус-

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?

О «Русском Камамбере» и немосковской «Московской»

Рис. А. Зайца

кать собственную водку со своим названием, да вот только имя, на наш, российский, взгляд, выбрала неудачно. «Чайковский»? Каково? Но спешу сообщить, что водки с таким названием вы не увидите, так как по новым российским законам имена всемирно известных людей, представляющих национальную гордость страны, могут быть использованы лишь с согласия владельцев или их правопреемников либо с разрешения парламента. Естественно, что такое разрешение получено не было.

«Вот именно!» — воскликнет иной предприниматель, читая эту статью. — Как водку известным именем назвать, так нельзя. А если я два года из кожи вон лез, делал своей фирме имя. Сколько денег только на рекламу ухлопал... И тут появляется какой-то шустрик и дает своей безвестной фирмешке точно такое же название! Покупатель думает, что это мой филиал, а «новичок» греет руки на чужой популярности. Что ж мне теперь,

сжечь его, что ли?»

Сжигать, конечно, никого не стоит, а вот обратиться в Объединение патентных поверенных «Союзпатент» просто необходимо. Да и вообще, если на вашей улице пять магазинов «Саша», а вы были первым, кто открыл такую торговую точку и зарегистрировал название, то имеете полное право требовать переименования других четырех. Что, кстати, сейчас и пытается сделать известная фирма «Сэлдом». Правда, добиться этого оказалось не очень-то просто, так как вновь образованная «маленькая» фирма «Сэлдом» занимается не совсем тем, чем «большой брат», а следовательно, формально допускается сходство имен. Формально — да, но ведь существует еще и такое понятие, как введение в заблуждение покупателя. Человек, который зашел в магазин фирмы «Сэлдом», конечно, не будет спрашивать, тот ли это «Сэлдом» или не тот. И в результате может сильно обмануться в своих ожиданиях.

Впрочем, в России покупатель рискует быть обманутым на каждом шагу. Допустим, в кои-то веки решили вы побаловаться «Мартини» или бутылкой дорогого испанского вина. Покупаете его в ближайшей коммерческой палатке, открываете и чувствуете явный привкус уксуса. Думаете, испанцы вас обманули? Ничуть. Вино изначально было наверняка хорошее, да вот только недельное (а то и больше) стояние под прямыми солнечными лучами привело его в новое состояние. А чей престиж страдает? Безалаберного лоточника? Нет, «крайней» оказывается вполне добросовестная, уважаемая фирма-производитель.

Вспоминать все эти неприятные ситуации, которыми так богат «дикий» рынок, можно очень долго. Майки «Аидас», изготовленные на соседней улице, и обувь «Рибок» оттуда же; вино из Порту (портвейн) курского розлива, «Советское шампанское», «Коньяк» made in «МосАзер» и даже сыр «Русский Камамбер» (сочетание не менее дикое, чем, скажем, «Сыр Французский Вологодский»).

А вообще-то, конечно, со временем все изменится. Российские «акулы» рано или поздно поймут, что цивилизованные, порядочные отношения в бизнесе оборачиваются серьезной прибылью. Ведь добиться уважения к своей фирме, своему имени, своим идеям, своей собственности можно, лишь научившись уважать конкурентов и «смежников».

Олег КУЗЬМИН,
«Бизнес-клуб» радиостанции
«Эхо Москвы»

Да поможет вам траст!

В странах с развитой рыночной экономикой давно хорошо известно, что изучение фондового рынка — не такое простое занятие и должно быть уделом специалистов. Для этого существует множество компаний с высокопрофессиональным персоналом, готовых за оговоренное вознаграждение взять на себя ведение операций с вашими ценными бумагами. На языке финансистов это называется доверительным пользованием, иначе — трастом. Сравнительно недавно и у нас стали появляться фирмы, занимающиеся трастовыми операциями. Об особенностях работы трастовых компаний в условиях сегодняшнего российского рынка мы попросили рассказать исполнительного директора Первой Независимой Инвестиционной Компании Дмитрия РОГОВА.

Траст, не столь давно появившийся у нас, широко развит в мире. Он включает в себя доверительное пользование при операциях не только с ценными бумагами, но и с недвижимостью, в вопросах наследования. Количество недвижимости в личном пользовании пока не столь велико, и потому у нас более актуальны трастовые операции с приватизационными чеками и приобретаемыми на них акциями приватизируемых предприятий. Для этого и создаются инвестиционные компании, такие, как наша, например.

В чем отличие инвестиционной компании от инвестиционного фонда? Фонд принимает от населения ваучеры, обменивая их на свои акции. То есть вы становитесь обладателями акций фонда, имея весьма смутное представление о том, долей какого предприятия стал сданный вами ваучер. Приобретаемые на чековых аукционах акции оказываются как бы размытыми между тысячами или даже миллионами обладателей акций данного фонда. К тому же, при существующих для инвестиционных фондов ограничениях на количество участвующих в аукционах приватизационных чеков, большие фонды будут обречены на то, чтобы вкладывать часть своих активов в нерентабельные предприятия. Ведь число рентабельных — не бесконечно, а фонд должен разместить все приобретенные ваучеры. Дивиденды от доходных предприятий будут нивелироваться неизбежными убытками от неэффективных производств.

Этих недостатков лишены инвестиционные компании. Во-первых, нам не запрещено, в отличие от фондов, заниматься операциями купли-продажи ваучеров на

бирже. А на этом сейчас можно строить очень эффективную игру. Во-вторых, мы можем приобретать акции за деньги, вырученные, в том числе, и от продажи ваучеров. Ну и, наконец, наш клиент, взамен сданного в инвестиционную компанию ваучера, становится обладателем индивидуального инвестиционного счета, на котором хранятся купленные для него акции. Это не обезличенные акции фонда, а акции конкретных приватизированных предприятий, в дальнейшей деятельности которых мы принимаем самое непосредственное участие. Строго говоря, ваш ваучер не обменяется на акции, а лишь принят в доверительное пользование. Вы доверяете нам поступать с ним по своему усмотрению, но в наших общих интересах — разместить его с максимальной выгодой. За вами остается безусловное право прекращения договора траста. В таком случае вы сможете получить обратно по вашему желанию или свой ваучер, или акции, которые будут на вашем счете.

Уже изначально инвестиционная компания имеет более развитую инфраструктуру, поскольку обязана иметь минимальный уставный капитал в пять раз больший, чем у инвестиционного фонда. А это предполагает, в первую очередь, большее количество сотрудников, занимающихся анализом фондового рынка, сложившейся на нем ситуации и принятием решений. В инвестиционной компании работают специалисты с высшим экономическим образованием, получившие аттестацию Министерства финансов России, и наша зарплата напрямую зависит от эффективности нашей работы, от верности выданных аналитиками рекомендаций

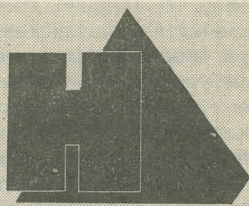

относительно того или иного предприятия. Чем прибыльнее будет работать предприятие, тем выше будет курсовая стоимость его акций. Следует помнить, что акция — это доля вашей собственности в приватизированном предприятии.

Многих волнует, как скоро они смогут получить дивиденды, мол, некоторые инвестиционные фонды их уже выплачивают, да немалые. Нам кажется все это очень сомнительным — и вот по какой причине. Сейчас большинство предприятий, если не все, нуждается в реконструкции оборудования или полной его замене. Многие предприятия не имеют очистных сооружений, являясь экологически грязными производствами. Все это требует времени и денег. Поэтому было бы нечестным с нашей стороны гарантировать доверившим нам свои ваучеры выплату дивидендов в первые же месяцы. Но через год, я думаю, мы сможем это сделать. Прибыль выразится в повышенной курсовой стоимости акций, новых приобретенных нами акциях или в деньгах. Клиент может забрать свою прибыль и самостоятельно ею распоряжаться — продавать, обменивать, а может, если он доверяет нашему профессионализму, оставить ее в трасте, и мы будем продолжать эффективно работать с его счетом.

Мы заинтересованы в том, чтобы акции оставались на счетах компании, ведь, приобретая контрольный пакет акций какого-либо предприятия или хотя бы войдя в Совет директоров, мы начинаем влиять на его производственную политику. Нам важно, чтобы контрольный пакет не размылся, а оставался у нас, ведь Независимый банк России, являющийся учредителем нашей компании, будет кредитовать это предприятие, делать целевые инвестиции для повышения эффективности его работы.

Разобраться в фондовом рынке действительно непросто. Это удел специалистов. Можно, конечно, попытаться самому поучаствовать в чековых аукционах, но совершенно не обязательно, что крупная московская гостиница будет работать прибыльнее малоизвестного заводика где-нибудь в Таганроге или Оренбурге. Если вам по силам такой анализ — вперед! А может, все-таки довериться профессионалам?

Москва ул. Шишкина, д. 7 (ст. м «Сокол»)

**Первая Независимая
Инвестиционная Компания**

Записал Вадим КАНТОР

Открыта подписка на журнал «Столица»

на 1-е полугодие 1994 года!

Стоимость подписки, объявленная редакцией:
на три месяца — 2600 рублей,
на шесть месяцев — 5200 рублей.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку.

Ф СП-1

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету		73746	
"Столица"		(индекс издания)	
(наименование издания)		Количество комплектов:	
на 19 _____ год по месяцам			
1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
Куда			
(почтовый индекс)		(адрес)	
Кому			
(фамилия, инициалы)			

Стоимость подписки в Москве с учетом надбавки составляет:
на три месяца — 3166 рублей (для организаций — 3732 рубля);
на шесть месяцев — 6182 рубля (для организаций — 7164 рубля).

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ		место		ли-тер		на газету		73746	
								(индекс издания)	
								"Столица"	
								(наименование издания)	
Стои-мость	подписки	_____ руб.	коп.	Количество комплектов:					
	пере-адресовки	_____ руб.	коп.						
на 19 _____ год по месяцам:									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Куда	
(почтовый индекс)	(адрес)
Кому	

Рекламный центр еженедельника
«Столица» приглашает рекламных
агентов для работы по всем видам
рекламного обслуживания.
Вознаграждение от 10%.
Тел. 928-83-40.

●

Еженедельник «Столица»
приглашает распространителей
на выгодных условиях!
Контактные телефоны: 925-73-09,
928-27-69.
Редакция выдает
разрешение на распространение.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати

Уважаемые московские читатели «Столицы»!

Если вы имеете
возможность
приезжать за нашим
журналом в
редакцию,
мы подпишем вас
на первое полугодие
1994 года

по льготной цене:

3900 рублей

(на полгода),

1950 рублей

(на квартал),

650 рублей

(на один месяц)

Подписку можно
оформить в редакции
по адресу:

Петровка, 22

(вход с Рахмановского
переулка),
комн. № 610.

Справки по телефону:
928-27-69

ПРЕДЛАГАЮ:

Русский язык и литература. Фундаментальная подготовка в ВУЗы Москвы. Индивидуальные консультации. Опытный преподаватель.
Тел.: 269-16-78.

Поможем людям любого возраста в создании семьи.
Тел. 945-65-60.

Методика самостоятельного планирования ребенка заранее определенного пола. 99% успеха. Недорого.
117311, Москва, а/я 17, Елена.

Грузоперевозки.
Тел. 405-01-02.

Качественный ремонт и настройка пианино и роялей. Преподавателям ДМШ оплата льготная.
Тел.: 291-34-62, 442-96-69, Бронислав Ефремович.

Дистрибьютор фирмы «HERBALIFE» уникальное лечение (похудание, омоложение, хронические болезни) ГЕРБАЛАЙФ — чудо американской медицины.

В период лечения — 100-процентная гарантия бесплатного мед. наблюдения. Приглашаются врачи.
Тел. 151-84-52 (секретарь).

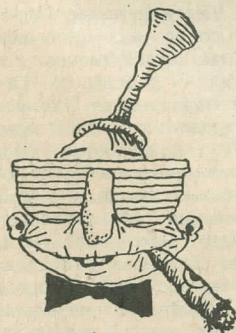
Дома и на работе — уничтожение насекомых.
Тел. 387-00-31.

Herbalife — приглашаем к сотрудничеству организации и частных лиц для распространения уникального американского препарата для оздоровления, снижения веса, очистки организма.
Тел. (095) 522-05-41.

Оформляем визы и загранпаспорта.
Тел. 268-06-34.

Расселяем коммуналки, покупаем квартиры.
Тел. 268-06-34.

Визы. Дания, Англия и т.д.
Тел. 481-47-71.

Жалюзи солнцезащитные импортные на заказ с установкой.
Тел. 177-40-92.

Настройка пианино, роялей. Цены умеренные.
Тел. 438-31-87.

Навсегда ликвидирую полноту уникальным методом.
Тел.: 154-52-64, 149-00-80.

Очаровательные высокопородные щенки шелти (мини-колли)
Тел. 928-42-79.

Гороскопы. Тел. 125-33-03.

УСЛУГИ:

Избавлю от лишнего веса, гипертонии, аллергии.
Тел.: 319-68-72, 909-43-42.

Адреса и телефоны 50 фирм США, которые обучат и примут на работу.
455000, Магнитогорск, а/я 3046.

КУПЛЮ:

1-2-комнатные квартиры.
Тел. 281-97-17.

Любую комнату. Срочно.
Тел. 291-09-97.

Комнату, 1-комнатную квартиру.
Тел.: 279-36-03, 332-63-53.

ПРОДАЮ:

«HERBALIFE». Скидки.
Тел. 177-46-86.

Внеплановые щенки колли от элитных родителей.
Тел. 110-09-52.

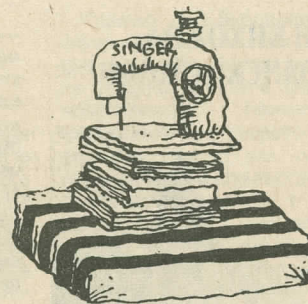
Автомобиль ВА3-21063, двигатель 1600, 1990 г. выпуска.
2000 ам. долл.
Тел. 928-70-17.

Престижных щенков добермана из авторитетного клуба «Апольда».
Тел. 461-96-54, эксперт-кинолог Беляков В.Ю.

Ювелирные изделия с финифтью и самоцветными камнями мелкими партиями. Принимаю заказы на изготовление мелких партий украшений, в т.ч. с фирменным знаком заказчика.
Тел. 393-08-58, Михаил.

2-комнатную квартиру, м. «Белорусская».
Тел. 332-63-53.

Часы «Cardi Vostok», механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.
Тел. 187-13-47.

Швейную ножную машину «Зингер», перину пуховую, два садовых участка под Клином (6 соток), книги (собрания сочинений и отдельные издания).
Тел. 492-12-57, после 19.00.

Щенков йоркширского терьера. Очарование!
Тел. 323-30-97.

МЕНЯЮ:

3-комнатную кв., 43,3 кв. м, изолир. (17,6+13,8+12,9), кухня 10,8 кв. м, коридор 8,5 кв. м, с/у разд., телефон, лоджия, 1-й высокий этаж 12-эт. дома, м. «Теплый стан», ул. Генерала Тюленева.

Надо: 1-комнатную кв. (м. «Беляево — Ясенево») + 1-комнатную кв.
Тел. 971-29-81.

Глазов на Москву. 3-комнатная кв., 3-й этаж, телефон, лоджия.
Тел. в Москве 261-42-69, в Глазове (34141)-4-34-88, Ольга.

1-комнатную кв., 18 кв. м, кухня 6 кв. м, балкон, паркет, м. «Ул. 1905 г.», на равноценную в районах м. «Кузьминки», «Измайловский парк», «Битцевский парк».
Тел. 259-11-92.

3-комнатную квартиру в Люберцах на жилплощадь в Москве. Квартира площадью 37 кв. м, кухня 7,5 кв. м, расположена на 9-м этаже 9-этажного панельного дома.

Надо: 2-комнатная квартира в Москве или две 1-комнатные кв.
Тел. 251-16-50.

4-комнатную квартиру (47,5 кв. м), м. «Домодедовская», 3/9, все удобства, на 2-комнатную квартиру и 1-комнатную квартиру.
Тел. 391-94-86.

3-комнатную квартиру, 45 кв. м, на улице Федора Полетаева, на квартиру в Центре или на развед.
Тел. 291-09-97.

Меняю участок на Южном берегу Крыма (8 соток с садом) с правом на прописку и застройку на «ГАЗ-3102».
Тел. 923-19-71. С 12.00 до 16.00, Мария.

Приглашаем студентов для работы в издательстве рекламными агентами, менеджерами по рекламе (с обучением).
Тел. 181-94-06.

ДОН КИХОТ НА ТРОЯНСКОМ КОНЕ

Фото Ю. Кадабнова

Когда-то де Голль произнес фразу, ставшую крылатой: «Европа едина от Атлантики до Урала». Но вряд ли знаменитый генерал предполагал, что много лет спустя человек решится доказать всем, что так оно и есть (или, по крайней мере, должно быть).

Человек этот — Георгий Красовский. Инструмент доказательства — велосипед. В семьдесят семь лет в одиночку совершил велопробег длиной в тысячи километров

— на такое редкий спортсмен решится. Но дело тут не столько в отличной физической форме или в совершенном владении велосипедом (Красовский всячески подчеркивает, что он не профессиональный велосипедист). Дело — в идее: с войнами, голодом, нищетой, национализмом можно справиться, лишь объединившись.

«Множество маленьких людей во множестве маленьких мест совершают множество маленьких поступков, которые могут изменить лицо Земли». Красовский очень любит эту шотландскую поговорку. И считает себя обычным «маленьким» человеком. Он организовал двенадцать велопробегов мира, участниками которых всегда были люди в возрасте от 60 лет и старше.

Красовский называет себя Гражданином Мира. Он обладатель редкостного нансеновского паспорта, который позволяет ему беспрепятственно преодолевать границы государств. У него нет гражданства: всю жизнь прожив во Франции, он не счел возможным стать французским подданным, так как всегда был и остается русским. В 1920-м году, когда Красовскому было пять лет, его се-

мья вынуждена была эмигрировать из России. Но душа Красовского, по его словам, была всегда на родине. И доказательство тому — его прекрасный русский язык. «Во Франции я в гостях, — говорит Георгий Антонович, — и только в России — дома».

За его плечами велопробеги Париж—Ассизи (1975), Париж—Варшава (1978), тур по бывшим соцстранам — Чехословакия, Венгрия, Югославия (1979), тур по Африке, маршрут Париж—Стокгольм (1982)... В 1991 году состоялся самый последний (не считая нынешнего) велопробег: он проходил по горячим точкам Кавказа и Ближнего Востока.

По словам Красовского, в путешествиях его часто сопровождали незримые спутники — образы легендарных или исторических личностей, связанных с определенной страной. «Например, на Кавказе, — говорит он, — мной тотчас же овладел образ Прометея — человека, похитившего огонь с неба. На Ближнем Востоке меня сопровождал великий поэт исламского мира Омар Хайям. А как только мы оказались на волнах Средиземного моря, я тотчас же вспомнил гомеровского Одиссея, с которым всегда

чувствовал духовную связь. И велосипед показался мне своеобразным Троянским конем Мира...»

Последний маршрут миротворца пролегает через всю Европу. Он миновал Францию, Германию, Польшу, Белоруссию, Балтийские страны. Недавно проехал и через Москву — горожане видели Красовского у памятника Юрию Долгорукому, где путешественника встречали друзья, близкие, журналисты и просто заинтересовавшиеся люди. Кстати, Красовский и сам — журналист: в Париже на протяжении многих лет он издает две газеты — «Лев нувель гуманизм» («Новый гуманизм») и «Эспри либр» («Свободный ум»).

6 сентября Красовский прибыл в Екатеринбург, конечный пункт велопробега. Но это далеко не конец миротворческих планов. С 24 по 30 октября Красовский проведет «Неделю за разоружение» — проедет по всем бывшим республикам СССР, уделяя особое внимание горячим точкам — Кавказу, Таджикистану.

Вот такой Дон Кихот на Троянском коне...

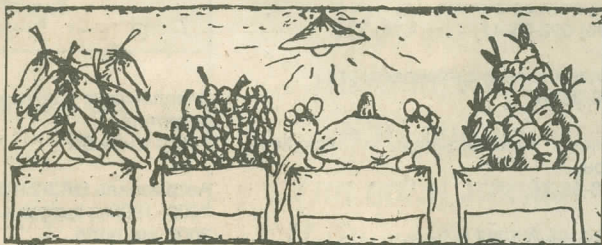
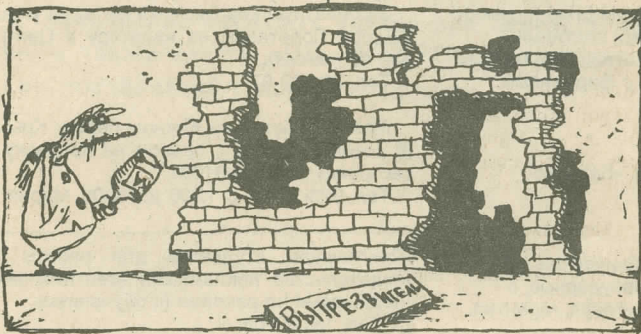
Наталья АЛЯКРИНСКАЯ

ТЕМНИЦЫ РУХНУТ, И...

В некоторых городах Краснодарского края — например, в Анапе и Новороссийске — не работают медвытрезвители. Эти спецучреждения закрылись не потому, что стало мало пьяных. Просто у местных властей нет средств для содержания «заведений». В Анапе вытрезвитель закрылся год назад. До недавнего времени здание пустовало, пока им не за-

интересовалась коммерческая фирма. Коммерсантов интересовало не столько само здание, сколько земля под ним. Решили вытрезвитель разобрать, а на его месте построить офис. Разбирать вытрезвитель пригласили бригаду алкоголиков, бывших постоянных клиентов заведения. За день работы им заплатили пятью ящиками вина. Демонтаж вытрезвителя работники отмечали сотней бутылок портвейна «Кавказ».

Дмитрий ЕРМАКОВ

МЕРТВЫЕ БАНАНЫ НЕ ИМУТ?

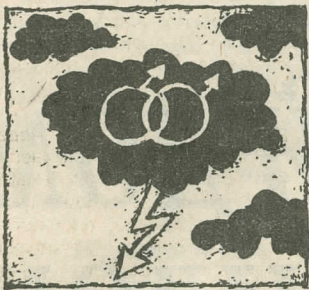
Жуткие слухи о том, что холодильники городских моргов используются якобы для хранения контейнеров с бананами, киви и прочими заморскими ананасами, оказывается, не являются прерогативой Москвы.

В последнее время примерно такая же информация поступила из Челябинска. Некоторые «источники» утверждают также, что морги используют для складирования не только фруктов, но и мяса и порой вывозят его

оттуда больше, чем привозят... Шутки шутками, а вот то, что спрос на тропические фрукты существенно снизился, — реальность. Оптовики подозревают, что вредные слухи исходят от завистливых конкурентов, «специализирующихся» на отечественных плодах.

Милиция же успокаивает граждан: «сигналов» о хранении бананов в моргах к ним не поступало. Специальных проверок «заведений», впрочем, никто пока не проводил.

Виктор ЗОЛОТУХИН

«ГОЛУБОЙ» ГРОМ

Необыкновенный террористический акт совершен в городе Альметьевске. В сквере близ кинотеатра «Булгар» неизвестные граждане разлили 75 граммов ртути. И оставили там же машинописную листовку, подписанную так: «Клуб гомосексуалистов». В листовке содержится угроза с помощью таинственного средства, которым смазаны скамейки, лишить потенции всех «подонков» из враждебной группировки, обижавших мирных и безобидных членов клуба.

Работники ГО тщательно очистили почву и лавочки в сквере. Общественность потрясена: до сих пор «голубые» в городе никак о себе не заявляли.

Георгий КУЗНЕЦОВ

ЕСТЬ В ОЗЕРАХ «ХЛЕБНЫЕ» МЕСТА

В свое время, как известно, за три колоска, унесенных с поля домой, «давали» десять лет. Теперь иначе — три грузовика зерна в озеро ссып — и хоть бы хны...

Именно такой дикий случай произошел неподалеку от совхоза «Кузьмичи» в Волгоградской области. Теперь рыбаки с утра пораньше спешат закинуть удочку поближе к «хлебному» месту...

А фермеры, комментируя этот случай, грустно усмеваются: «Скоро таких мест много будет!» Да, урожай зерновых в этом году — хоть куда. И чем больше у фермера поле, тем сильнее болит у него голова: надо ведь убрать урожай, найти и оплатить транспорт, сдать зерно на хранение... По распоряжению премьера Черномырдина совхозные тока обязаны принимать у фермеров зерно на хранение бесплатно. Но если ничего не сунешь в карман приемщику, он посоветует ссыпать урожай в карман премьеру или еще куда подальше. До Черномырдина далеко. До озера близко — прямая дорожка от тока пролегает.

Валерий ЦЫГАНКОВ

«ПОЙДЕМ В БАНЮ! ЗАОДНО И ПОМОЕМСЯ...»

В мрачные тоталитарные времена совместное мытье в бане лиц противоположного пола возбранялось: правила допускали в общую душевую лишь законных супругов, один из которых не мог себя мыть по причине инвалидности. С тех пор коммунозовские нравы значительно смягчились, особенно после того, как вошли в моду сауны, содержать которые отдельно для «М» и отдельно для «Ж» слишком накладно.

Однако в Бугульминской сауне уже несколько месяцев идет борьба за чистоту не столько телесную, сколько нравственную. Разнополюе граждане могут попасть в заведение только по предъявлении свидетельства о браке или паспортов с соответствующими штампами. Сауна, тем не менее, как утверждают компетентные источники, по-прежнему пользуется большой популярностью у молодоженов, не имеющих пока собственного жилья.

Георгий КУЗНЕЦОВ

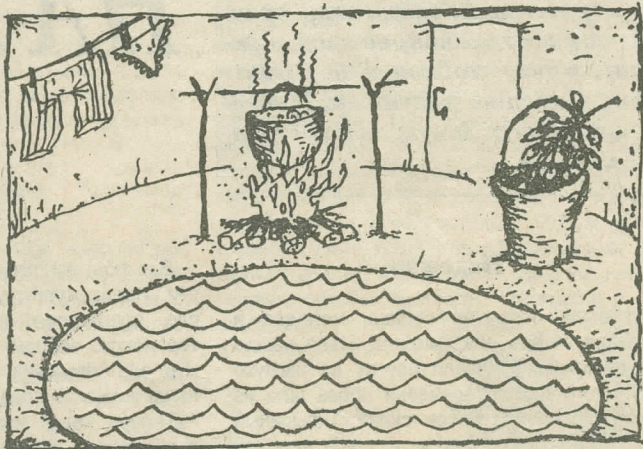

Рис. А.Зайца

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Заранее прошу прощения у коллеги Малинина за невольное вторжение в его епархию. Дело в том, что издательство «Новости» недавно перевело роман Дина Кунца «Ангелы-хранители» — впечатляющий образец американского научно-фантастического триллера. В секретной армейской лаборатории генетики вырастили двух мутантов, как бы воплотивших, по замыслу писателя, Добро и Зло — разумного пса по кличке Эйнштейн и жуткого обезьяноподобного монстра Аутсайдера, предназначенного для террора и истребления солдат противника под покровом ночи. Животным удалось вырваться на свободу; Зло, как полагается, преследует Добро по пятам, стремясь уничтожить. Схватка втягивает все новые человеческие судьбы...

Роман написан восемь лет

Михаил ГЛОБАЧЕВ

ИМПЕРИЯ КОЗЛА

назад; разумеется, его героям всячески мешают козни Советов. Офицер, разыскивающий беглецов, говорит другому: «Никогда не думал, что окажусь на стороне русских, но мне по душе их идея остановить проект». На что собеседник отвечает: «Не думай только, что они такие благородные. Я слышал, у них на Украине разрабатывается аналогичный...»

Тут я отложил книгу и задумался.

Интересно, какие сейчас проекты в ходу в лабораториях вольной Украины? А в России — в ее нынешнем со-

стоянии? На всей территории СНГ накоплена масса орудий смерти; они какое-то время будут опасными, пока рано или поздно окончательно не сгниют, как и все остальное. Но нового чудо-оружия, служащего всемирному торжеству самой людоедской идеи, здесь явно уже не сотворят. Конечно, большинство из нас в той или иной мере сами аутсайдеры. Но пока все же, к счастью, только с маленькой буквы.

Мне кажется, что путем нехитрых генетических манипуляций бывшая империя зла превращена... в козла. Он

тоже аутсайдер скотных дворов. В своей узкой сфере бесспорно полезен, во всем же остальном толку от него ноль — не дает молока, даже по 144 р. литр; блудлив и бодлив донельзя, а вдобавок распространяет удушливый запах (тут уже не даст соврать коллега Воронов, как специалист по отечественным разработкам боевых ОБ). Но козел, по крайней мере, не претендует на роль царя зверей.

Таков важнейший для человечества и, пожалуй, единственно положительный итог великой перестройки, затеянной в тот год, когда Кунц дописал свой роман.

В американских бестселлерах «злого» героя под занавес обязательно пристреивают. С козлами же такого не происходит. А горевать вам по этому поводу или радоваться — думайте сами.

Патриоты могут эту статью не читать — они и так знают, что Россия вся продана, вместе с судами, садами и огородами. Вопрос лишь в том, кто и где получит свою долю. И демократы могут не читать — изложенные в статье факты способны нанести непоправимый урон их вере в иностранные инвестиции. Членам иных политических партий и течений ниженаписанное тоже читать не стоит — тема, можно сказать, интимно-личная.

Вообще никому эту статью читать не стоит. Она адресована лишь одной категории населения, прекрасной и отважной, нежной и решительной, стойкой и незащитной, а именно: Девушкам, Мечтающим Выйти Замуж За Иностранцев.

Надежда

Это была отличная собака, молодая и крепкая. И вот она умирала. Надя нашла ее на крыльце, выйдя поутру из наглухо закрытого дома. У овчарки кровь шла из пасти, ветеринар потом сказал: крысиный яд. И Надя отчетливо вспомнила всю эту страшную зиму, проведенную, как в осаде, таинственные следы, появившиеся вокруг дома с мистическим постоянством, угрожающие телефонные звонки родителям, вызовы в милицию...

Вспомнила и призадумалась: что же ей осталось от этого предела мечтаний — брака с иностранцем? Что осталось от вечерних платьев, колец с бриллиантами, отдыха на Канарских островах, изумрудов, серебра и роскошных приемов? Да ничего. Ничего, кроме подышающей, отравленной неизвестно кем собаки. И еще дома, над которым тоже нависла опасность. Надя заплакала.

Конечно, это хорошо, когда состоятельные родители могут подарить своей взрослой дочери жилье. Обычно покупают квартиру. Но девять лет назад продажа квартир не была столь частым явлением, и родители Нади решили купить дом. Пусть Наде он станет жильем, а всей семье — дачей. И покупка подвернулась — класс. Недалеко от Москвы, в Алабино, в поселке, построенном некогда для генералов, продавался бревенчатый дом с огромным участком. Быстро собрали по знакомым деньги, привезли продавцу 5 тысяч задатка, чтоб не передумал, и через некоторое время Надя стала полноправной владелицей недвижимости. А еще через год вышла замуж.

Ксения КЛИМОВА

РУССКИЙ ДОМ С ВИДОМ НА АРГЕНТИНУ

Мало ли в Бразилии донов Педров...
(Из телефильма «Здравствуйте! Я ваша тетя».)

Все подружки тут же поумирили от зависти. Надин супруг, Карлос Родольфо Ривас, возглавлял (и возглавляет) фирму, торгующую зерном, с красивым названием «Нидера-Аргентина С.А.». Впереди светлая не жизнь — праздник...

Теперь, когда жизненного опыта у Нади прибавилось, она могла бы с успехом издать пособие для Девушек, Мечтающих... В книгу, несомненно, вошли бы не только общие сведения по этикету, косметике и искусству накрывать стол, но и ценная информация о содержании домашних животных мужа, например, восьми собак сразу (львов, обезьян, крокодилов — в зависимости от национальности и особых пристрастий супруга). Перечень опохмелительных мероприятий всех времен и народов. Типовые диалоги («Милый, зачем мне любовник, если я отдыхаю с тобой в Мексике и на Канарских островах!»). Методичка по аутотренингу. А главное — в пособие непременно были бы включены юридически оправданные указания, как: хранить копии всех счетов и документов у родных, оформлять каждую покупку, каждый подарок, каждый договор с плотником или сантехником.

Но Надя была доверчива и легкомысленна. И вдобавок здоровьем не отличалась. Информация о том, что муж собирается с ней развестись, настигла Надю накануне очередного приема, и из рук ее, рассыпая красочные искры, вылетела дорогая косметика, а ноги подкосились. Наде пришлось лечь в больницу, откуда господин Ривас свою жену обратно домой не пригласил. Выдал юбочку и кофточку, в кои она и явилась к родителям. В течение почти года, пока не был оформлен

развод, жила без прописки и надежд на будущее. Единственной опорой ей стал дом в Алабино.

Дом

На судьбе дома перипетии Надиной личной жизни сказывались самым удивительным образом. Как только девушка вышла замуж, в биографию недвижимости был положен первый небанальный документ: донос. Бывший владелец, продававший за год до свадьбы Наде бревенчатое строение, совершенно не мог примириться с мыслью, что по земле поселка закрытого типа, где никогда не ступала нога иностранца, теперь эти ноги будут ходить постоянно и по-хозяйски. Написал куда следует. Но компетентные органы не всполошились. Доктор Ривас обычно приезжал в загородный дом по-тихому, на машине жены и ненадолго. Так что нечего было стучать.

Дом отремонтировали и перестроили для международных приемов. Он обрел высокий конек, лестницу, ванную, к нему ласково притулилась большая веранда снаружи, а деревянная обшивка внутри придала дому уютный и respectable вид. Правда, отодрав в уголке эту обшивку, без труда можно убедиться, что по сути дом остался прежним, русским, бревенчатым.

За два года Надино го замужества чего только стены дома не навидались. Международные связи крепили, в том числе и деловые. Возможно, не один договор о поставке продовольствия в наше бедствующее государство был заключен на его квадратных метрах — хоть мемориальную

доску теперь вешай.

Но международная известность строению ни к чему. Ему хотелось покоя и уверенности в завтрашнем дне. И если бы дом мог пугаться, он задрожал бы, услышав, как прелестная спутница одного из именитых гостей капризно протянула: хоч дачу. Гость тут же пообещал ей дачу — делов-то. Но дама упорствовала: хоч именно эту дачу.

Надежда и дом

Зиму после развода они прожили вдвоем. Надя и ее дом, ее убежище. По ночам ветер свистел под высоким коньком. По утрам на свежем снегу появлялись следы. Надя разглядывала их и гадала: зачем неизвестный подходил к окнам, что хотел узнать?

Когда становилось неловко, уезжала к родителям. Родители тоже жили беспокойно. Им периодически звонили и интересовались, не скачет ли кладбище по их дорогой дочери? А дочь с той же периодичностью приглашали в милицию, но повесток не присылали. Надя и не ходила. Зато к ней постоянно таскались визитеры — общие знакомые ее и бывшего мужа — с назойливыми предложениями продать дом или обменять его на квартиру и машину. Надя не соглашалась.

Следующим свидетельством общности судьбы молодой женщины и дома стал новый документ: постановление о воз-

буждении уголовного дела. Оба оказались обобранными. Явившись в очередной раз в Алабино, Надя застала дом совершенно пустым. Исчезли мебель, утюг и всякие штучки, предназначенные мужем в подарок российским чиновникам. Надя помчалась в милицию.

Вещи нашлись быстро и совсем «в другом краю» Московской области, где обновились бывшие сторожа и соратники. Милиции они заявили, что барахло вывезли по указанию доктора Риваса, а Наде пообещали дать молотком по голове, если она будет чересчур интересоваться материальной стороной своего распавшегося брака.

Жить было больше негде, и Надя стоически пыталась наладить в Алабино сносное существование: например, кур разводила. Но куры быстро сожрали всю траву на лужайке, стали щипать друг друга и дохнуть. Суммировав все прежние впечатления, смерть собаки и куриные трупы, Надя поняла, что с нее хватит. Бросила дом на родственников и уехала погостить к подруге в Германию.

Надежда

Возможно, жизнь все-таки чему-нибудь учит. Девушек, Мечтающих Выйти Замуж За Иностранцев. К выбору мужей они с приобретением горького опыта подходят все серьезнее.

К Надиной подруге однажды зашел подшить мантию молодой адвокат Ханс-Вольфганг Хольц. «А вот Надя тебе и подошьет», — сказала подруга. Результатом труда русской умелицы стало предложение выйти замуж за заказ-

чика. Надя ответила, что не просто выйдет, а будет спасена. И честно рассказала соискателю своей руки о том, что в России ее ждет беззащитный дом. И дому и ей понадобится помощь, возможно, не только юридическая. Как в воду глядела.

Не успела Надя как следует обосноваться для новой жизни все в том же Алабино, как на свет появился новый исторический документ — иск о признании права собственности на домовладение. Доктор Ривас сообщал суду города Наро-Фоминска, что с гражданкой Карповой-Ривас (Хольц) состоял в фактически брачных отношениях задолго до брака и именно тогда купил дом и отремонтировал его на свои кровные, потому что какие же деньги у иждивенки, нигде не работающей? Стало быть, настоящий владелец дома — Карлос Родольфо Ривас. Никаких документов в подтверждение своей правоты доктор Ривас не представил, зато включил в иск перечень своих расходов.

Суд оказался в трудном положении. Уж десять лет минуло с тех пор, как познакомились девушка Надя и подданный Аргентины. А только теперь предстояло выяснить, состояли они в добрачных близких отношениях или не состояли? Это ж всю охрану в доме УПДК, где проживал и проживает доктор Ривас, надо было на ноги поднять, чтобы выяснить, приходила сюда ближе к вечеру девушка или не приходила?

О чудо! Охрана все вспомнила, несмотря на давность лет. Видимо, нежный, лишенный яркой косметики облик Нади врезался в память дежурного навечно. Ну, допустим. Но личная жизнь женщины факт покупки дома, тем не менее, не подтверждает. А в документах о покупке фигурирует только Надя.

Но суд не пугали трудности в исследовании чужой личной жизни. До чего интересно: о чем говорят люди в спальне? И горничная, и шофер доктора Риваса (в отличие от жены они остались при должности и плату за услуги получают по-прежнему непосредственно из рук хозяйки) в один голос заявили: девушка Надя сговорила с Ривасом о покупке дома на его деньги, когда речь о браке и не шла. Непонятно только, зачем подданному Аргентины дом в поселке, куда и проникнуть-то иностранцу трудно? Легкомысленные, однако, в Аргентине люди.

Кроме интимных подробностей суд исследовал: доходы доктора Риваса и доходы соседки по даче Кокаревой, одолжившей Наде деньги для покупки дома. Зачем? Да ведь дом, по утверждению господина Риваса, куплен им на добрачные сбережения и к имуществу, нажитому в браке, не имеет никакого отношения. Результаты исследования потрясли: аргентинский бизнесмен в период своего брака жил в нищете. Фирма, торгующая зерном, чуть ли не четыре года ни копейки не платила генеральному директору своего представительства. Беднее Надиной соседки был.

Кокарева, впрочем, тоже оказалась суду очень бедной. Из показаний, подкрепленные справками о том, что она продала Библиотеке имени В.И.Ленина книги мужа и архивы одного революционера, во внимание не принимались. А раз денег у Кокаревой не было, то и одолжить она ничего не могла.

Адвокат Хольц рассылал запросы и недоумевал: почему во всем мире женщины, выходя замуж за состоятельных людей (и даже расставшись с ними), богатеют, и только в России могут оказаться не просто бедными, но и бездомными? Что же это за страна, единственная постоянная статья экспорта у которой — женщины, красивые и нежные?

Надя, совершенно обалдевшая от появления в судебном деле новых лиц вроде покойного революционера, переживала сложные ощущения. Ей казалось, что все аргентинские «мачо» (настоящие мужчины) ополчились против нее с единственной целью: отомстить ей за что-то. Но за что, ведь даже брак был расторгнут не ею? Ее просто выбросили как кошку из двери за ненадобностью.

Знакомые ернически улыбались и советовали ей предъявить иск о разделе земель в Перу и денег в швейцарском банке, накопленных бывшим мужем как раз в период их брака. Надя внимала и сожалела, что не вышла замуж за обычного русско-

го мужика. После развода они бы в власть покидали друг в друга табуретками и расстались бы, поделив совместно нажитые платки и ложки.

Суд длился три года. Только экспертиза дома заняла год. Не говоря уже об описи вещей — ведь доктор Ривас предъявил следующий иск об изъятии имущества, которое давно сам изъяс. Суду так хотелось найти истину, что процесс продолжался даже тогда, когда истец не внес госпошлину, составившую, по некоторым данным, сумму в 260 тысяч. Это, между прочим, в четыре раза больше той суммы, что Наде предлагалось принять в качестве компенсации за дом и разбитые надежды.

Менялись адвокаты: кто-то умер, кто-то «сломался» и понес несусветную чушь (возможно, оплаченную), кто-то втолковывал Наде в сторонке старую русскую истину: «с богатым не судись» — и выразительно перебирал пальцами, сложенными щепоткой. Женщина ждала приговора, как осужденный на муки конца срока. И дождалась. Суд постановил: если дом принять за 100 частей (как это?), то Наде принадлежат 4 части, а истцу — 96. В общем, получи свои 5,1 квадратного метра и распишись. А лучше по-хорошему — отдай дом Аргентине.

Дом

Очень хотелось, наконец, увидеть место, где пройдет русско-аргентинская граница. Место не впечатляло. Обычный участок, хоть и очень большой, с кустами, березами и пучками гладиолусов. Представить здесь пограничные столбы с гербами и КПП с таможей может только человек с изощренным воображением.

И дом, из-за которого идет война, никак не тянул на загородное поместье аргентинского бизнесмена, на фазенду там или гасиенду. Большой и бестолковый: всего две комнатки наверху, остальное — холл и веранда. И даже весь облазив его, я не нашла ни бассейна, ни обещанного по документам телефона. А «зимний сад» оказался квадратом бетонных блоков и решеткой, занозистой и облезлой. Ободрав колени, я занялась экспертизой дома.

Экспертиза длилась десять минут. Приподняв доску, я увидела под ней старые бревна старой постройки. Бросив взгляд на план до ремонта, узнала нынешнюю планировку комнат. Капитальной перестройкой тут и не пахло.

Зато пахло порохом приграничного сражения.

В один из летних дней дом стал осажденной крепостью. Ленивая овчарка у порога — легендарным Джульбарсом, а паренек в шортах, торчавший на лужайке, — Карацупой. И произошла схватка как раз в День независимости России, 12 июня.

Ранним утром в ворота постучали. Паренек в шортах впустил двоих в миллиейской форме и одного в штатском. Реши-

тельным шагом троица пересекла участок и предстала перед Надей и адвокатом Хольцем с заявлением: мы пришли по поручению доктора Риваса. А вы все — вали-те отсюда быстро. Суд решил, что здесь Аргентина, значит, сматывайтесь.

На судебных исполнителей все трое не походили, и потому у них попросили документы. Троица предпочла сохранить инкогнито. На информацию о том, что принадлежность дома еще не определена, а дело еще не рассматривалось во второй инстанции, пришельцы не реагировали. На требования покинуть территорию — тоже. Хозяева попытались укрыться в доме, пришельцы — отрезать им пути к отступлению. Хозяику настигли в дверях, прижали дверь, пригрозили и обозвали. Милиционеры схватились за кобуры. Мужчины сжали кулаки. У адвоката Хольца очки упали с носа от потрясения.

Потерпев моральное поражение (осажденные в доме защищались отчаянно), троица выкатилась за ворота. Продолжая ругаться и угрожать, погрузилась в машины «джип» и «мазда», оставленные на дачной улочке, и укатила в неизвестном направлении. По номерам автомобилей удалось выяснить, что по крайней мере одна машина принадлежит доктору Ривасу. А у другой — фальшивые номера.

Надежда дома

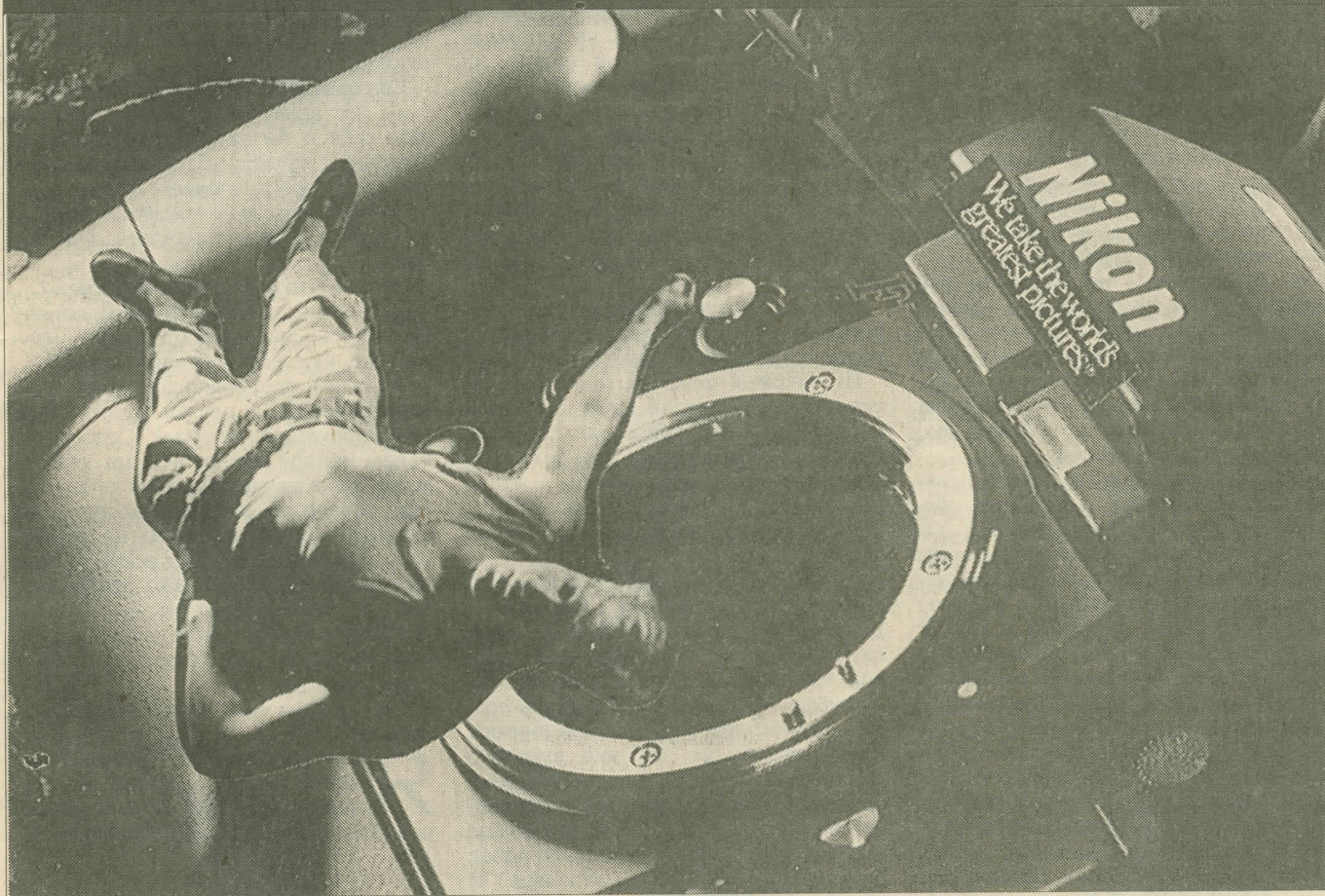
Областной суд отклонил жалобу Нади, и судьба дома зависла до рассмотрения в Верховном суде России. Правоведы уткнулись в Кодекс о земле и законы о делении имущества. Члены комиссии Моссовета по законности и защите прав граждан, хорошо знакомые с аферами и спекуляциями на подмосковных участках, потрясенно исследуют историю дома в документах и фактах. Министерство безопасности России озадачено: если поселок, в котором расположен дом, закрытый, так открыть его или окончательно закупорить? Или визы выдавать, наоборот, русским для посещения дома № 13 по улице Тельмана? Ассоциация «Народное землепользование» объявила, что будет считать незаконными любые акты по выделению или продаже земли лицам, не проживающим и не прописанным в Москве и Подмосковье. И вышла на демонстрацию.

Мне тоже хочется что-нибудь придумать. Предлагаю: уравнивать в правах подданного Аргентины с любым русским разведенным. Собрать все документы, относящиеся к дому, включая доносы и уголовные дела, и внимательно их прочитать. Так чьи деньги? Так когда был куплен дом и чей он?

Пока этим занимается только адвокат Хольц в свободное от основной работы время, размышляя о вечности и интернациональности таких категорий, как любовь и коррупция.

Елена САЛИНА

ВИСЯК

ФОТОКОЛЛАЖ Э. КУДРЯВИЦКОГО

Поздним июньским вечером фотокорреспондент нашего журнала (назову его Сергеем: кто знает — тот знает, а для прочих имя не важно) возвращался из редакции домой. В отличном настроении, в котором стабильно пребывал уже с месяц — с тех пор, как редакция закупила для фотографов потрясающие суперновейшие «Никоны» с кучей всевозможных причиндалов. Как ребенок, Сережа ходил из комнаты в комнату с дорогой «игрушкой», демонстрируя всем ее замечательные кнопки и

огонечки, и все мы, в тон ему, радостно ахали, выражая безмерное восхищение. И правда: пишущему журналисту довольно карандаша и клочка бумаги — были бы мысли в голове. А снимающему одним вдохновением не обойтись.

Понятно, что с новой камерой, как с любимой, не расставался Сергей ни на минуту, и в тот вечер, 11 июня, висела она у него, нежно упакованная, в сумке на плече. Наушники плеера хорошей музыкой ограждали от мерзостей бытия, а ноги автоматически ве-

ли к дому. И было еще даже светло — Москва вползала в фазу самых коротких ночей.

Удар по голове оказался такой силы, что память отключилась мгновенно. Наверно, он — рослый, сильный парень, без единой царапины вернувшийся из Афгана, — инстинктивно пытался сопротивляться. Возможно, цеплялся за сумку в последней попытке удержать руль удачи. Иначе не оказалось бы изрезанным лицо, как будто били ножом. Но Сережа этого не помнит.

Сознание возвращалось постепенно, и то, как добрался домой, и как обрабатывали раны потом в травмпункте, осталось для него как бы за кадром. А в фокусе — лицо дежурного из соседнего, 94-го отделения милиции: «Иди, парень, домой, проспись и приходи завтра».

Утром Сережа позвонил мне и спросил, что ему теперь делать.

Моя безответная любовь к милиции не знает границ — впрочем, повторяюсь, об этом уже писала. Я люблю милицию в целом, как некий символ мужского начала в нашем скукожившемся феминном обществе. Человек в мышинной форме (пусть все еще не от Зайцева), которого я вижу на улице, источает особые флюиды, как бы говоря даже затылком: я знаю, какие опасности тебе угрожают, и уберегу тебя от них, а ты иди себе дальше и ни о чем таком не думай.

Мужик — это все-таки тот, у кого есть ДЕЛО, и никто не убедит меня, что сидеть целый день в коммерческом ларьке безумно увлекательно.

Но милиционеры не видят во мне женщину. Едва глянув на мое удостоверение, они дружно закатывают глаза и начинают стенать, какие они несчастные. Денег мало, жилья не дают, уважения никакого и жены бросают, потому как некогда в театр сводить дражайшую половину.

Их мужское обаяние как-то незаметно улетучивается, а рука моя произвольно тянется к кошельку. Уж так хочется высыпать из него всю мятую наличность прямо на первый попавшийся стол и распушить всех по дачам: отдохайте, болезные, а мы тут как-нибудь сами... Но каждый раз ловлю себя на мысли, что и одеты все (если в штатском) вполне прилично, и заказик продуктовый по дешевке — вон он, в каждом отделении на стенке красуется, и зарплата сейчас с разными накрутками, как ни считай, выше средней, и выходные дни случаются. А что жена бросила, так, может, не из-за театра? Может, потому, что сам зануда и нытик? Или злоупотреблял... а?

Наверно, у дежурного опять «сгорели» билеты в Большой. И от злости он, вместо того чтобы сделать элементарное — предложить

написать официальное заявление, отправил Сергея домой. А назавтра была суббота. То есть **выходной**, и разбираться с Сережкиным заявлением опять было некому. И только в понедельник обозначился оперативник, который выслушал наконец все до конца.

— Ты не переживай, — успокоил Сергея оперативник. — Твой случай прошел по сводке.

Ну и что?

— *Это глухо, — сказал мне хороший знакомый, бывший милиционерский «зубр». — Звони на Петровку.*

Но Петровка устами своих дежурных упорно посылала нас с Сергеем куда подальше. Понятно, не в прямом смысле — ведь я, уже не надеясь на свое женское влияние, сразу представилась по всей форме, — а в переносном: мол, перезвоним, уточним, но вообще-то это дело местных ребят. Потому что Петровка занимается только собственными разработками, условно говоря, тематическими, а мы с Сергеем, видно, ни в одну тему не вписались.

Примерно через неделю после той роковой июньской ночи в редакции раздался странный звонок.

Незнакомый мужской голос интересовался, работает ли здесь Сергей и не потерял ли он чего важного. Все, естественно, встали на уши и начали засекать номер, что сделать в Москве в конце XX века с помощью АТС, как известно, практически невозможно.

Потом подобные звонки стали раздаваться в квартирах Сережиных друзей и у него самого. Причем ничего конкретного таинственный абонент не предлагал, он больше молчал в трубку. Про друзей догадались сразу — шел «прозвон» записной книжки, лежавшей там же, в сумке, вместе с «Никоном». А вот молчание в трубке было непонятно. Да и зачем, собственно, искать таким способом владельца книжки, если имя его, телефон и адрес записаны на первой же странице? И ключи от квартиры, кстати, там же в сумке лежат. Складывалось полное

впечатление, что кто-то хочет определить распорядок дня и привычки хозяина квартиры.

Конечно, Сергей сразу же позвонил «своему» оперативнику. А тот, как на грех, заболел. Когда будет? А неизвестно. Но как только, так сразу. Кто спорит — милиционеры тоже иногда болеют.

Был и довольно тревожный момент. Наступила очередная суббота (опять суббота!), когда Сережа остался дома совсем один — очень болела голова. И телефонные звонки стали раздаваться с такой угрожающей интенсивностью, что он решил — все, идут брать квартиру, ведь у владельца такой дорогой аппаратуры наверняка есть чем поживиться.

Комментарий милиционерского «зубра»:

— *Эх, если бы я сейчас работал, для тебя я бы это сделал. Звони на Петровку, говори: «Есть возможность раскрыть преступление!» Понимаешь? Это ж был типичный «висяк», никому не нужный, а теперь появилась перспектива...*

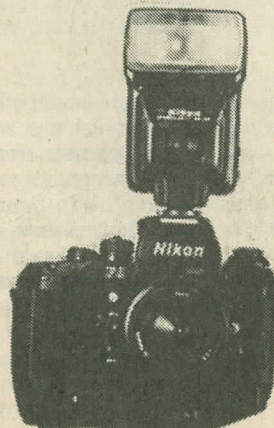
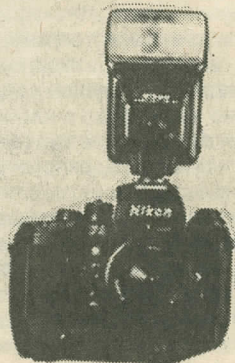
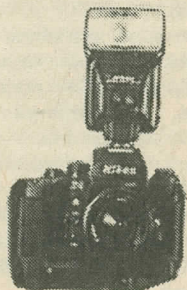
Знаете, что сказали на Петровке?

— Что же он замок-то не поменял? Ну, пусть забаррикадируется чем-нибудь... ну, шкаф к двери подвинет...

В общем, продержался Сережка до понедельника — друзья помогли время скоротать и телефон с определителем номера привезли. Еще неделю ждал, пока выздоровевший оперативник соберется к тому телефонному хулигану съездить. Потом не выдержал, сам договорился о встрече, буквально за руку притащил опера, чтобы удостовериться, что — увы, — обычный алкаш забавляется, который, похоже, действительно нашел сумку уже пустой.

Так оборвалась единственная тоненькая ниточка.

Я поинтересовалась у знающих людей: что, подобные преступления — когда ни следов, ни свидетелей, — вообще не раскрываю-

тся? Раскрываются, говорят, и есть для этого три пути.

Первый — по горячим следам. Сразу оповестить все посты, сообщить приметы (в данном случае похищенного), связаться с дежурным в округе, занести данные в ЗИЦ (зональный информационный центр), включить в сводку происшествий по городу.

Второй путь — выжидательный. Кто-то когда-то на чем-то попадет, и в ходе обыска у него найдут вещи, занесенные в компьютер ЗИЦа.

И третий — оперативный. Та самая нудная, кропотливая работа по сбору информации.

Но самое главное — во всех подобных случаях обязательно возбуждается уголовное дело. Это важно, поскольку это дает возможность работать с подозреваемыми, проводить допросы и обыски.

А если подозреваемых нет и допрашивать некого, уголовное дело превращается в «висяк» — нераскрытое преступление, которое камнем висит на шее милицейского начальства и тянет вниз все показатели.

Отказ же в возбуждении уголовного дела выносится не позже чем через 10 дней после подачи заявления, и он должен быть мотивированным.

Теперь представьте себе Сережино удивление, когда в середине июля (т.е. через месяц) он услышал от «своего» опера, что «начальство сказало: дело не возбуждать». Неизвестно, дескать, с кем он подрался, как порезал себе лицо и куда подевал аппаратуру. А письменной мотивировки отказа редакция ждет до сих пор.

Я люблю милицию в целом и каждый раз огорчаюсь, когда части ее так далеки от совершенства. Моему чувству неведома ревность — наоборот, диковато слышать, что

кто-то готов постараться для меня. Я не хочу, чтобы преступления раскрывались персонально для меня так же, как для другого, укоровизненно взирающего на мир с потолка. Но я, как честица еще большего целого (исправно, между прочим, платящая налоги), вправе рассчитывать на малую, но соразмерную моей проблеме толику внимания и участия, как только в этом возникнет необходимость.

Это и называется обычный профессионализм.

Спустя два месяца (sic!) Сергею наконец пришел ответ из прокуратуры. Не из милиции, замечу, которая так и не соизволила хоть что-нибудь объяснить, а из прокуратуры Волгоградского района, куда потребовалось обращаться дополнительно.

«В ходе изучения материалов предварительной проверки по заявлению гр. ... установлено, что постановление ОВД МО «Рязанский» от 20 июня 1993 г. об отказе в возбуждении уголовного дела вынесено необоснованно...»

И далее:

«... и направлено для производства дознания в ОВД МО «Рязанский».

Вот и славненько. Знакомые все лица.

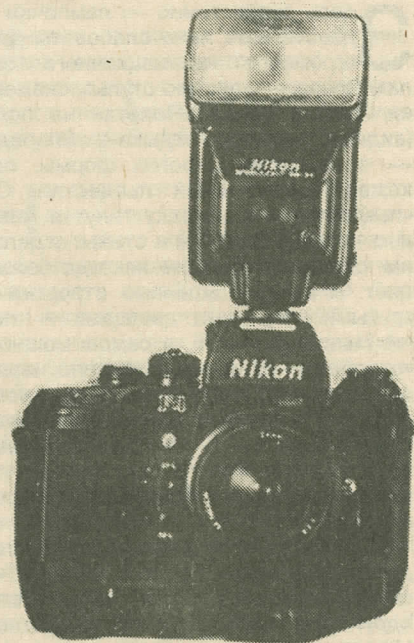
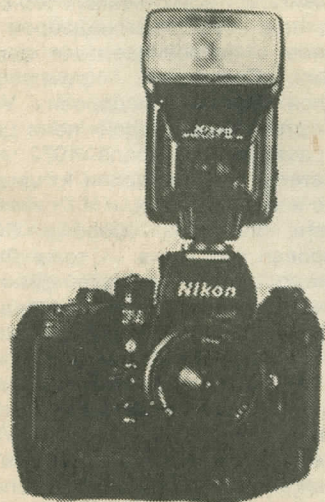
...А из редакции Сергей уволился. Во-первых, он действительно лишился многих совершенно необходимых для работы вещей (в том числе собственных), а во-вторых, до сих пор не может оправиться от морального шока, который пришлось пережить. И не стало еще одного человека, который ЛЮБИЛ СВОЮ РАБОТУ.

Мы обращаемся ко всем фотографам, профессионалам и любителям.

Фотоаппаратура и принадлежности к ней сейчас очень дороги. За ними идет настоящая охота, и жертвой может стать любой из вас. Проявите профессиональную солидарность, и, если вам предложат купить что-то из нижеуказанного, позвоните в редакцию «Столицы» по телефонам 921-08-58 или 921-67-45.

В список похищенного входят:

- фотокамера «Nikon» F4S N 2481705 (стоит сейчас более 2 тыс. долл.);
- светосильный объектив «Nikkor» с фокусным расстоянием 20 мм/2,8 N L253005 (около 600 долл.);
- объектив «Nikkor» с фокусным расстоянием 28 мм/2,8 N L338134 (около 120 долл.);
- вспышка «Nikon» SB 25 N 2588632 (около 500 долл.);
- объектив «Nikkor» с переменным фокусным расстоянием (трансфокатор) ЗУМ 35-70/3,5-4,5 (около 150 долл.).

Олег ДУЛЕНИН

МИНИСТЕРСТВО ПОСЛЕДНЕГО ПУТИ

Совершенно свободно можно было бы принять это помещение за котельную какой-нибудь престижной бани (здесь целых две печи импортного производства). Если бы не одно «но»... За печами виднеются какие-то длинные красные предметы. Это гробы.

Здесь очень темно — лампочки в двести ватт явно слабоваты для огромного «кремационного зала». Слева — закуток: стулья, скамейки, смятая пачка «Полета» на полу (видимо, «уголок отдыха»). Впереди — возвышение строгой формы, похожее на огромный пьедестал. От «пьедестала» к потолку тянутся мощные столбы. Они, как и стены, отделаны кафелем, имевшим некогда белый цвет. А вот эти мрачные отростки с грубыми чугунными дверцами — печи. Напротив печей, в самом мощном «столбе», — отверстие. Именно через это жерло сверху, из ритуального зала, опускаются гробы. Ставят на тележку-«тачанку» и откатывают в темноту, за печи. Там гробы стоят до утра, дожидаясь отправки в другой крематорий.

В Донском не кремируют с 1972 года. Дверцы печей сегодня запаяны — скорее всего, навсегда. Хотя... Если вдруг (не дай-то Бог!) содрогнет Москву землетрясение или еще какая природная стихия, печи придется расплавить. И растапливать.

Донской крематорий был первым в стране — он начал принимать покойников в октябре 1927 года (не иначе к годовщине переворота приурочили открытие). Оснащение тогда, конечно, было «не то»: печки, скажем, топились дровами. Ну да не беда, все равно метода прогрессивная — молодой полицейской республике нужно было быстро и чисто избавляться от сотен и тысяч трупов. Трупов «контрреволюционеров», «социально чуждых», «террористов» и «антисоветских пропагандистов». Судя по кремационным книгам («Алфавиту кремированных» или «Алфавиту сожженных» — официальные названия), «врагов» после смерти лишали даже имени — писали рядом с номером трупа: «Неизвестный муж», «Неизвестная жен.» — простенько и со вкусом. В книге за 1930—1931 годы таких записей насчитывается сто шестьдесят. В последующие годы количество их резко сократилось — полагают, НКВД «рекомендовало» чуждых покойников не вносить ни в какие реестры. Но даже на законопослуш-

ных граждан канцелярских книг не хватало: в архиве крематория я наткнулся на две тетрадки с надписью на обложке «Алфавит Декретов и распоряжений Центрального Исполнительного Комитета Народных Комиссаров и других Центральных учреждений». Под обложками в графах «Декреты» — столбцы фамилий кремированных.

Страна выполняла и перевыполняла пятилетки. А крематорий — выполнял и перевыполнял свои «планы». 1930—1931 гг. — 23 000 кремаций, 1937 — 89 000. Это, повторяю, только зафиксированные покойники. Число же канувших в донские печи «неучтенных» мертвецов установить пока невозможно. Даже по составленным не так давно (но не окончательно) «Книгам памяти безвинно замученных и расстрелянных». Книги эти лежат в конторе Донского крематория в драных полиэтиленовых мешках. А когда МБР соизволит открыть все архивы НКВД — то никому не ведомо. Памятник, правда, здесь уже поставили несколько лет назад. С надписью: «Общая могила № 1 жертв политических репрессий». Компетентные источники, впрочем, утверждают: ничего-то в той могиле нет, прах людей, доставлявшихся в Донской из отделов НКВД, попросту развеивали по ветру. Вот так.

Умер И.В. — и жизнь крематория несколько изменилась. Хотя... Еще одного преступника все же «развели», побоявшись даже мертвого, даже в виде пепла зарыть в землю. Последним «врагом» был Лаврентий Павлович Берия. Остальные же трупы с 1953 года фиксировали в амбарных книгах, как положено.

Весь прах «колумбария № 1» — Кремлевской стены — увозили отсюда. Сжигали, естественно, торжественно, под неусыпным надзором борючих с непроницаемыми физиономиями. Последним «кремлевцем» оказался Дмитрий Федорович Устинов — для «белых людей» печи Донского разжигали и после 1972 года; окончательно же погасили их лишь в начале восьмидесятых.

Кстати, министра обороны СССР кремировал его тезка — тоже Дмитрий Федорович. Или даже «Дмитрий Федыч». Фамилию Дмитрия Федыча даже постоянные посетители кладбища и колумбария («Вот там крестик бы на могиле подровнять, а здесь — трещину у ячейки замазать») не знают.

Известно, что Дмитрий Федыч — интеллигент в нескольких поколениях. Четыре года учился на философском факультете МГУ. Не доучился — выгнали за «аморалку». «Аморалка»

Ритуальный зал
Донского крематория

нравилась, но после статьи Лазаря Шестакова о г-не Полторанине он журнал разлюбил), говорил что-то про кризис власти... Что чувствовал, когда сжигал сильных мира сего? Да без разницы кого в печь отправлять — ассенизатора или члена Политбюро... Когда проходили мимо могилы Фаины Георгиевны Раневской, вспомнил, как она, еще живая, приходила сюда, к холмику, под которым покоилась ее сестра. Приходила с пачкой «Беломо-

Гордость Донского крематория — ритуальный зал. С «живым» органом, между прочим. Зал считается самым красивым в столице. Здесь очень светло и уютно, здесь бесподобный (небесно-голубой снизу и белый сверху) свод поддерживают четыре строгие колонны, здесь шикарная люстра а-ля барокко тянет тонны на две. Гроб опускается плавно под какой-нибудь рекевием г-на Баха. Опускается туда, где мы уже

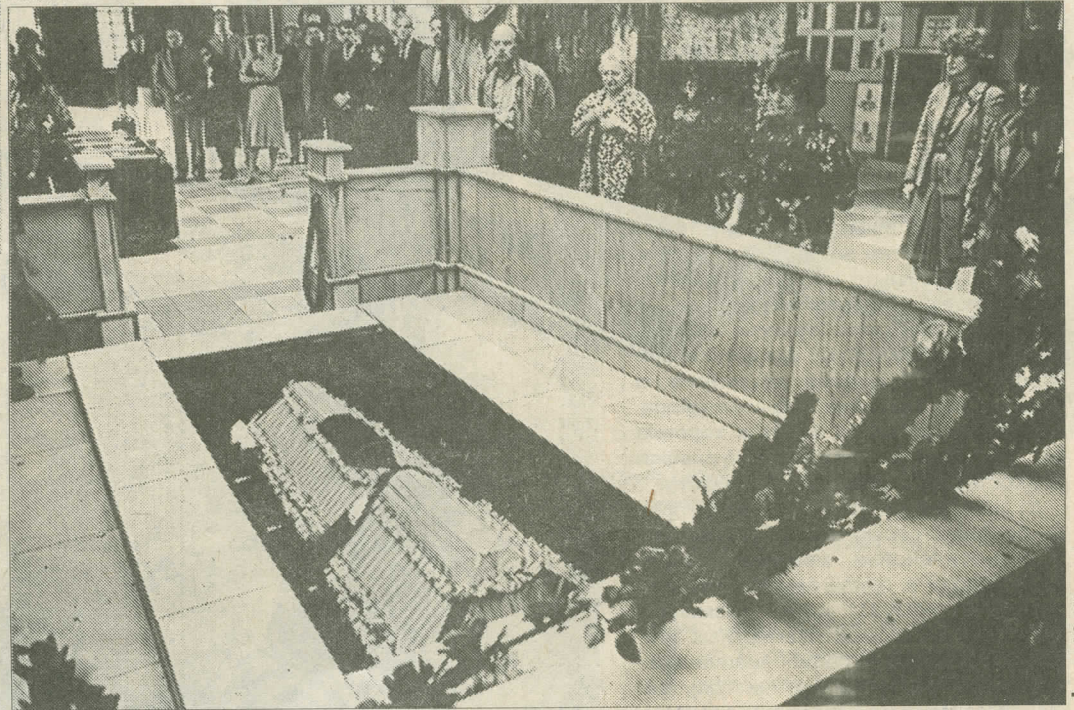

Фото Ю. Штукина

же заключалась в том, что без пяти минут дипломированный философ участвовал в легендарной демонстрации, защищая не менее легендарных Синявского и Даниэля. Вместе с другом Володей Буковским. Буковский теперь в заграницах, значит, книжки издает, Дмитрий Федыч же — здесь... Правда, Буковскому пришлось в свое время сесть по уголовной статье, а вот Диму пронесло — достал где-то справку, что, мол, псих. Тюрьмы избежал, но в МГУ с такой-то справочкой восстановиться уже не удалось.

Дмитрию Федычу пятьдесят четыре. Утверждает, что нашел себя на этой работе. Когда трезвый, цитирует «Смирненное кладбище» Сергея Каледина. Когда немного навеселе — читает наизусть Ахматову, Белого, Цветаеву.

«Разговорить» Дмитрия Федыча мне не удалось. Рассуждал он обо всем, кроме работы. Рассказывал, например, что всем газетам предпочитает «Известия» («Столица» тоже

ра» и с чекушкой водки, «звала нас, наливала».

Тут к Дмитрию Федычу подошла девушка приятной наружности, попросила что-то там подправить на могилке. Маршальский тезка галантно поцеловал даме ручку и удалился, на прощанье махнув мне своей крепкой пятерней.

Он здесь нужен всем. Говорят, сам г-н Лужков, когда хлопочет, чтобы кому-нибудь устроили проводы «на уровне», обращается за помощью именно к нему, к Дмитрию Федычу. Дима с Юрой, по непроверенным сведениям, учились в свое время в одной школе...

Помимо Дмитрия Федыча есть здесь и иные легендарные персонажи. Например, Федор Ильич (тоже — бесфамильный). Федор Ильич, в частности, знаменит тем, что ему доверили ответственнейшую процедуру по сожжению останков первого космонавта Юрия Алексеевича. Федор Ильич с корреспондентом встретиться не пожелал.

побывали в самом начале. Оттуда завтра или послезавтра гроб увезут на кремацию. Самая «проторенная» дорога из Донского — в Николо-Архангельский крематорий.

Не прав тот, кто говорит, будто дым из труб Николо-Архангельского крематория не валит. Валит-валит, еще как. Работают-то четырнадцать печей одновременно. Все печи английские, куплены в 1972 году за зеленые деньги. По правде сказать, «срок эксплуатации» у них давно уже истек, но в ближайшие годы никакой замены не предвидится.

И.о. директора Николо-Архангельского крематория (и кладбища) Юрий Васильевич Дорохов закончил в свое время Московскую академию бронетанковых войск. Майор запаса. Мог бы рассказать о Чехословакии—68 и Афганистане—79 такое!.. Но предпочитает — о своем нынешнем хозяйстве. Водит карандашиком по чертежу кремационной печи (чертеж висит над его рабочим

столом) и неторопливо знакомит меня с ее устройством.

Пламя направлено вот так — под углом, создает стабильную температуру — около 1000 градусов по Цельсию. Тем не менее каждый труп горит по-разному. Когда полтора часа, когда все два. Скажем, тело ракового больного очень долго горит. А вот останки алкоголика вспыхивают мгновенно, как порох. Наверное, оттого, что еще при жизни оказались проспиртованными.

После кремации прах сыпают в герметическую урну, печь тщательно вычищают — так, что смешение «посторонних» друг другу прахов полностью исключается. Урны надписывают и отправляют на «доработку».

Последний этап — человеческие останки сыпают в специальный агрегат, называемый кремлятором и измельчают при помощи больших тяжелых шаров. Затем — подозрительных граждан, которым всюду мерещатся воры, прошу читать внимательнее — в присутствии спецкомиссии (работники крематория плюс представители Госфонда) кремлятор вскрывают и фиксируют наличие драгметаллов. Если вдруг попалась золотая коронка (но это, говорят, теперь ба-а-альшая редкость), ее отправляют в Госфонд.

А доведенный до «кондиции» прах — беловато-серую массу — сыпают в полиэтиленовый мешочек, заполняют графы в прилагаемой бумажке-этикетке: «Ф.и.о., дата кремации» (есть еще в бланках посмертных этикеток смешная графа «национальность», но ее оставляют чистой), мешочек запаивают. Опять кладут в урну. Все. Министерство последнего пути свою работу закончило.

Прах в Донском крематории выдают в подвале. Под аккомпанемент скрипящей на ветру входной двери. Умри — «сопутствующего» звука лучше этого не придумаешь.

А урны с прахом стоят на полках, прямо как в библиотеке. И как в библиотеке, которой уже лет двадцать не хватает квадратных метров, часть урн приходится ставить прямо на пол. Нет места. Места нет. Так везде. Сперва — в крематории. Потом — в колумбарии, на кладбище. Обязательно не будет места...

БЕДНЯГА ТРАМВАЙ

Грохоча по рельсам и поднимая тучи пыли, едет московский трамвай. Он не так уж стар (нет и ста лет), но выглядит бледненько. Зато теперь у многих трамваев появилось свое, иногда уродливое, но все же «лицо». Вот, например, едет «Трамвай «Желание». Да-да, прямо так и написано. Спереди «Желание» — грязно-белое, сзади — темно-синее с желтым. А по бокам реклама: если ты алкоголик и горишь желанием излечиться, вот тебе телефон Центра А.Р.Довженко; если же болен чем-то другим — пожалуйста — координаты Центра «Джуна».

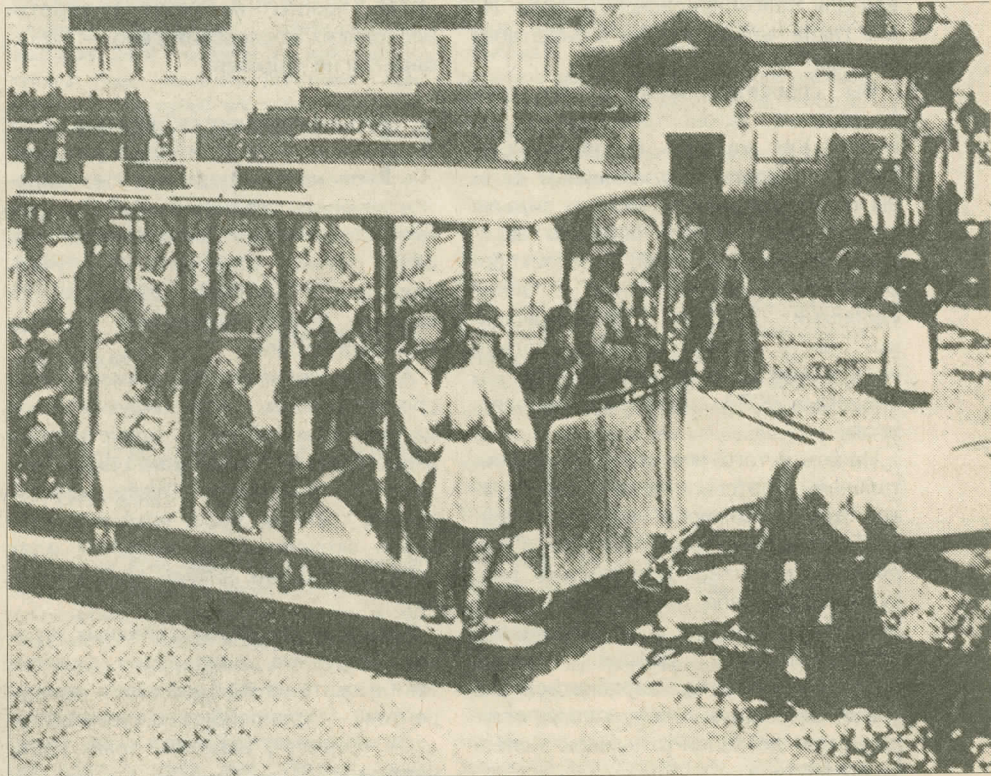
А вот проехал красный трамвайчик — «Кока-кола» написано. Хорошо бы еще, для полноты впечатлений, «колу» внутри продавали. Ходит по московским барханам и сине-желтый «Кэмел», соревнуясь в бойкости окраски с коллегой «Лотто «Миллион».

Размалеванные вагончики напоминают плохой аттракцион из отечественного «Диснейленда», который в любую минуту может сломаться...

А начиналось все с конки. Долгое время она была едва ли не единственным «современным» транспортным средством для москвичей. Двухэтажный вагон, который тащила пара лошадей, двигался чрезвычайно медленно. А на крутых подъемах он и вовсе застывал — приходилось впрягать еще одну или две лошади.

Скамейки в вагоне располагались, как в нынешнем метро, — боком к движению, а стоять в проходе строго воспрещалось, за чем бдительно следил кондуктор. Кондуктором обязательно был мужчина, и обязательно — в форменной одежде. Кстати, кондуктор, как и городской, пользовался большим авторитетом: пассажиры слушались его беспрекословно.

Постепенно конку стал заменять электрический трамвай, появившийся в Москве в 1900 году. По нынешним временам первая трамвайная линия была не слишком длинной: она пролегла от Страстной площади через Малую Дмитровку и Долгоруковскую к Бутырской заставе. Через несколько

А начиналось все с конки... Долгое время она была едва ли не единственным «современным» видом транспорта для москвичей

лет город опутывали уже многие километры трамвайных путей. Однако сами трамваи плелись так же медленно, как конка, за что и подвергались постоянным нападкам прессы. По данным городской управы, «средняя скорость на участке Театральная площадь — Лубянский проезд упала до 6 верст в час, что немногим больше скорости пешехода... В случае пятиминутной задержки трамвайного вагона на Мясницкой за ним должен останавливаться хвост вагонов, стоящих почти вплотную друг к другу, длиной около версты...».

Вот мы и подошли к современности. Думаю, такую картинку случалось видеть многим: вереница пустых трамвайных вагонов и похожая на демонстрацию толпа высаженных из них людей, рассчитывающих уже только на свои ноги. Или: вагон с тревожно горящими фарами мчится в депо, проскакивая все остановки. Те, чей ежедневный маршрут связан с трамваем, знают, что его можно прождать и полчаса, и час, если же время близко к полуночи, то и вовсе не дожидаться. А ведь в иных районах никакого другого общественного транспорта нет. И бегут тогда бедные граждане, трясаясь от страха, со скоростью трам-

вая домой, по страшным ночным улицам.

Трамваи болеют. И уже очень давно. В каждом из пяти московских депо, как правило, больше половины вагонов выведено из строя. В Октябрьском депо всего 211 трамваев, из них «живых» — 90 (!); в Бауманском — 241 (рабочих — 120); в Краснопресненском — 201, не работает половина. То же самое в депо им. П.Л.Апакова и в депо им. И.В.Русакова.

Чехословацкие вагоны «Татра», к которым мы привыкли и которыми преимущественно укомплектованы трамвайные парки, состарились и все время ломаются. А запчастей нет, поскольку подводит московский завод «СВАРЗ». А его еще кто-то подводит. В общем, старая история. В итоге поломки устраняются путем невероятных изощрений. Как выразился один из мастеров-ремонтников, «если бы пассажиры знали, на чем они ездят, они бы к трамваю и близко не подошли».

На покупку новых чешских вагонов, понятно, нет валюты. Недавно, правда, наскребли что-то из городского бюджета — на четыре импортных трам-

вая для Краснопресненского депо. Но что такое четыре вагона в масштабах Москвы?

Вы спросите: неужели нет отечественных вагоностроительных заводов? Как же, есть. В городе Усть-Катав, на Урале. И трамвайные вагоны тоже выпускает, может, видели: квадратные такие, с большим салоном и низкой посадкой, высокоскоростные и почти бесшумные, с очень удобными дверями, «отъезжающими», как у «Икарусов», вбок. Только московским депо от этих вагонов, называемых «КТМ», одни лишь неприятности.

Начать с того, что они экспериментальные, а потому... Из-за столь удобной для пассажиров «низкой посадки» вагона мастерам приходится коряться в канавах для ремонта, рискуя разбить себе голову. А в случае поломки удобных автоматически открывающихся дверей нужно, подобно акробату, карабкаться на крышу вагона, поскольку только оттуда можно до какой-то нужной железки дотянуться.

К тому же многие водители вообще не умеют управлять этими трамваями. В Октябрьское депо, например, просто прислали вагоны и одну схему на всех: как хотите, так и разбирайтесь. И все депо дружно изучало китайскую грамоту Усть-Катавского завода.

В довершение всех бед вагоны

«КТМ» просто «не лезут в ворота» нескольких московских депо — по габаритам не подходят.

Что же получается? Старые трамваи вымирают, а новые рождаются неполноценными. Не придется ли опять вводить конку? Предлагаю оборотистым бизнесменам заранее начать разводить и обучать лошадок, а швейным фабрикам осваивать пошив форменной одежды для кондукторов.

А если серьезно, то трамвай надо срочно спасать. Ведь подумайте: он да еще троллейбус — единственные экологически безвредные виды наземного транспорта. Пусть неповоротлив трамвай, пусть неказист, зато очень экономичен. И надежен: идет себе по рельсам, никуда его не заносит.

Кстати, в некоторых западных странах нефтяные корпорации сумели таки выжить из городов своих «конкурентов» — троллейбусы и трамваи.

...А «Гермес», заметим, тоже набирает силу...

Наталья АЛЯКРИНСКАЯ

Фото Э.Кудрявицкого

Владельцам элитных квартир и офисных помещений в центре Москвы:

REAL ESTATE
Catherine Mamet
AGENCY

«Катрин Мамэ» поможет Вам выгодно и надежно распорядиться Вашей недвижимостью, сделает ее источником стабильного и высокого дохода.

«Катрин Мамэ» гарантирует оформление юридических документов и соблюдение коммерческой тайны.

Агентство недвижимости «Катрин Мамэ» предлагает:

1. Квартиры улучшенной планировки в самых престижных районах Москвы.

2. Трехэтажные комфортабельные коттеджи в Крыму с отделкой по Вашему вкусу по цене от 90 до 150 тысяч долларов США.

3. Виллы в Подмосковье «под ключ» в новых поселках западного типа с полной инфраструктурой по цене от 200 до 300 тысяч долларов США.

«Катрин Мамэ» подберет Вам уважаемых западных клиентов.

«Катрин Мамэ» поможет отремонтировать Ваши помещения на уровне европейских стандартов.

«Катрин Мамэ» предложит Вам первоклассную недвижимость в России и во Франции.

Агентство недвижимости
«Катрин Мамэ»
103104, Москва, Тверской
бульвар, 25
Тел.: 291-19-41, 291-19-61
Факс 202-04-49

С БЕЗВЛАСТИЕМ ПОРА «ЗАВЯЗЫВАТЬ»

Со времен Пиросмани, Анри Руссо и Наматджеры моден наив в живописи. Почему б не привнести его дух в нашу политическую клоаку? — поманиловски взгрустнулось мне, провинциальному обывателю, мыкающемуся какой уж год меж президентским мылом и нардеповским шилом.

Затеянные президентской командой танцульки на конституционной танцплощадке продлятся, похоже, дольше, чем все латиноамериканские карнавалы, вместе взятые: аккурат к истечению срока депутатских полномочий наших благодетелей, успешно прописавших Лысую гору на Краснопресненской набережной, а себя в «экспроприированных» столичных домах «для белых».

Разумеется, я как законопослушный гражданин не призываю Ельцина выступить супротив хасбулатовских соловьев-разбойников с фольклорным, сугубо расейским: Сенька, поддержи-ка мои семечки, надоть кой-кому морду покрасить. Но и гарцевать на месте — не велика доблесть, коль тебе вот уже дважды оказали высокое доверие.

Разве не вправе президент назначить досрочные выборы... самого себя нынешней осенью? В предвыборной программе следует четко оговорить, среди прочих позиций, выборы Учредительного собрания для принятия до конца текущего года новой Конституции РФ, одобренной конституционным совещанием. Рискованно? Несомненно! Но ставка ведь — не бокал шампанского.

Само собой, что в пику такого рода «провокации» каждый нардеп может в ходе проведения голосования тоже пойти ва-банк, поставив перед своими избирателями, что называется, в лоб вопрос о доверии ему лично. Те, кто получают «добро», будут представлять нижнюю палату нового парламента до истечения срока своих полномочий. Убежден: будут там и толковые оппозиционеры. Только будут они, как и пришло оппозиции, в меньшинстве, так что вставляемые ими в колеса реформ палки не смогут повернуть воз вспять. Очистить же «Белый дом» от «желтодомников», челноком снующих от микрофона к микрофону с воплями о происках ЦРУ и покушениях президента на девственность-конституцию, — задача

вполне достижимая в результате проведения досрочных президентских выборов. Да и «усатога» (не мой эпитет) гусара пора, наконец, легитимно низложить, коль скоро его мама не обучила в свое время азам нравственности и порядочности.

Как бы то ни было, в Отечестве нашем с безвластием пора «завязывать», и как можно быстрее. Народом давно справедливо подмечено: где меж нами раздор — там пронирам простор.

Юрий МУРАШОВ

г.Владимир

НЕ ВЕРЬТЕ ПИШУЩИМ ДАМАМ

«Критик стал забывать одну простую вещь. Он отнюдь не равен творцу... Именно критика обслуживает творца, а не наоборот», — писал в одном из номеров «Столицы», напоминая прописные истины, журналист Дмитрий Быков. И далее: сегодняшний критик быстро понял, что «... в нашей ситуации очень легко сделать себе имя. Первое: надо хамить. Хамство здесь всегда принимают за знак избранности. Второе: надо скандалить».

Прочел я и подумал: не иначе как среди прочего лежал на столе автора «Столицы» и номер «Независимой газет» с литературным обзором г-жи Ремизовой, которая отвела целую колонку мини-погрому романа Евгения Попова «Накануне накануне», опубликованного в № 4 журнала «Волга».

И плохой-де роман, много хуже тургеневского, пародию на который вознамерился сделать автор, и графомания, и пошлая сатира, и «комплексом стареющего мужчины» страдает автор, не без зависти описывая полутораметровый член героя-диссидента, и прочая, и прочая. Словом, полный набор отрицательных качеств.

И если неприятие гигантского фаллоса наводило на мысль: уж не из русских ли «феминисток» критикесса? — то стиль газетной ругани заставил подумывать: не из жандармов ли? Нет, не из «искусствоведов в штатском», разумеется. А из тех, кто пришли им на смену и, пожалуй, для художников будут пострашнее жандармов либеральных. Тем более, что роман-то, собственно, о крахе столь любимых либералами идей, обсасывая которые они в последнюю пилетку недурно пожили.

Никакая не пародия на Тургенева этот роман Евгения Попова. Его талант отнюдь не обезьяний. Да и помочи тургеневские ему не нужны. Просто сам

факт существования «Накануне» послужил ему хорошим поводом, позволил, обыгрывая высокопарность классика, спрятать щемящую тоску по... уж извините, господа либералы, «России, которую мы потеряли».

Попов, однако, не Говорухин и уж никак не публицист «Дня». И много трепаться на эту тему не будет. Не предложит, встав в пророческую позу, и рецептов «поиска утраченного времени». Что не мешает ему как художнику показывать всю ублюдочность нашего бытия, в том числе и некоей нашей претензии на благородство. И показывать так, что, погрузившись в его мир и сначала обалдев от ужаса и отвращения, а потом изнемоги от смеха, мы начинаем уже без ерничества вспоминать, что понастоящему большому писателю и впрямь дано смеяться только через невидимые миру слезы. И чем искуснее он эти свои слезы утаивает, тем благотворнее они потом изливаются у читателя. Не просто выснят релаксационно-облегчение в замороченную душу, но вызывают катарсис-очищение.

Не слушайте, господа любители хорошей литературы, пишущую даму Ремизову. Ни для кого из действующих лиц не являются прототипами ни Горбачев, ни Ельцин, ни Сахаров, что было бы и впрямь скучно. Зато в романе есть то, чем всегда славилась настоящая русская литература, — мастерство типизации. Всего на каких-то шестидесяти журнальных страницах — целый выводок до умопомрачения смешных типов, воплощающих очищенную от идеологии суть и брежневщины, и горбачевщины, и ельцинщины, и прохановщины, и даже «апрелевщины».

Истинный талант — как прекрасная женщина. У одних вызывает зависть, у других — желание соблазнить.

Как все истинное, дар Попова редок. Пожалуй, он — единственный у нас полноценный мастер гиньоля — искусства довести воздействие смехом до катарсиса. Так что на месте г-жи Ремизовой я бы попробовал перед сном прочесть книжку еще раз. Только уже не как присяжный литобозник, а как простой совок, каковым мы все, сколько бы ни выпендривались, являемся.

Уверен, прими дама такую мирную позытуру, она как минимум улыбнется и перестанет видеть в герое романа Инсанахорове Сахарова, а в персонаже, зовущемся Владимиром Лукичом, Ленина.

Роман ГОРИЧ

Москва

Алексей
МИТРОФАНОВ

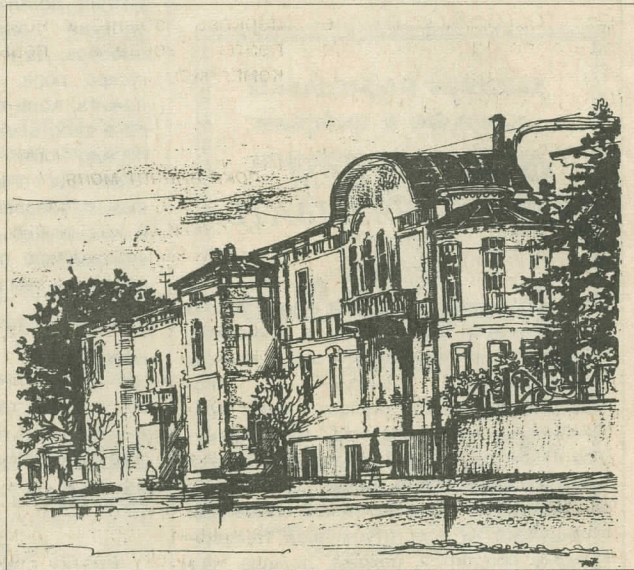
УЛИЦА ПОВАРОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

Селились в этом месте кулинары царского двора. Но со временем та слобода развеялась, и улица стала писательской. Здесь бывали Пушкин, Бунин, Пастернак, Цветаева и многие другие, не столь маститые сочинители. Затем ушло старинное название, и на улице возникли две наиболее солидные литературные организации — ИМЛИ (Институт мировой литературы имени А.М.Горького Академии наук СССР) и Союз писателей СССР.

Но время повернулось вспять, и улице вернули имя Поварская. Надо думать, вскоре повара сюда вернутся. Читать же за столом не принято, и поэтому солидные литературные организации вошли в великую эпоху кризиса. И знамениты нынче только лишь своими склоками. А также рестораном ЦДЛ.

Но, видимо, останется великая твердыня улицы — здание Верховного суда Российской Федерации. Оно стоит на месте церкви Ржевской Божией матери. Ее снесли в 1952 году, но церковь не погибла окончательно. Некоторые независимые ученые считают, что силами той бывшей церкви два года назад рухнул восьмизатяжный дом в соседнем Большом Ржевском переулке. Ведь под несчастным зданием нашли «зоны разуплотнения грунта», ведущие к церкви. Наверное, подземные ходы. Их уже воспел Владимир Гоник в своем романе «Преисподняя». И запустил туда отряд боевиков, воюющих с подземными сталинистами.

Разрушили и деревянный «дом с монетами» — затайливой цепочкой деревянных колец на тяжелой дубовой двери. Он стоял на месте сквера рядом с домом 18. В подвалах этого особняка уже при Советах нашли альбом автографов, собираемых с XVIII века, —

Поварская улица названа по бывшей тут некогда царской поварской слободе. С 1923 по 1992 год беспричинно именовалась улицей Воровского.

Петр Первый, Людовики, Мюссе, Гюго, Жорж Санд, Карамзин, Дельвиг, Вяземский, Пушкин, Крылов...

Конечно, бесценный альбом разодрали на части и разволокли по музеям. А подвалы, видимо, остались.

Как, впрочем, и подвалы самой знаменитой здешней церкви — Бориса и Глеба.

*У Бориса и Глеба
Свет, и служба идет.
Лбы молящихся, ризы
И старух шушуну
Свечек пламенем снизу
Слабо озарены, —*

писал о ней Б.Пастернак в стихотворении «Вакханалия», противопоставляя это мирное собрание тому, что творится вокруг:

*А на улице вьюга
Все смешала в одно,
И пробиться друг к другу
Никому не дано.*

И впрямь, была та церковь не по времени нонконформистской. Сразу же после революции отличилась крестным ходом к поруганным кремлевским святыням. «У меня перед глазами, — вспоминал С.Трубецкой, — взволнованно-одухотворенное ли-

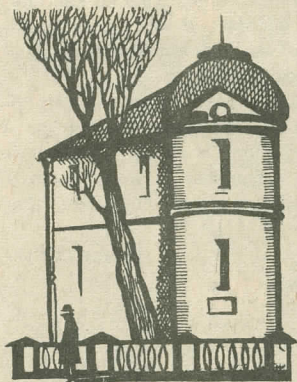

Рис. Ю.Николаевой

цо С.Д.Самарина, несшего большой крест перед крестным ходом из церкви Бориса и Глеба на Поварской. Ветер трепал его отросшую рыжую бороду, и он нес крест как-то особенно проникновенно и значительно...».

А затем, когда прошел слух о скором сношении церкви Бориса и Глеба, звучали в ней такие вот воззвания: «Итак, братья, ежели эти странные вести подтвердятся, как я только о том проведаю, ударит звонарь в колокол, и побегут по всем домам гонцы—посланцы, сповещая всех вас о неслыханном злодействии. Будьте готовы, братья! Враг бодрствует, бодрствуйте и вы! По первому удару колокола в любой час дня и ночи — все, все в храм! Встанем, братья, грудью, защитим святыню! Берите с собой малолетних младенцев ваших, пусть мужчины не берут оружия, возденем голые руки горю. С знаком молитвы посмотрим — дерзнут ли они с мечом на толпу безоружных!»

А ежели и это свершится — что же, ляжем с чувством исполненного долга на ступенях нашего храма...»

Однако же никто не лег. Борисоглебский храм банально, без хлопот разрушили. «Доламывают», — записал в 1936 году в своем дневнике М.Александровский, автор Указателя московских церквей и монастырей.

На месте храма возвели корпус «Гнесинки» — с портретами великих композиторов на желтом фасаде. А попадаешь внутрь — и кажется, что это — институт физической культуры. Почему-то большая часть наглядной коридорной агитации посвящена спортивным достижениям и нормам ГТО. Впрочем, студенты не слишком-то смахивают на спортсменов — на шахматистов разве что.

А неконформистскую

церковь забыли, и новые поэты воспели новый комплекс:

*Я школу Гнесиных
люблю,
пока влечет меня
прогулка
по снегу, от угла к углу,
вдоль Скатертного
переулка, —*

писала Белла Ахмадулина.

Но самое, пожалуй, славное местечко на той улице — здание ИМЛИ. Я имею в виду не мухинский памятник Горькому, у которого паркуется чей-то старинный черный лимузин, не доску объявлений, где в семейство снобских извещений о каких-то сверхнаучных конференциях подленько прокрадась инструкция по получению денег за проездные билеты, и уж, конечно, не сам муравейник ИМЛИ.

Я с музея Горького.

Он открылся 1 ноября 1937 года, к 20-летию революции, и сразу был замечен нашими тогда еще живыми классиками. «Покидаешь музей с чувством глубокой благодарности к тем, кто так по-настоящему хорошо и заботливо собрал все, относящееся к жизни и деятельности Алексея Максимовича», — привычно идеализировал Михаил Шолохов, оставляя отклик в книге отзывов. А Всеволод Иванов написал о том музее целый очерк под названием «Музей Максима Горького».

Тот музей очаровательно наивен. Там есть все необходимое для того, чтобы очаровать посетителя. Это и глуховатые смотрительницы, и макеты с подсветкой — например, камера Петропавловской крепости, где сидел писатель в январе пятого года, и бумажная игрушка—петушок, свернутая Львом Толстым для писательского сына, для Максима Пешкова, и сопилка, подаренная Горьким одному из мануи-

ловских крестьян... Она-то как в музей попала?

Ну и конечно же слепок с великой руки.

Кстати, вход в музей бесплатный. Правда, нужно для чего-то записаться в специальной книге.

А чуть дальше — новая писательская достопримечательность, Театр киноактера. Именно здесь 31 октября 1958 года состоялось историческое собрание московских писателей. На нем наши величайшие гуманисты — Ошанин, Солоухин, Полевой и прочие исключили Пастернака из писательского союза. «...Учитывая политическое и моральное падение Б.Пастернака, его предательство по отношению к советскому народу, к делу социализма, мира, прогресса, оплаченное Нобелевской премией в интересах разжигания холодной войны...»

Вобщето репрессивные особенности этого здания заложены в нем с самого начала. Его, предвзвешенно сломав стоявшую на этом месте церковь Рождества Христова в Кудрине, построили для клуба Общества политкаторжан. Но одновременно с окончанием строительства Общество было разогнано и многие каторжане репрессированы повторно.

А напротив — собственно Союз писателей. И в

трогательных преданиях, и в солидной краеведческой литературе — везде говорится, что это дом Ростовых из «Войны и мира»!

Правда, некий В.Малов в 1966 году, играючи так, этот факт опроверг. Дескать, когда в войну с Наполеоном москвичи покидали свой город, графиня Ростова говаривала: «Вот, напротив, у Лопухиных еще третьего дня все дочиста вывезли...» Лопухины же жили на Большой Молчановке. Да и сам Лев Николаевич, по воспоминаниям его секретаря Н.Гусева, однажды молвил:

— Дом Долгоруковых был бы слишком роскошен для Ростовых.

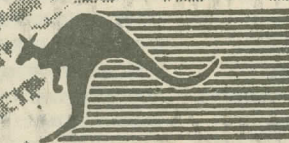
Но опровержение осталось без внимания. Тогда уже литературная эпоха улицы, видать, входила в кризис и слава Союза писателей все больше смещалась в сторону писательского ресторана.

*Поварская улица
от Арбатской площади*

**Фото из собрания
М.Струкова**

АГЕНТСТВО
МЕТРОПРЕСС

МЕТРОПРЕСС

**ВНИМАНИЮ
СОЛИДНЫХ
ФИРМ!**

Вы хотите, чтобы рекламу Вашей фирмы
видели ежедневно миллионы
москвичей и гостей столицы?

АГЕНТСТВО "МЕТРОПРЕСС" ПРЕДЛАГАЕТ

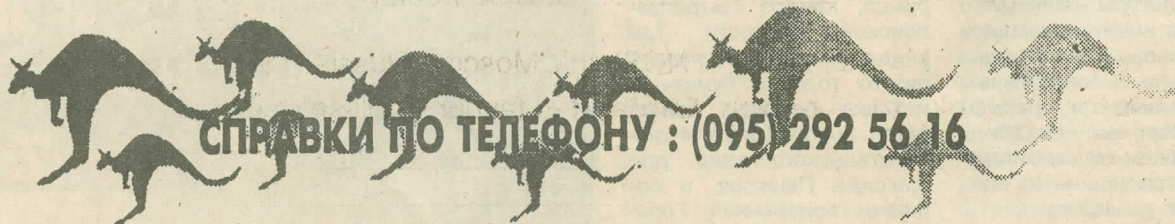
*размещение рекламы Вашей фирмы
в нашей широкой сети продажи
периодической печатной продукции.*

*Наши торговые точки расположены
в самых оживлённых местах движения
пассажиропотока Московского Метрополитена.*

НАШ ДОЛГОСРОЧНЫЙ РЕКЛАМНЫЙ КОНТРАКТ ПРЕДУСМАТРИВАЕТ:

- изготовление оборудования для розничной сети с Вашим участием;
- отражение Вашего фирменного стиля на всём оборудовании и одежде нашего персонала.

СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНУ : (095) 292 56 16

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Редакция еженедельного журнала
«**СТОЛИЦА**»
продолжает подписку с рассылкой за границу

Вы можете подписаться на журнал,
обратившись непосредственно в редакцию по адресу:
101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22.

Телефоны: (095) 928-23-49, 928-27-69.
Телефакс (095) 921-29-85.

Стоимость подписки за 1 номер:

Европа: \$ 2,68 (обычной почтой), \$ 2,98 (авиапочтой);
США, Канада, Израиль, Япония: \$ 2,98 (авиапочтой).

Редакция гарантирует рассылку журналов из Москвы в день выхода.

NAME _____

ADDRESS _____

_____ TOWN/CITY _____

POSTCODE _____ COUNTRY _____

13 weeks 26 weeks 52 weeks

Please find enclosed my cheque in favour of STOLITSA WEEKLY

I will pay to account 1137 CED of NGSbank, Moscow, Russia with **Banca Agricola Mantovana, Mantova, Italy** — favour «Stolitsa weekly».

I will pay to account 49233002 of NGSbank, Moscow, Russia with **Moscow Narodny Bank Ltd., London, England** — favour «Stolitsa weekly».

SIGNATURE _____

Пожалуйста, пошлите этот купон и денежный чек (или копию платежных документов)
по нашему адресу: 101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22. «Столица».

Теймураз
Боджуа

SHOW MUST GO ON

Международный конкурс «Ялта-Москва. Транзит—93».

...Быть может, лет через двадцать пять этот небрежно вырванный тетрадный листок в клетку украсит коллекцию состоятельного меломана. Шариковой ручкой, явно второпях, с нелепыми сокращениями — заявка на участие в конкурсе «Ялта—93» Елены Яковлевны Лебенбаум, студентки пятого курса Санкт-Петербургского института театра, музыки и кинематографии.

«Уважаемые коллеги! Очень прошу вас не пропадать и в любом случае сообщить мне ваш вердикт». К письму была приложена маленькая фотография и пленка с записью песен. Через полгода, в начале августа Лена Лебенбаум завоевала на конкурсе Гран-при. А также синтезатор, японский телевизор — приз зрительских симпатий — и путевку в Сан-Ремо. Ну и известность, конечно. Пока очень недолговечную. Если кто подзабыл, напомним, что конкурс молодых исполнителей эстрадной песни родился восемь лет назад в Юрмале под крылом Раймонда Паулса, потом эмигрировал в Ялту. Из Крыма бежал в Москву, когда вся затея вообще оказалась под угрозой. Спасли мероприятие в этом году «Останкино» и фирма «ЛИС С» (не было ни единого спонсора). Сосредоточившись на телевизионной стороне дела, организаторы озаботились

проблемой визуальной привлекательности и тем самым приняли самое выигрышное решение. В спорткомплексе «Олимпийский» построили небольшую студию со сценой и залом на 400 гостей, которым предназначались белые столики с шампанским.

Для костюмирования исполнителей призвали модного Рафа Сардарова, репетиции включали занятия с хореографом. Известно, что на такие конкурсы отбирают исключительно профессионалов, однако предыдущие годы доказали, что на экране и профессиональные вокалисты могут удручить. В этот раз представление удалось. Анализ мелких провалов и проколов оставим специализированным изданиям.

Юри, в который входили Лайма Вайкуле, Лариса Долина, Александр Малинин и прочие корифеи нашей эстрады, тоже как будто бы осталось довольно «Транзитом». Однако, как обычно, счастливее всех выглядела сладкая парочка из дуэта «Академия», хотя они были всего лишь ведущими программы.

...Третье премию получил девятнадцатилетний Вадим Азарх из Питера, вторую — Майя Каркарашвили (Тбилиси), а первую — тоже тбилисец Теймураз Боджуа. Он отстал от гран-призерши всего на три балла (345 и 348). Между прочим, Теймураз великолепно, по общему мнению, спел знаменитую песню Фредди Меркури «Show Must Go On». Так вот, шоу должно продолжаться. Хоть в Ялте, хоть в Москве.

Алексей БЕЛЯКОВ

ТАКИЕ ЗЕЛЕННЫЕ ЯБЛОЧКИ

«Такие свободные бабочки»

Театр «Сатирикон»,
реж. К.Райкин

Есть известная притча о том, как слепого и хромого назначили стеречь райский яблоневый сад. Плуты наелись-таки яблок: хромым сел слепому на спину и указывал, куда идти. Американский драматург Л.Герш, о котором я — видимо, из-за пробелов в образовании в условиях жестокой коммунистической диктатуры — доселе ничего не слышал, взял в герои одного слепца, а о хромым забыл, как, впрочем, и о хозяине сада. Действие пьесы происходит в Нью-Йорке в самом начале 70-х годов (или в конце 60-х), поскольку упоминаются Джимми Хендрикс и хиппи. Действие спектакля происходит в наши дни в Марьиной роще, поскольку в зале сидит публика, хорошо знающая, почему фунт капусты, а на очень большой сцене трудолюбиво воспроизводится вид американской квартиры и висят микрофоны. В последних гулко отдается трогательная, но с юмором рассказанная история «о слепом юноше, пытающемся найти свое место в жизни», как сообщал «Досуг в Москве» в № 32 за этот год. Это место он было находит где-то на кровати, укрепленной на высоких столбах, подле разбитной, но душевной девицы, мечтающей поступить в актрисы. Открытый финал — в духе той эпохи, когда даже на Бродвее ставили **проблемы**, — не позволяет однозначно ответить на вопрос: осталась ли девица с юношей или все-таки предпочла ему режиссера. Пожалуй, финал х р о м а е т, а я начинаю изъясняться каламбурами, что неудивительно: об этом спектакле так же невозможно говорить всерьез, как о рекламе, которая поминутно предлагает полные и окончательные счастье и успех. Продолжая в том же

духе, замечу, что нашему слепцу, а заодно и публике спектакля, никогда не отведать райских яблок — но не за отсутствием напарника, а из-за плачевной неспособности отличать яблоки от капусты.

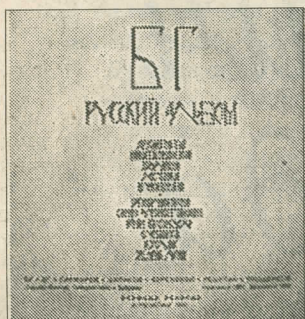
Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

СШИВАТЬ ДЕНЬГУ И ПЛАКАТЬ

«Чтобы выжить»
«Центр кино и телевидения» и АО
«Рашн фильм»,
Норвегия,
реж. В.Плоткин

У отца (Владимир Меньшов), инструктора по горному туризму, сложные отношения с сыном, который приехал к нему на побывку. После ссоры мальчик пытается убежать обратно к матери и попадает в руки мафии (в роли главаря Александр Розенбаум), которая требует от папы и его заместителя провести через границу караван с наркотиками. Но разгневанный папа оказывается крепким орешком, истребляет банду и воссоединяется с отпрыском. Истребительная акция поставлена с размахом (продюсеры не пожалели денег, чтобы угробить кучу техники) и включает, кажется, впервые в отечественном кино сцену вертолетного боя, за которую режиссер получил приз Ассоциации каскадеров. Все было бы очень даже ничего, если бы сценаристы, вместо того чтобы снабжать каждый эпизод дурацким якобы документальным титром, оповещающим о времени и месте непроисходившего события, толком продумали мафиозную линию, если бы постановщик разбирался в технике боя и если бы фильм, посвященный тому, чтобы каждый мальчик любил своего родителя, не мешал в столь грубом расчете на кассу «американскую» кровью с «индийскими» соплями.

Виктор МАТИЗЕН

РОК-ПРОЧТЕНИЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ

**Б.Г. «Русский альбом»
«Курица рекордс»,
«Русистика»**

Произведения, «подписанные» «Б.Г.», а также «Б.Г.—Бэнд», не надо путать с произведениями «Аквариума». После распада последнего Гребенщиков вывел на сцену новый коллектив, играющий несколько иную музыку и несущий несколько иную идею. «Русский альбом» — произведение, созданное во время работы с этим составом. В альбом вошли песни, «катаемые» во время знаменитого «Волжского турне» «Б.Г.—Бэнда» 1991 года. Благодаря средствам массовой информации и коммерческим радиостанциям, проявляющим повышенный интерес к творчеству Гребенщикова, многие песни стали известны широкой массе еще до выхода альбома. «Никита Рязанский», по словам Гребенщикова, был создан «во времена чтения Жития Святых, сидя на холме». Альбом продается не очень активно, видимо, потому, что отпугнул большую толпу «аквариумистов», ожидавших навороченного текста и привычных полуфраз прежнего «Аквариума». Не найти в «Русском альбоме» привычных западных заимствований. Он русский как по духу, так и по музыке. Неважно, можно ли назвать это роком, но умалить значение и достоинство этой работы бывшего лидера российского рок-андерграунда невозможно. Б.Г. вновь выступает как новатор, открывая своим альбомом новый этап российской музыки.

Алексей ПЕВЧЕВ

БЕЗОТХОДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

«Странные мужчины Семеновы Екатерины» «Ленфильм», «Ладога ЛТД», реж. В.Сергеев

В течение двух с половиной часов экранного и нашего личного времени Семенова Екатерина выясняет запутанные отношения со своими странными мужчинами, изредка предоставляя тем возможность выяснить отношения между собой. К числу вышеуказанных мужчин относятся: очень положительный мафиози, обремененный малолетним сынишкой, очень отрицательный милиционер, пожертвовавший высоким чувством ради выгодной женитьбы, очень малохольный доктор, навязывающий окружающим свое общество, и очень загадочный шестидесятник без определенных занятий, спускающийся ненадолго с гор, чтобы спеть под гитару и пропасть из фильма навсегда. Все эти выяснения длятся настолько долго, что создают впечатление, будто режиссер изобрел новый способ кинопроизводства — безотходный, согласно которому ни один отснятый метр в процессе монтажа не должен оказаться в корзине — напротив, все без исключения метры должны оказаться в картине. Во всяком случае, эту историю при желании и даже без него можно было бы рассказать минут за сорок. Или не рассказывать вовсе. Потому что только ленивый не поймет с первых кадров, что моральный деградант-милиционер будет посрамлен, а у Екатерины с мафиози все будет замечательно и даже еще лучше. Остальных же режиссер отпустит из сюжета с миром. И только благодушный не признается себе с первых кадров, что к искусству (пусть даже к искусству мелодрамы) «Странные мужчины» имеют такое же отношение, как молоденькая актриса-неудачница Семенова Екатерина к великой актрисе Екатерине Семеновой. Хотя справедли-

вости ради надо отметить, что Наталья Фиссон в роли взбалмошной питерской девушки весьма обаятельна и непосредственна. Чего никак не скажешь о ее партнерах. В частности, об Александре Абдулове, которого в петербургских фильмах последнее время встречаешь чаще, чем родственников на кухне, и об Андрее Соколове, который по-прежнему остается актером одной роли в главном перестроенном фильме имени Василия Пичула.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

САДУ ЦВЕСТЬ?

**«Монументы: трансформация для будущего»
Выставка Института современного искусства (Москва) и Ассоциации независимых кураторов (Нью-Йорк)**

Что сделал бы Энди Уорхолл, если бы суп кемпбел и кока-кола были объявлены пережитком прошлого и с улиц площадей исчезли бы плакаты с их изображением? Думаю, как минимум растерялся бы. А вот Комар и Меламид — отцы соцарта — немедленно нашли выход из положения, когда перестал что-либо значить в общественном сознании важный элемент их искусства — памятники тоталитарной эпохи. Ведь, кажется, цель достигнута — социализма больше нет, лениных и дзержинских свалили с пьедестала. Стоп, а сваливать не надо! — воскликнули демиурги и через «Art Forum» обратились к коллегам, чтобы те создавали разнообразные проекты переделки старых соцмонументов для новой калхизни. Откликнулось больше ста художников из Европы, России, США, Канады и прочего зарубежья. Проекты самые разнообразные, иногда ностальгические, но чаще

иронические, от полной переделки до внесения минимальных внешних изменений, полностью меняющих смысл памятника (вроде подрезанного пьедестала «Рабочего и колхозницы», которые, по замыслу пулицеровского лауреата Арта Шпигельмана, делают широкий шаг в пропасть). Памятники, лишённые пропагандистского пафоса испытанным способом расставания с прошлым, должны символизировать общественное противостояние режиму. Выставка необыкновенно смешная. Как говорится, «есть на что посмотреть» — ведь свежесть борьбы вокруг статуй давно исчерпалась: и ниспровергателей, и охранителей теперь гораздо больше волнует вопрос, как заработать миллион. Комар с Меламидом собираются представить некоторые проекты российскому правительству в надежде на создание «фантазмагорического сада посттоталитарного искусства». Надеюсь, этот шаг просто входит в правила игры, а сама выставка — концептуальный изыск, прикидывающийся политической акцией. Но и в противоположном случае повода для волнения, надеюсь, нет. Ведь правительство все равно продинамит, и ни одному уцелевшему Ильичу до конца XX века ничего не грозит. Мавзолей и дальше будет гарантировать спокойствие.

М.ГЕОРГИЕВА

Проект И.Степина и С.Мартынич

Вампир Фомич и биржа труда

...Во Дворце спорта «Динамо» шел сборный концерт. Публика реагировала доброжелательно, но вяловато. И вот ведущий объявил очередного исполнителя: «Иван Ильич — наставник молодежи!» Топла сразу же возликовала.

На сцену выбежал «совок» в алой рубахе и обвисших штанах, с лицом веселого идиота, эдакий комсомольский стукач-хитрован. Выгнувшись в позу — одновременно рабочего и колхозницы, — «совок» радостно провозгласил:

*«Когда в зарплату, без лишних слов
С меня взимают кровные рублики,
Радуюсь я, —
Это мой подоходный налог
Вливается в налоги моей республики!»*

Таким создавал свой сценический образ популярный несколько лет назад автор и рок-исполнитель Андрей Лукьянов. Группа «Окно», помните?

*«Иван Ильич — участник перестройки,
Он перестроил дачу под Москвой...»*

*«Ну зачем в продащицу ты плюнул,
Она просто системы продукт.
Ее муж инженер-зоотехник
Получает сто двадцать рублей...»*

Это была кульминация эпохи «перестройки» и «гласности». Советский рок, вырвавшись из подземелий на гастрольно-телевизионный простор, спешил передать своим юным фэнам все, что знал и чувствовал по поводу ленинизма-коммунизма.

Последнее выступление Андрея Лукьянова перед зрителями в качестве ветерана рок-музыки состоялось пару лет назад, то ли еще во «Взгляде», то ли уже в ВИДе. Он давал интервью, очень важный и насыщенный, правда, сидя... голым в ванной.

Помню, в апреле 1991 года, аккуратно в день рождения Ленина, я слушал в записи тогда новую, и, кажется, последнюю, песенку Лукьянова, посвященную незабвенному вождю: «А вампир Фомич продолжает сосать нашу кровь». С тех пор прошло больше двух лет. И вот — встреча.

— Андрюша, что-то тебя почти не видно и не слышно, если не считать появления в телепередаче «Руга-Канкан» в качестве «юриста-стропальщика». Где ты сейчас? Чем занимаешься?

— О, ты удивишься! Я создал Телевизионную биржу труда на российском телеканале. Каждое буднее утро, в 8.20, даю пять минут объявлений о вакантных рабочих местах по всей стране.

— Да, удивил... Что это — добровольный выбор или, как говорится, жизнь заставила?

— Совершенно добровольный выбор. Ты же знаешь, в своих песенках мы все время что-то разрушали, развенчивали, отрицали. Пришло время «собирать камни». К сожалению, сейчас — каждый за себя, только и слышишь кругом: «Бабки! Баксы! Штучки! Лимоны!..» А я думаю, в трудное время надо наоборот — сплываться и помогать друг другу. Вот наша Телебиржа труда и помогает тем, кто ищет работу, и тем, кто ищет работников, — встретиться к взаимному удовольствию.

Я ведь по образованию юрист-правовед. Просто любовь к кино привела меня как-то в газету «Советская культура». Названьице какое, а? Я стеснялся тогда рассказывать в газете, что пишу стихи. Некоторые из них стали песнями, исполняли их Владимир Кузьмин, Ирина Понаровская, Алексей Глызин, Пресняков-младший и даже Валентина Толкунова... Я, конечно, уважаю этих замечательных артистов, но в какой-то момент захотел сам исполнять свои тексты. Собрал группу «Окно», и вперед — от Владивостока до Таллинна, от Ухты до Сочи... Ох, и гоняли нас разные обкомовцы, запрещали концерты. А ведь я всегда пел вполне верноподданнические песни, например: «Я хочу видеть сны, согласованные с Комитетом государственной безопасности».

— Сколько я тебя знаю, ты всегда был пролетарием. Умственного труда, конечно. Откуда же у тебя такая неприязнь к марксистскому учению о справедливой дележке награбленного? Я имею в виду не только твои антикоммунистические песни. Знаю, что в августе 1991-го ты тор-

чал у «Белого дома», да еще жену с малолетним сынишкой туда привел, о чем «Столица» уже рассказывала.

— Скажу честно, я ведь никогда не верил во всю эту большевистскую белиберду. Самое большое, что я сделал в своей жизни для построения социализма в одной несчастной стране, — это участвовал, еще школьником, в первомайской демонстрации. Да и то потому, что за это на три дня освобождали от школьных занятий. С детства увлекался не «подвигами разведчиков», а «Битлз». Почитывал «самиздат», ИМКА-пресс, «Ардис», слушал «голоса»... Какие уж тут «комсомоль» и «коммьюнизм»!

И еще, признаюсь: я ведь дворянин по происхождению. Из знаменитого старинного рода Жуковских — Лукьяновых. В Осети до сих пор сохранилось имение моего деда. Правда, я там никогда не бывал.

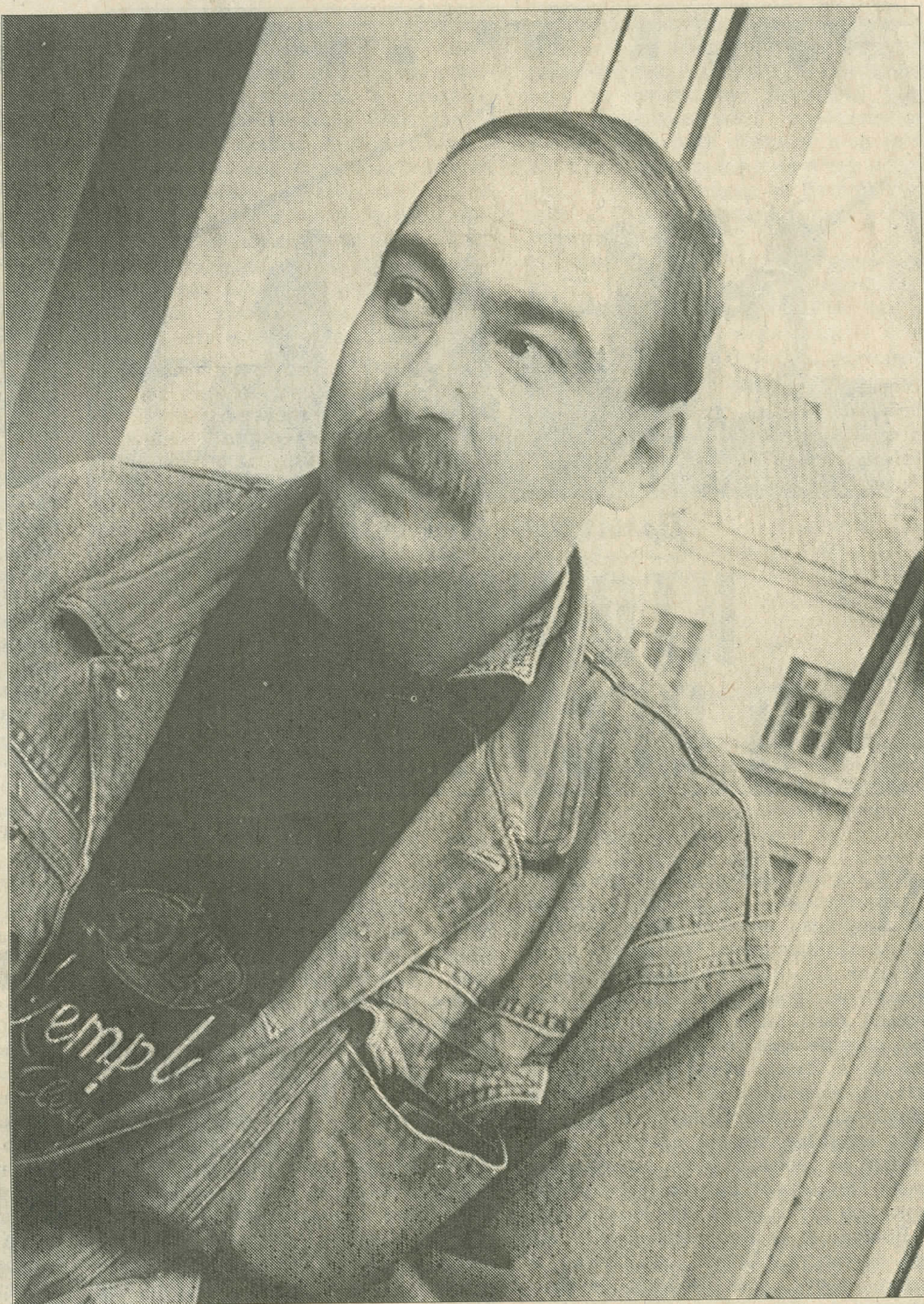
— Ого! «Что вы скажете, узнав, что Лукьянов — бывший граф?» Интересно, а как ты относишься к современному дворянскому обществу, собраниям, клубам? К монархистам? К так называемым «патриотам»?

— Извини, я процитирую нашего с тобой любимого Бердяева: «В моей дворянской семье всегда было презрение к черносотенцам. В них чувствовалось что-то неаристократическое, плебейское». К дворянкам, если они нормальные люди, — отношусь хорошо. Как, впрочем, к нормальным людям из других сословий. Что касается патриотизма — мне нравится жить в России. Где родился, там и пригодился.

— Как ты оказался на телевидении? Да еще в качестве создателя программ?

— Однажды на мое выступление в Московском рок-клубе попал один из ведущих «Взгляда» — Александр Любимов. Пригласил выступить по телевидению. Начались съемки клипов, телевизионные шоу, потом появился диск-гигант на фирме «Мелодия»... Но вот большевизм пал, и мне показалось, что новые времена требуют новых песен. Что делать дальше, без песни по жизни? — думал я. Снимался в кино: у тебя в «Бердяеве», у Ивана Дыховичного в картине «Прорва».

Популярный несколько лет назад автор и рок-исполнитель Андрей Лукьянов. Группа «Окно», помните? Снимался в кино. Сейчас — на телевидении.

И в конце концов осел на телевидении. С утра до вечера стрекочет наш телефон, принимаем заявки от самых разных предприятий: «Предлагаем работу». Берем за эфирное время немного — гораздо меньше, чем за рекламу. Недавно опрашивали тех, кто давал нам объявления. Все довольны результатом, аудитория у нас огромная. А в ближайшее время перейдем от текстовых объявлений к видеоряду. Передача будет еще лучше.

— Я вижу, ты доволен жизнью?

— Надо думать о большом, Не о мелочном. Жить нам стало хорошо... Только не на что!

— Да, сам-то как обходишься? Вливается твой подоходный налог в налоги республики?

— Я никогда не был богатым. Поэтому, видимо, никогда не плакал. Но голодным и оборванным тоже не ходил, в мусорных ящиках не ночевал. И сейчас не бедствую, чего и всем желаю.

— А не тянет петь, сниматься?

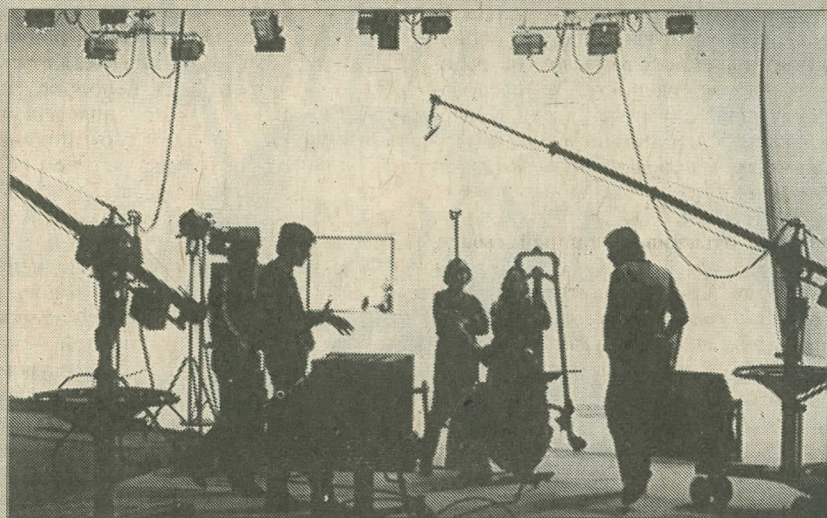
— Тянет. Все еще может быть, кто знает?.. А пока ищи меня на бирже труда. Телевизионной, разумеется.

— Подберешь мне работу? По знакомству?

— Всем найдется место, лишь бы человек был хороший.

Владимир ГРИБАНОВ

Фото Э.Кудрявцового

Дмитрий БЫКОВ

КТО ХОДИЛ В ЛЕСУ РОГАТ

Я как раз собирался писать августовский телеобзор, когда пришла милиция. Двое толстых таких милиционеров. Говорят, их сюда вызвали. Помилуй Бог, говорю, сию, никого не трогаю, опус сочиняю. «Не может быть, нам дали ваш адрес». Ну, говорю, смотрите — что найдете, все ваше. Зашли зачем-то в уборную, разочарованно ушли. Оказывается, ошиблись. У нас тут два дома под одним номером, только один — «а», а другой — просто. Теперь пойдут куда надо. Там, может, еще не все вынесли, пока они тут со мной разговаривали.

Вообще я дешево отделался. Могли б увести. Теперь, насколько я знаю, почти всех подследственных сажают до суда, не объясняя причин. Вдруг мое лицо кому-то не понравилось, и этот кто-то на меня заявление написал. Фу ты, господа, руки дрожат. Какой тут, думаю, телеобзор.

Честное слово, это я не ради приёма. Они десять минут назад ушли. Может, жизнью сейчас рискуют, пока я тут телеобзор... Решительно все вылетело из головы. Я, кажется, собирался ругать «Азбуку любви». Господи, да ведь жизнь и так достаточно ужасна, чтобы я еще огорчал Фрида Берга!

Но по большому счету, я вам скажу, этот визит как нельзя более в жи-

лу. Он плюс плохая погода плюс очередное подорожание плюс политический кавардак окончательно превращают меня в идеального телезрителя. То есть позволяют говорить от имени нормального человека, отбросив маску эстета. Вы не заметили, как умер снобизм? Раньше, бывало, с кем ни заговоришь — монтаж-цвет-режиссура, Набоков-Джойс-Кортасар... Куда вы все делись, милые мои? Раньше было принято так-то и так-то отзываться о том-то и том-то. Теперь принятых тем не существует. Есть процесс выживания в условиях двое-без-властия. В этой ситуации человек смотрит телевизор не потому, что ему интересно, а потому, что боится оставаться в комнате наедине со своими мыслями. Да и времени почти нет, так что аудитория изменилась. Трудоспособная ее часть занята добыванием денег и наименее безнадежным их вложением. Телевизор помногу смотрят только больные, старики и домохозяйки. Эту аудиторию эстетика не волнует. Она съест все — даже не «Просто Марию», а «Очень просто Марию».

В этой связи телеобзор превращается в некоторую фикцию, когда человек, поневоле смотрящий телевизор от случая к случаю, говорит с подобными себе о том, в чем ничего не по-

нимает. Я, слава Богу, более или менее здоров, не старик и не домохозяйка. Поэтому телевидение ориентировано не на меня. Как большинство средних интеллигентов в свободное от телеобзоров время я смотрю только «Итоги» — чтобы несколько сориентироваться в ситуации, — наиболее скандальные пресс-конференции и мультики по ТВ-6. На остальное у меня нет ни времени, ни сил, ни терпения.

Август — время каникулярное, и относительная пустота эфира объясняется отдыхом «Мастеров-ТВ», Авторского телевидения и мирной передышкой Андрея Караулова. «Матадор истины», «Пресс-угол» и «Бомонд на фоне» меня в последнее время не балуют. Новых значимых телеперсон на горизонте не видать, а старые тускнеют на глазах: последний «Тихий дом» оказался куда скучнее Московского кинофестиваля, которому был посвящен. Познер всегда хорош и всегда одинаков. Личности на телевидении по-прежнему нет, потому что она не востребована. Телевидение обращается к массе. Третировать его с позиций своего интеллектуального превосходства — занятие столь же бесплодное, как фрейдистски интерпретировать «Колобка». Чем страшнее и непредсказуемее становится жизнь за окнами, тем более безлико делается телевидение, и это правильно, как любила говорить самая заметная телеперсона восьмидесятых. Какая разница, кто там буднит в светящемся ящике? Главное, что я не один. Чем лучше этот ящик будет меня отвлекать от жизни — тем более исполать ему.

И потому «Ялта-Москва. Транзит-93», поражающая серостью исполнителей и сальностью конференса, вполне адекватна ситуации. «Маски-шоу», чей юмор раз от разу утробнее, хороши уже тем, что пару раз я рефлекторно улыбнулся визуальному пересказу казарменного анекдота. «Коламбия пикчерз» тем более не апеллирует к моему эстетическому чувству. Телекритика лишается предмета разговора — или вынуждена искать новые, внеэстетические критерии.

Вот берем, к примеру, отмечание августовских событий. Российская ментальность вообще традиционна, ориентирована на прошлое, на былые заслуги. РТВ в очередной раз полюбавалось снятием Дзержинского с постаментов, помелькала хроника Трех Дней Нашей Нужности Государству. Что, надоело? Что, пресно? Да разве может быть иначе?! Нужна же властям, предающимся тянитолкайству, хоть какая-то точка отсчета, на которую при случае можно сослаться! Иметь дело с клише, со штам-

пами вообще значительно удобнее, чем с живыми людьми. Аудитория быстрее переварит. И потому у меня не может быть никаких претензий к неудачному фильму И.Мисьявчяса «Россия воскрес! или Ностальгия по настоящему». Каждый предмет, личность, событие имеет на телевидении свою парадигму, из рамок которой лучше не выходить. Решительно на всем лежит печать штампа, да простит мне «Графика М» эту невольную рекламу. Вознесенский порождает следующий ряд: крик Хрущева — музыкой Пастернака — Аверинцев-Рихтер-Ростропович — есть-русская-интеллигенция — шестидесятники — Политехнический — видеомы. Мне судьба подарила счастье говорить с Вознесенским и внимательно его читать. Я знаю, какой он роскошный поэт и блестящий собеседник. Я знаю, какие парадоксальные вещи он может говорить. Но никому не надо, чтобы он их говорил. Нужна парадигма духовности. А она на нашем телевидении устоялась намертво, как и средний образ религиозной программы. Ни с Вознесенским, ни с духовностью, ни с религией они не имеют ничего общего. Но так ведь и надо, потому что телевидение, сориентировавшись наконец в аудитории, превратилось в искусство суррогатов. Что и требовалось показать.

У Маяковского было такое шуточное двуступище: «Кто ходил в лесу рогат? Суррогат». Но поскольку телевидение наконец встало на твердые позиции здоровой массовости, без всяких там элит, личностей и других загадочных вещей, оно и должно оперировать суррогатами! То есть пиццей, которую однажды уже ели. Прагматизм прежде всего. Все ггы — на уровне «гы-гы», музыка — на уровне попсы и теледиалог — на уровне азбуки.

Я ведь, собственно, почему не хочу радоваться по поводу прекращения «Азбуки любви». Ругать ее — скучное дело, лежачего не бьют, тем более, что герои по большей части действительно лежат, говоря при этом так, как никогда не говорят нормальные люди в их положении. Я, честно говоря, ждал тридцати трех серий — по числу букв в азбуке. Фридрих пока не сказал даже «А», потому что ни характера, ни удачной реплики, ни сколько-нибудь убедительного сюжетного хода в его сериале близко нет. И все-таки мне жалко, что это кончилось, потому что названный телесериал идеально попадал в аудиторию. Определенная часть домохозяйек вполне искренне переживала за две бледные тени, плетущие паутину словес над бездной полчасового эфира. Другая часть — более близкая мне —

получала от этого эфира то удовольствие, которое нам дарует большинство нынешних передач: мы радовались чужой глупости и, следовательно, больше уважали себя. Почему, скажем, я люблю «Любовь с первого взгляда» — передачу, хуже которой на сегодняшнем телевидении просто нет? Потому что за ее идиотизмом привычно отыскиваю тайный смысл. Не может быть, чтобы Алла Волкова и Борис Крюк нечаянно демонстрировали такой интеллектуальный уровень. Не может нормальный человек так себя вести перед камерой, что хотите делайте. Это они нарочно. Чтобы я утешался и выше оценивал собственные интеллектуальные способности.

Анализировать августовское ТВ — вообще довольно безнадежное занятие хотя бы потому, что ни одна музыкальная или игровая передача по степени своей интересности не могла конкурировать с прессконференцией Комиссии по борьбе с коррупцией. Вот в ней как в капле воды отразилось все нынешнее телевидение, которое ни в одну политическую или экономическую проблему не вносит ясности. Напротив: оно напускает предельно густого тумана, моментально подрывая доверие к общаемому. Но смотреть все это очень интересно. А участники прессконференции смотрелись, ей-богу, немногим лучше наших обычных телеперсон. Нет в них обаяния, не располагают они к доверию, не показывают крупным планом ни одного неопровержимого доказательства. Суррогат в чистейшем виде — только в данном случае суррогат открытой и честной политической борьбы с экономическим развалом. Но видимость — есть. И судить при этом о субъективной честности Макарова, обаянии Ильюшенко и достоверности свидетельств — так же неуместно, как оценивать эстетический уровень «Люви с первого взгляда».

Установка на вторичность, видимость, подделку — в конечном счете нормальна для массового искусства. И нам пора пересмотреть подход к нему, перестав исходить из своих эстетических судорог: ах, мне то нехорошо и это пошло! Конечно, пошло, голубчик. А ты хочешь, чтобы при такой-то жизни тебе ее и показывали такой, как она есть?

Но уж вставая всецело на позиции обывателя, телевидение наше должно это делать попрофессиональнее. При всей своей суррогатности оно так или иначе должно иметь некоторое отношение к жизни. Бог с ним, что я не вижу на экране личности. Но я и человека толпы на экране не вижу. Себя в ипостаси обывателя. Рядо-

вого человека, который стоит в очереди, обменивает деньги, получает гуманитарную помощь. Покажите мне хотя бы искаженное, неполное, зыбкое отражение моей повседневной жизни! А то ведь потомок подумает, что я ничего не делал и ни о чем не думал — только следил за битвой Руслана с Главой, слушал попсу и пил «Фигши цитрон»!

В том-то и главная беда нынешнего ТВ, что оно хорошо научилось показывать мне суррогат чьей-то чужой жизни. Моей же собственной — с ее заботами, вязким бытом, неуверенностью во вчерашнем дне и страхом перед завтрашним — там нет. Есть стандартный видеоряд, который я определил бы как презентацию на свалке. Но меня, меня, среднего обывателя, человека с вечным «авось» и столь же вечной авоськой, — я не вижу нигде, и ни одна программа, кроме «Шести соток», не несет мне сколько-нибудь полезной информации в условиях выживания. А я бы не прочь. Мне бы отнюдь не помешала программа, завязанная именно на повседневность, — пусть даже безбожно врущая о ней. Но нельзя же без конца имитировать политику, духовность и культуру, совершенно забывая при этом обо всем, что так или иначе составляет вещество моей единственной жизни!

А в ней, кстати, много чего происходит. На улицах черт-те что, в переходах — богатые нищие и убогие торговцы, милиция вон ходит по домам (простите, опять я о наболевшем), опять же овощи дороги, безработица — херши кола, одним словом. В результате сколько-нибудь адекватное выражение всего этого я вижу только в старом добром советском кино, из которого меня в августе побаловали «Старшей сестрой» и «Началом». На фоне необъяснимого торжества индийских лент они меня как-то вернули к прежним критериям. А ТВ-6 вообще показало «Андрея Рублева» — второй, кажется, раз за историю «Останкина». Низкий поклон. Не говоря уж о гениальном Калике: я увидел «И возвращается ветер» по РТВ. И это, по-моему, шедевр.

Вроде все.

Страшно мне как-то, товарищи, пусто и одиноко.

Пойти, что ли, телевизор посмотреть.

Фото Н. Кочнева

Анатолий КИМ:

«НИКОГДА НЕ УМРУ»

Беседу ведет Михаил Поздняев

Мы не виделись ровно два года. Докатывались до меня какие-то смутные слухи о нем, недостоверные сведения о длительной заграничной командировке, о перемене места жительства. Старшая его дочка, которой я время от времени звонил, любезно, хотя и сдержанно, обещала, что весной-летом отец будет в Москве... Приехал Ким всего на неделю. Успел навестить старого отца, слетать по делам в Минск. Когда я вызвонил его по телефону, всего за день до отлета, сразу назначил мне встречу в ЦДЛ, как чаще всего случалось в былые времена. Это интервью «Столице» вполне можно назвать на посткоммунистическом новоязе «экслюзивом» писателя. Как и публикуемый ниже новый рассказ.

— *Тоя, я вспоминаю годы, когда мы встречались почаще, чем ныне, — я работал в «Сельской молодежи», а ты регулярно в ней печатался; и особенно сейчас вспоминается, как ты сбегал из Москвы в свою Мещёрскую «келью», в свою деревенскую избу, а потом возвращался в город с чемоданом новых текстов, из которых что-то обязательно отдавал в наш журнал. Но вот и теперь ты тоже находишься в таком «заточении», хотя подозреваю, что качественно оно отличается от твоих «побегов». Каким ветром занесло русского писателя Кима в Сеул, в Корею, где твою фамилию носит едва ли не половина населения?*

— Случайно. Действительно, в Корею 37 процентов — мои однофамильцы. Есть там даже такая поговорка: если встать на высокую гору и бросить вниз камень — обязательно зашибешь Кима. Вот, видимо, кто-то бросил камешек, которым меня в августе 91-го и зашибло...

Я попал в Сеул по приглашению уни-

в в книге был записан мой дед. Дальше была пустота. При мне в родословную книгу внесли моего отца и меня.

— *А где же эта книга хранилась?*

— В Сеуле, в нашем Семейном Доме.

— *Фантастика.*

— Да... Это, наверное, сейчас только в Корею практикуется. Там есть много родов с еще более древней родословной. Вот, пожалуй, мое главное впечатление от этой страны — что там не просто сохранилось национальное их своеобразие, но, по существу, не исчезло ничего в их культуре, в отношении людей, в уважении младших к старшим. И к живым, и к давно умершим.

— *Как тебе работается? Я имею в виду не преподавательскую твою деятельность (хотя, может, и об этом стоило бы поговорить), но — пишется ли тебе там?*

— Мне пишется всегда. У меня не было никогда, чтобы как-то «не писалось»; или, может быть, это потому, что я всегда писал, когда хотел. Я не

верситета — читать курс русского языка славистам. Их немного, но они там есть. Но это для меня была не самоцель, а средство к существованию. В силу обстоятельств моей жизни я оказался бездомным, и нам с моей молодой женой Наташей просто надо было где-то жить. Вот я и нашел приют в тот момент в Сеуле. Тут кое-кто подумал, что я испугался путча, но я собрался ехать еще до него, а улетел из России уже после того, как с ним закончили... В общем, обстоятельства были сугубо личные. Ну, я думаю, тут и судьба тоже есть, в этом моем переезде, как и случай.

— *Твой отец родился в Корее?*

— Нет. Он родился уже в России, на Дальнем Востоке, в двенадцатом году. А дед мой — в девятьсот восьмом, перейдя русскую границу, оказался в эмиграции... И вот столько лет спустя, таким странным образом, случилось возвращение Кима в Корею. Меня там скоро по приезде нашли родственники из нашего фамильного клана. Кимов так много, что все делятся на кланы. И вот мой клан тянется с восьмого века. Имеются родословные книги, где поименно перечислены все мужчины за тысячу лет, и последним

сторонник и не практик постоянной работы, это совсем не мой лозунг — «ни дня без строчки», я просто пишу, когда мне хочется, и столько, сколько мне хочется. Если посмотреть мои черновики, видно, что пресловутые «муки творчества» никак не выражаются на бумаге. Многие страницы романов моих вообще написаны без помарок, практически наобло. Если что-то в моей работе изменилось в последнее время — так это то, что я работаю на компьютере. А в России всегда писал на простой бумаге простым карандашом. Я ведь профессиональный художник, как ты помнишь, и простой карандаш мне как-то ближе. Но и на компьютер перешел без творческих мучений. Сегодня мне так удобнее...

А если говорить о моем преподавании — да, тут есть некоторое новое положение. У меня в эти последние два года для писательства остается не то что мало времени — но просто это не то время, когда бы мне хотелось сесть и писать. Хотя, должен сказать, что свободного времени там у меня довольно много. Я четыре дня в неделю всего преподаю, часа по три, а остальное все — мое. И еще — каникул в университете набегае почти

полгода. В общем, раздолье. Сложностей с литературной работой у меня особых нет.

— **Что за эти два года написало?**

— В прошлом году я опубликовал роман «Поселок кентавров» в «Новом мире» — он написан в Корее; и только что, перед тем, как сюда приехать, я закончил еще один роман. У него даже названия пока нет. Он тоже будет, видимо, печататься в «Новом мире» — мы, во всяком случае, имели об этом разговор с Залыгиным. Есть рассказы — вот, по старой дружбе, я тебе один из них передаю для «Столицы».

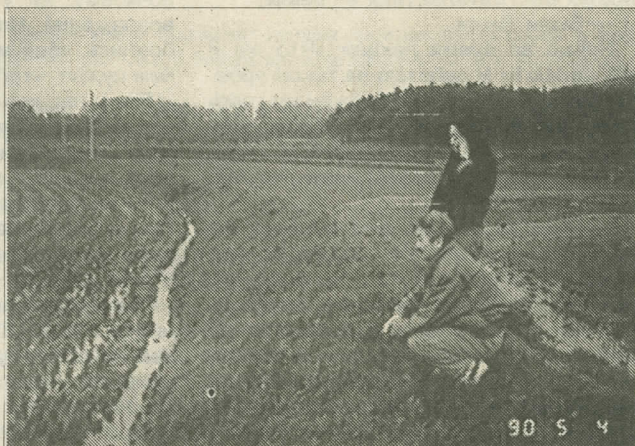
— **Каковы ощущения русского писателя, живущего на чужбине — а печатающегося в России? Вот такая дистанция — наверное, есть у тебя ощущение, что это все в какую-то бездну летит? Или я ошибаюсь?**

— Пожалуй, самое важное и дорогое в конкретной жизни моей — именно ожидание того, что в России выйдут мои тексты. Хотя меня в Корее переводят, как и в других странах мира, и печатаются книги — но существование моих текстов в России, действительно, самая большая радость, без всяких аллегорий...

И конечно, когда я там жду выхода журнала или просто пока пишу, все время беспокоюсь: а вдруг я вообще в России не нужен никому? А еще — когда вот сейчас приехал и узнал, что едва ли не все мои друзья, коллеги не могут ничего издать, пишут без всякой надежды обрести читателя, мне, прямо скажу, стало страшно. Я этого представить себе не могу — как в России не может быть напечатана новая книга хорошего писателя, когда мы все, несмотря на памятную нам с тобой цензуру, все-таки умудрялись в те недавние годы издаваться...

— **Родовая память — она как-то**

На родине предков

проявилась за два года твоей жизни на «исторической родине» или ты продолжаешь себя осознавать писателем русским и человеком русской культуры?

— Когда я здесь жил и работал, довольно многие называли меня «русскоязычным писателем» — так же, как, допустим, Айтматова или Искандера... Я на это обижался, поскольку, знаешь, просто не имел в жизни своей оснований не считать себя русским. По-корейски я был, как говорится, ни бельмеса, я и сейчас могу объясняться лишь на разговорном уровне и лишен возможности оценить качество перевода моих книг на корейский. И все же, довольно часто, слыша из разных уст, что я — «русскоязычный», сомневался: а не правы ли они в чем-то?

И вот о том, что я русский писатель, и только русский писатель, я узнал, живя в Корее. Вот там-то я, Миша, совершенно утвердился в сознании, что никем другим в жизни не могу быть. И от этого мне — ха-ха-ха! — ничуть не худо!

— **Но Корея как тема, как материал**

проявляется в новой твоей прозе?

— Как раз с этой стороны — да. Есть корейские мотивы и в романе, и в серии эссе, написанных недавно. Но ведь я и здесь, когда о том, что увижу свою прародину, и не мечтал, постоянно писал о восточной душе, о моих соплеменниках, хотя и выросших в России, но все ж таки корейцах... Но если глубже разобраться, я через жизнь в Корее, через эту свою временную эмиграцию, вышел, мне кажется, на всемирность, в психологическом или, так скажем, ментальном смысле. То есть у меня в Корее все, что я знаю о России, и все, что я узнал, довольно много поездив по Старому и Новому Свету (а кое-где я известен, пожалуй, не хуже, чем в России), — вдруг все это у меня как-то слилось. Общечеловеческая тема у меня была всегда, а теперь я не побоялся бы назвать мое нынешнее ощущение жизни, мироздания космополитическим... Не мне судить, что дальше будет, и вообще даже страшно об этом подумать, но это все должно как-то выразиться на уровне нового литературного языка — неожиданного для меня самого и, видимо, для будущего читателя.

— **Чувствуешь ли ты отрыв от родины — ведь прежде всего это родня, родственники?**

— Видишь ли, если бы я эмигрировал насовсем... А так — я просто работаю дальше от места постоянного жительства, чем это было раньше. Проработал год, продлили мне контракт. Сейчас — еще на год продлили. Скорее всего, на будущий год я вернусь. Мне этого хватит.

Скучаю, конечно, по детям, по отцу — но это, пожалуй, ничем не отличается от того, что уже в моей жизни бывало.

— **А были такие минуты, когда хотелось плюнуть на контракт — и дать деру обратно? Не хочу с тобой говорить о ностальгии, но минуты потери себя, своей сверхзадачи в**

новых обстоятельствах — были?

— Были. Были...

Прямо во время лекции: «Что же я тут делаю?!» Я работаю на таком уровне языка — и вдруг я должен им говорить, как по-русски надо обращаться к прохожему, к другу, к матери... Почва под ногами не провалилась, но так, слегка, поплыла...

— *В этой связи: для русских на чужбине — и сто лет назад и теперь — существуют два как бы слоя общения. С людьми русскими, живущими там в эмиграции, с теми, кто на время появляется там, и — с тамошними, людьми из коренного населения. Какие там у тебя контакты с нашими?*

— Я все-таки тебе скажу, что за два года, все же очень короткое время, сполна ощутил «русскую тоску». Она — существует. Это вещь не шутейная. Я не знаю, как это выглядело и выглядит в Европе или в Америке, где довольно много русских, но в Корее очень мало русских. Эмиграции как таковой там не было. После войны туда перекочевала какая-то незначительная часть из Харбина. Но это единицы. А сейчас, в основном, русские в Сеуле — это люди такие же, как я: те, кто приехал туда работать. И с ними мы, конечно, встречаемся. Это профессора в Университете, это дипломаты. Наш посол там — человек очень либеральный, культурный. Но вот самое, пожалуй, пронзительное — мы с Наташей нашли в Сеуле Православную церковь. Настоятель там грек, и служит он по-гречески, а чтецы и певчие все корейцы. А поскольку мы более-менее службу понимаем, то все это очень нас греет...

— *Кажется, сейчас я задам последний вопрос. Он смыкается с началом нашей беседы с тобой. У тебя в одном из «Мещёрских рассказов» старуха умирает, и душа ее, как гласит и церковное предание, не сразу отправляется в мир иной, а сначала три, потом еще шесть дней летает подле своего тела, своего дома... Ты не разделяешь точку зрения редколлегии газеты «День» (ты в ней поначалу состоял, а потом твоя фамилия исчезла) — что Россию губит, в гроб вгоняет мировая, прежде всего американская, цивилизация, что Россия должна воспрянуть, встать во весь рост и напугать весь мир, что никакого возрождения России иным путем не произойдет?*

— Я из редколлегии газеты «День» давно добровольно вышел и с тех пор эту газету не читал, так что только догадываться могу, что там они себе думают по этому поводу... В отношении того, что хочется видеть Россию сильной и богатой державой,

по-моему, ни у кого не может быть возражений. Но чтобы ее все кругом боялись, убей меня, не пойму — а зачем нужно, чтобы ее боялись?

Вот у нас любят говорить, что Корея порабощена Америкой, что там всюду идет американизация культуры, образа жизни — нет, там ничего подобного не происходит. И я не боюсь, что Россию, которую я достаточно хорошо знаю, которую люблю и которая есть что-то совсем неотделимое от меня, — погубят американцы или кто-нибудь еще. Я другое вижу — вот сейчас я побывал там у себя в деревне: всем заправляют те же самые люди, никуда они не ушли, преуспевают лучше прежнего. Разогнали совхоз, создали... как это? товарищество с ограниченной ответственностью — а толку-то что? Такая же нищета, техника там поломана вся, продукцию сбывать некуда... Скажи, Миша, чем будет худо — если пустить того же корейца, чтобы построил там ферму, заводик? Тяжело и страшно, глядя на тамошнее, да и на столичное начальство, думать: а что же будет со всеми остальными? На кого им надеяться? Это — беда для России, а не перспектива что-то свое, исконное утратить. Я в такую перспективу и не верю...

Ты знаешь, именно человеческое существование, в отличие от жизни наших братьев — зверей и растений, содержит некую экзистенциальную субстанцию, которая невидима, неосязаема, ее и описать трудно, но она — есть. С тем, что в России было действительно ценного, сильного, красивого, надежного, — ничего не произошло. Я не согласен, что мы Россию потеряли. Она только внешне изуродована, искалечена, а то, что называется «Русской душой», — это все осталось. Надо приглядеться и вспомнить, через что Россия прошла. А она — прошла. Так, значит, преодолел и все, что сегодня ей предстоит.

И я не вижу разницы между корейцами, сохранившими свое, — и нами.

Несмотря ни на что. Несмотря даже на жалкий вид.

Здесь вот моя подруга, уже почтенного, как и я, возраста — Нина Григорьевна, вот только вчера мы с ней в деревне сидели... я ей говорю: «Ну как же ты, Нина, живешь? Ведь что-то надо, наверное, делать» — а у нее все деньги уходят на корм для трех ее овец и поросенка, на себя просто ничего не остается; и я сразу, как это услышал, испугался: «Да как же! Надо тебе помочь, что-нибудь тебе из Кореи прислать, или там деньгами...» И она засмеялась — и говорит: «Толя! Да я, — говорит, — ни-ког-да не умру! Ты об этом даже и не беспокойся».

Вот это для меня, этот мой с Ниной Григорьевной разговор — убедительнее всех самых мрачных для России перспектив: «Никогда не умру». Это мне как будто сама Россия вчера сказала — так вот, со смехом, отмахнувшись! Вот что я сейчас увожу, чем целый год буду дышать: никогда не умру!

Я думаю, что Господь в эти нынешние дни обратил на Россию внимание. Все, что происходит с Россией, не может быть победой дьявола. Эти дни — дни настоящего внимания Господа к России. То, что было в русских всегда и что в них остается, несмотря ни на что, — это то, что любит Господь в людях, за что он каждого из нас и всех нас милует. А то, что было и еще остается ужасного в России, — это не может пребывать вечно. Оно отпадает, медленно, со страшными муками, как бинт, присохший к ране... а тут — сплошная рана. И все-таки — это жизнь.

Прямо отвечая на твой вопрос — я не думаю, что это все конец и смерть.

Нина Григорьевна не умрет.

— *Ну, спасибо тебе. Я желаю вам с Наташей хорошего полета обратно в Сеул, хорошей там работы...*

— И счастливого возвращения домой!

— *И счастливого возвращения.*

Фото Д.Ким

Анатолий КИМ

ИЗВЕСТНО ТЕБЕ ОДНОМУ

Э тот пушистый щенок с толстыми лапами, белоснежный, с серыми очками вокруг глаз, и смердящий пес с незаживающей раной на задней лапе — не знаю, жив ли ты или давно умер, но я вижу тебя во сне, и всегда ты так страшно выглядишь, словно сам уже весь принадлежишь смерти, смеешься ее оскалом, худ безжизненно и мерзостно, как ее костлявое изображение. Однажды я проснулся в слезах и, не в силах остановить рыданий, вырвавшихся из темного сновидения, плакал самыми горькими слезами.

А рядом спала, румяной щекою на подушке, молодая жена-красавица, и ты, мой бедный пес, взирал на нее вместе со мною далеким взглядом отшельника, который смотрит на просыпающуюся деревню, где он никогда не был и куда он никогда, никогда не пойдет.

Отшельник жил на склоне горы у ручья, в хижине под дикой хурмой, деревня была расположена за глубокой горной долиной, сплошь накрытой кудрявой зеленью лесов, где обитали дикие кабаны, бродил Медведь и жил Старый Тигр. Деревенские домики с изогнутыми крышами, видневшиеся сквозь прозрачную пустоту чистого горного воздуха, были желтого и розового цвета, чистенькие и веселые, дым над их трубами поднимался вначале ровными столбами, а затем, в вышине, рассеивался верховым ветром.

В этот утренний час, когда молитвенный отшельник смотрел на нашу деревню, я шел по влажной от росы тропинке вдоль хлебных полей, прогуливая своего белого щенка. За полем, покрытым высокой, еще зеленой пшеницей, в долинной низине темнел мрачный по виду лес, и нам со щенком было страшновато, что оттуда вдруг появится полосатый Тигр и, на скаку могуче выпрыгивая из пшеницы, понесется в нашу сторону, — а у меня, когда я то и дело сворачивал с дорожки в хлеба и, раздвигая мордой пшеничные стебли, шевелил колосистую гущу, сердце так и прыгало от возбуждения и звериных запахов, и я думал, что Медведь, недавно бродивший здесь в ночной тьме, днем ведь ни в коем случае не станет разгуливать на глазах у людей.

Чтобы продолжать жить на свете, а не испустить дух в котях хищника, нужно всего лишь прятаться ночью вблизи человеческого жилья, а днем спокойно гулять по дорожкам вместе с хозяином. Вот он, молодец, намного слабее громадного Тигра, а ведь не боится его! Я отважным взором, далеко вывалив из пасти язык, смотрел на хозяина, а он с любовью смотрел на меня — нам обоим было хорошо и приятно оттого, что мы гуляем вместе и никого не боимся.

Между тем молитва отшельника завершилась, он на время одного вдоха закрыл глаза, и затем открыл их, встрепенувшись, и совсем другим взглядом окинул видневшуюся вдаль, на склоне противоположной горы, просыпающуюся деревню. В ее чертах он уже не видел отчуждения недоступности, выражения упоенности грезой чувственной любви, ревнивого желания сохранить все движения страсти в тайне, за крашеными стенами маленьких домиков. Скоро широко откроются ласковые темные очи деревенских окон, будут пылливо следить за всяким, кто пройдет

по ранней улице, прозвучат первые произнесенные слова, а моя утренняя прогулка с белым щенком закончится, и я вернусь домой...

Добрый друг Орлан вылез из густых хлебов — серое шерстяное лицо все мокрое от росы, взгляд карих глаз пыллив и бодр, хвост завит в тугое кольцо, уши торчат топориками. Ему было два месяца от роду, когда я впервые увидел его, и младенческие уши тогда у него висели мягкими тряпочками. Он бросился ко мне, словно давно ждал нашей встречи, и я в порыве ответной любви пал на колени и радостно обнял его. Ему стало три месяца, и уши у него поднялись, как на пружинках. И когда мы впервые зашли с ним в лес, он поднял голову кверху и облаял белку.

Этот младенец оказался выдающимся охотником, впрочем, как и родители и все предки на четыре колена в прошлом, записанные в его знатной родословной. Он был мал по возрасту, но в отношении меня всегда имел мудрое взрослое терпение — никогда ни в чем не винил своего хозяина. Наказывая, я бил его по водком, а он только весь сжимался, жмурил глаза и вздрагивал, принимая удары, и никогда не огрызался и даже не рычал в мою сторону. Порою, когда ему бывало, наверное, совсем невыносимо, он задирает голову и громко плакал — и никакой при этом не было у него злости или обиды на меня — одна лишь жалоба.

В то утро он вылезал из пшеницы, раздвигая мокрыми щеками синие васильки, а потом бежал по ярко освещенной солнцем зеленой поляне, весь сияюще белый, как клочок облака, упавший на траву и поскакавший по ней белоснежным комом. Я знал всегда, с самого начала, что Орлан был послан ко мне, чтобы я его любил. Это был зверь, конечно, — по паспорту западно-сибирская лайка, но по своим душевным свойствам пес оказался намного благороднее меня. Я не знаю ни одного человека, куда же отношу и себя, кто мог бы так любить, как любил Орлан. Ради этой любви он ничего для себя не захотел. Он прожил свою жизнь холостяком, весь в преданном ожидании какой-нибудь команды или ласки от меня, и так было до последних наших совместных дней.

Он стал мужественным и сильным псом, этот белый щенок, гуляющий по зеленой траве. Я не знаю, когда он умер, но он должен давно умереть — не может быть, чтобы он еще не умер. А в моей памяти, — то есть где-то, неизвестно где, скачет по лугу белый пес с мощной мускулистой грудью, выбрасывая перед собою прямые, ровно составленные лапы. И когда уже нигде не станет моей памяти, белая остроухая лайка с закрученным в кольцо хвостом добежит до леса и, оглянувшись на мгновение, нырнет в еловую зеленую темноту.

Отшельник, живущий по другую сторону лесистой впадины напротив деревни, часто видел меня и моего хозяина во время наших долгих прогулок по горным дебрям, когда наш путь выходил к его уединенной хижине под двумя деревьями дикой хурмы, у журчащего ручья. Мой хозяин однажды подошел к сидевшему у порога отшельнику и заговорил с ним о чем-то, но человек с длинными волосами, с бородою до колен ничего не ответил и продолжал сидеть, прикрыв глаза, сложив перед собою руки ладонь к ладони. И тогда мой хозяин с вежливым поклоном, которого не мог видеть бородатый старец, попятился и отошел в сторону.

С тех пор я больше не пытался завязать разговор с отшельником, устыдясь своего поведения, разумеется, вызванного самонадеянностью ученого и знатного человека, которому кажется, что он в силу своего высокого ума и образования достоин внимания любого человека на свете, будь то президент или сам король. А мне, его верному псу, на которого он порою вовсе не обращал внимания, хотя я и крутился у него под ногами или полеживал на брюхе в двух шагах перед ним, внимательно глядя ему в лицо, — мне было понятно в тот раз, что хозяин раздосадован и пристыжен, что в нем зреет гнев задетой гордыни.

Что ж, с того дня марширует ежедневных прогулок господина с собакой несколько изменился, он стал обходить мою хижину справа по заглохшей тропинке, над обрывистым краем оврага, и я слышал иногда шум срывававшихся из-под его ног земляных комьев, а в другой раз его белый пес подбегал к моему порогу, с шумом проломаясь сквозь кусты, — я заглядывал в темную глущину жилища, где мерцали яркие глаза отшельника, спокойно

рассматривавшего меня, и ничем не пахло тело невидимого существа, которому принадлежали эти светящиеся глаза.

Я так и не сделал больше попыток вступить в беседу с отшельником, но всегда во время своих ежедневных лесных прогулок, шагая по мшистым тропам, я ощущал его непонятный пристальный взгляд на себе, взгляд из темно-зеленой полутьмы лесной сени — хотя и не появлялся больше гордый господин из деревни передо мною, но каждый раз, когда он шел мимо моего дома, я отчетливо представлял его задумчивое лицо, тяжеловатую и вместе с тем мягкую упругую поступь, сумрачные и печальные глаза. Для чего он забрался в такую лесную глушь, покинув веселые города, кому предназначалась горько-презрительная улыбка, возникавшая порой на его лице, — я задавался этими вопросами, обратившись внутренним взором к путнику, — но я также в это самое мгновение думал о загадочной жизни отшельника, поселившегося у маленького источника в глухом углу леса, вдали от деревни.

Ведь вполне может быть, что причины, вызвавшие уход в лес, к лесному житью, были у нас одни и те же, так же, как и одним и тем же источником гулких, отрывистых набатных звуков, разносящихся по всему лесу и слышимых сейчас нами обоими, является горячая рьяная глотка охотничьей собаки. Звуки ее звонкого голоса и вторящие им барабаны эха были тем средоточием, к которому устремлялось наше внимание, и мы, все дальше расходясь по лесному пространству, в каждом отрывистом громе собачьего лая вновь сходились вместе — все трое, столь различные в духе и по телесному воплощению. Орлан лаял на белку, отшельник, стоявший у порога своей хижины, и путник, идущий по лесной дороге, вслушивались в этот повторяемый лесным эхом дуплетный лай — у всех троих учащенно бились живые сердца, и смерть каждого из нас казалась еще далекой.

Его хозяин пока не знает, что пес уже умер и смерть постигла его легкой, но это после нескольких мучительных лет собачьей старости, — больного, с незаживающей раной на лапе, я своего верного Орлана оставил в доме жены, от которой ушел, и не сделал того, что должен был сделать для него: отвезти в ветеринарную лечебницу, где бы могли его навечно усыпить, даровав ему действительно легкую смерть. Как полагали мой хозяин и лесной отшельник, существует смерть легкая и, значит, не легкая, но то невозможно никак определить, и это совершенно никому из живых существ не понятно. Мы все, провидцы и ясновидящие чужой смерти, ничего о ней не знаем. Впрочем, как и о своей собственной.

Душе хозяина белого пса довлела воля к жизни, белый же Орлан с серыми ушами, наоборот, тяготел к смерти — и отшельнику мгновенно это стало ясно, когда он впервые увидел их вместе, лесного путника и его собаку. В самом же отшельнике тяга к смерти и любовь к жизни смешались, слились в едином стихийном потоке, который и вынес человека в тихую, неподвижную заводь бытия, в единственный лесной скит. И сквозь крону дикой хурмы видно было лишь пятнышко неба, где по ночам появлялось несколько огненных крошек безымянных звезд. Что им было известно, этим мигающим звездам, о нашей любви к жизни и о неистовой тяге к смерти?

Отшельник молился Богу, о Котором он ничего не ведал. Белый пес на зеленой траве вдруг замирал, высоко подняв голову и уставив влажный нос по ветру. Не обремененный никакой ношею человек возвращался с утренней прогулки в деревню, где в уютном бревенчатом домике ждала его молодая жена. Ветер с опушки леса принес смрад медвежьего дыхания, зверь жрал убоину, зарытую им на несколько дней в землю, чтобы мясо как следует протухло — так любил Медведь. Орлан прижал свои острые уши и посмотрел на хозяина: тот не чуял, как близка смерть, всегда близка. Господин сейчас думал о том, что единственным противовесом смерти, ее всевластию и силе, является влажная, теплая текучая любовь мужских и женских начал.

Отшельнику давно уже не представлялось в картинах воображения женское тело, и то, к чему устремлялся напряженный внутренний взор отшельника, тонуло в мутно-багровом сиянии неопознанного мира. Но с нетерпением вождедеющий гладкого, ароматного естества молодой подруги мужчина и с тихим повиз-

гиванием отзывающийся на запах звериной смерти пес — мы оба в этот миг отзываемся на молитвенное воодушевление лесного старца. Он произнес, наконец, самые верные слова, исшедшие внезапно не из его замкнутых уст, но выпорхнувшие из самого отдаленного и, возможно, бессмертного края его души. Мы живы, и не знаем, зачем, Тебе Одному известно об этом, но где же Ты? И вдруг всех нас заставляет вздрогнуть внезапный яростный рев, вопль из невероятно мощной звериной глотки.

Это Старый Тигр вышел из бурелома на запах падали и внезапно напал на кормящегося Медведя. Тот ответил громовым голосом, не уступая рыком тигрину, и в ослеплении лютой ярости вступил в необдуманный тяжелый бой с Тигром. Отшельник воспринял рев лесных чудищ как громогласный ответ на свой вопрос и вздрогнул от испуга: ему показалось, что Тот, к Кому был обращен вопрос, рассердился на него. Путник на дороге остановился и обернулся, и в этот миг Орлан рванул с места и с хриплым лаем помчался назад к лесу. Напрасно хозяин свистел ему и громкими командами призывал к себе: сибирская лайка, бесстрашно идущая на крупного хищника, способна делать это потому, что не только не боится смерти, а всем своим существом устремляется к ней. Ни хозяин Орлана, ни тем более лесной отшельник, видевший невероятный исход звериного боя на поляне, невдалеке от своей хижины, — мы не знали об этой особенности души охотничьего пса.

Громopodobный звериный рев, раздавшийся совсем рядом, сильно напугал отшельника, и он проворно полез на раскидистую хурму и взобрался к самой ее вершине. Оттуда он увидел, словно на арене цирка, беспримерной жестокой бой хищников. Одиноким Старый Тигр был издавна полновластным и единственным владельцем обширной горной долины, покрытой могучим, почти непроходимым лесом, и все кабаны, олени и отбившиеся от деревенского стада коровы были его исконным кормом.

Огромный бурый Медведь появился в долине недавно, пробрался через перевал ранней весной, вызнал через тигриные пометки на деревьях, кто хозяин здешних мест, и принялся осторожно воровать у него, тщательно избегая всякой встречи с могучим Тигром. Медведь полагал: авось не пересекутся их пути, еды же здесь предостаточно для двоих, не надо только близко подходить друг к другу. Но подобные соображения Медведя сразу же были угаданы хозяином здешних мест — по следам всегда избегавшего встречи, но куда не уходившего из долины пришельца, и ярость Тигра, жаждавшего расправы с Медведем, была беспредельной. Он начал выслеживать разбойника, но пока что повсюду натякался лишь на задранную лань, торопливо выведенную с брюха, пару мелких косуль, голову маленького подсвинка и блестящие, острые его копытца на земле, под кустом орешника...

Медведя подвело его сластолюбие, он решил закопать добытую косулю, чтобы она как следует протухла, и когда время подошло и Медведь раскопал свой смрадный склад, Старый Тигр учуял это издали, тихо приблизился по темному бурелому, увидел наконец своего врага и возразился: подкрадусь и обрушусь на него из засады, надо только подождать, когда он нажрется и отяжелеет. Распластавшись на земле, положив подбородок на вытянутые передние лапы, Тигр внимательно, почти любовно смотрел на чавкающего Медведя. И сколь же страшной силы и свирепого торжества было вложено в первый натиск разгневанного царя леса! Бурый Медведь услышал рев Тигра, влопыхах еще не увидев его, от страха вмиг покрылся потом, брюхо его болезненно сократилось и выбросило из себя позорную струю жидкого помета...

Полосатое и темно-бурое — на глазах у отшельника, сидящего на дикой хурме, тела зверей сомкнулись в смертельном объятии и покатались по земле единым клубком оглушительно-громкого рева. Не мог заметить оробевший отшельник отдельных стремительных движений и действий бойцов — он видел лишь общее кипение боя, в котором огненно-полосатое пламя тигриного меха и бурый дым медвежьей шкуры клубились и взметывались один над другим — вытекали одно из другого, как лава и пепел из жерла вулкана. И это извержение, взрыв от столкновения внутренних сил видимого мира больше чем что-либо убеждало отшельника в том, что все-таки существует нечто, которое прои-

стекает из ничего и потому становится ничем. Перед ним произошло на лесной поляне столкновение диких сил, которым не надо сталкиваться по всем законам мироздания — не сталкиваются же звезды в небе, а вращаются друг возле друга по вечным орбитам...

Тигр и Медведь, тесно объявшие друг друга, стали единым зверем, одним общим люто-могучим Зверем, одной Судьбой, которую изменить или не принять никто из них был не волен. И никто из нас, живых душ, несущих в сердце свою Мечту, которая принадлежит, возможно, не нам, а Неведомому Мечтателю, — никто не знает первопричины таинственных чувств, по которым Он составляет гороскоп для каждого из нас.

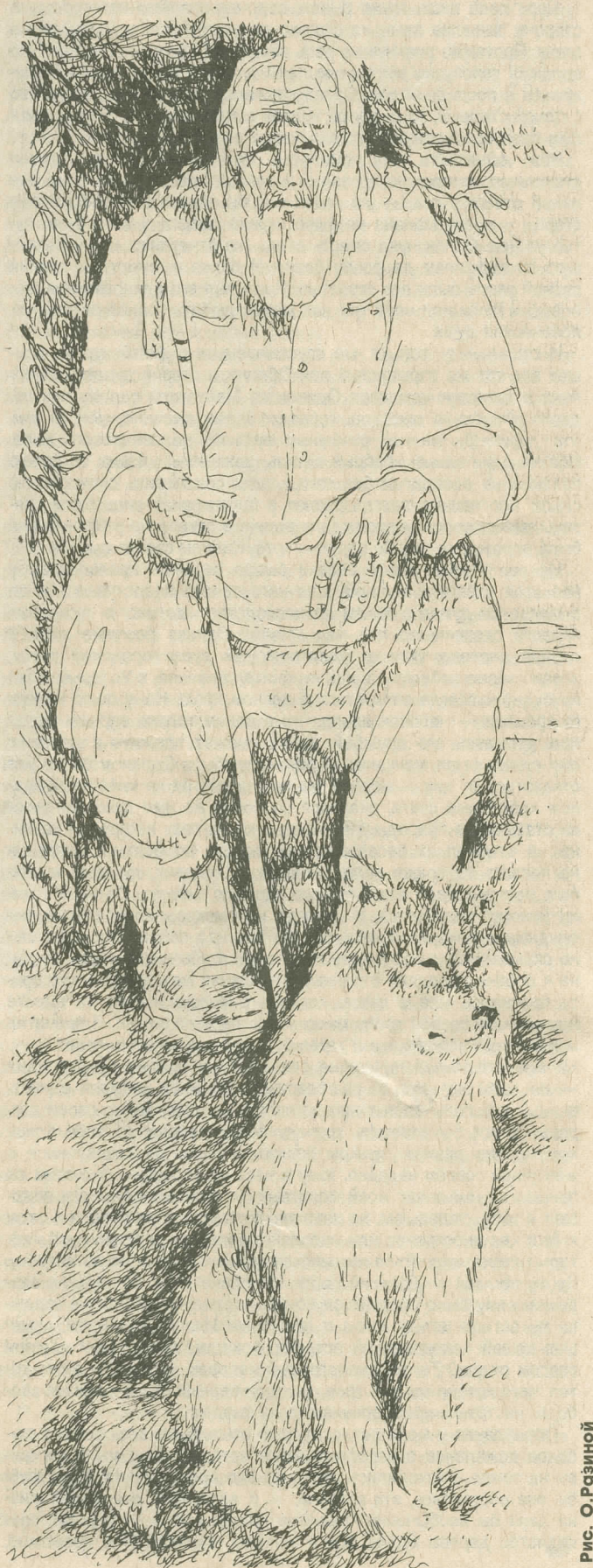
Старый Тигр нес бремя своего могущества и царскую безраздельность с величавой покорностью. Он убивал всякую тварь ради своего пропитания и делал это легко и невинно. В его полосатую, искрящуюся чистым мехом шкуру был заключен тот миг особенного вдохновения Мечтателя, когда Он вдруг возжелал создать существо, способное жить на свете, ничего не боясь. И обычная печаль существования, которая свойственна всякому полету по времени всякой живой твари, у Тигра была печалью безраздельного всемогущества. К старости ощущение своего одинокого могущества стало особенно угнетать Тигра, и все чаще охватывало его необоримое желание остановиться, закончить этот утомительный длинный путь благополучного царственного существования.

Медведь был молод, его дух замыслился Мечтателем как нечто жадно жизнерадостное, усердно ищущее удовольствий и непременно их находящее: в еде, плотской и растительной, в дружной семейной жизни, в сладкой зимней спячке месяцами, под собственный могучий храп и причмокивание, с которым он обсасывал мокрую от слюны лапу. Молодому Медведю была дана полная боевая оснастка: острые загнутые когти, огромные клыки, — чтобы он мог защитить и сохранить на целый век свою жизнерадостность.

Итак, царь леса и странствующий рыцарь еды не сумели разойтись по своим круговым движениям друг возле друга. И Тигр подмял под себя врага и, во всю ширь раскрыв кроваво-розовую пасть, с размаху ударил по клякмам Медведя — и зловецкий косяной клеток донесся до слуха отшельника. Он вздрогнул от испуга, вызванного столь громким звуком, и мгновенно познал всю беспощадную силу пасти, созданной для убийства живых тварей. Значит, подумал он, подобная сила, дробящая кости и мгновенно рвущая трепетные мышцы, изначально рассчитана и вложена в хищника, как и моя жажда жить распалена во мне для того, чтобы искать Его — и потом умереть.

Белый комочек, совсем маленький, рядом с громадным содрогавшимся холмом борющихся чудищ, закружил возле него: лайка выскочила из кустов и, вздыбив шерсть на загривке, стала прыгать, отскакивать и вновь соваться оскаленной мордой прямо в ревуший клубок звериного побоища. Ах, как смерть манит тебя, мой Орлан, — ключья шерсти и плоти летят, кровь брызжет на траву! Как убедительно грозна смерть! Орлан, мой Орлан, я не раз видел тебя, упоенно играющего со смертью, твоя отвага бушевала в тебе, как бурлит вал горной реки, устремленной по скалистому руслу вниз. Тебя видел и удивленный отшельник, сидя на дикой хурме, и твое появление в битве Тигра с Медведем ошеломило его не меньше, чем сам беспримерный звериный бой.

Даже тогда, когда бой внезапно закончился и Тигр припал к земле окровавленным брюхом, безобразно развороченным когтями задних лап Медведя, а Медведь с зияющей раной на плече отскочил от врага и, пригнув голову к земле, торопливо поплелся к лесу, белая лайка продолжала преследовать убежавшего зверя, насакивала сзади и кусала его лохматую ляжку. Медведь со стоном оборачивался и отмахивался от собаки, но у него уже не было сил и проворства настигнуть и задавить ее. Так и убежал он, обиженно рвякая, под конец уже и не задерживаясь, а лишь отлягиваясь на ходу. Орлан проводил Медведя до самого леса, и когда зверь облегченно нырнул под густые лапы ели, пес резко обернулся и все с тем же грозным видом, вздыбив лохматый загривок, с хриплым лаем понесся назад, к лежавшему на земле Тигру.

Царь леса лишь глухо рычал, ворочая голову из стороны в сторону, вывалив язык из широко раскрытой пасти, полузакрыв глаза. Протяжно рывкнув на весь лес: та-ун! та-ун! — Старый Тигр положил голову на вытянутые лапы и, часто дыша, начал погружаться в последний сон. Орлан кружился возле него, забегал то с одной стороны, то с другой и, стоя в трех шагах от Тигра, хриплым лаем сопровождал его величавый смертный исход.

Чем объяснить эту смелость охотничьей лайки, думал отшельник, осторожно слезая с дерева, в чем причина столь великой отваги у пса, — на это я мог бы ответить седебородому старцу: у моего Орлана не было страха смерти, у него было чутье на нее. Орлан чуял смерть столь же отчетливо, что и бегающую по вершинам деревьев белку. И белка, и смерть, и всякий лесной зверь были его страстью. Я же был его единственной любовью, и любил он меня так, как может любить только редкая человеческая душа.

И отшельнику, только что спустившемуся с дикой хурмы, слышен все тот же отрывистый лай Орлана, и старик думает: наверняка в таинственном даре Одинокого Мечтателя белому псу содержится что-то высокое, гораздо более высокое, чем в том, что дарил Он многим отважным витязям человеческого мира. Ибо ни один самый храбрый витязь, даже юный Давид со своею пращю, не обходился без того, чтобы соизмерить свои силы с силою противника: всегда расчет и богатырская сила были связаны между собою и порождали великую отвагу. Но у Орлана она была порождена только одним — отсутствием страха смерти.

Не раз хозяин белой собаки бывал поражен проявлением у нее этой отваги и величия, для него самого недоступного, и он в смущении думал о явном превосходстве еще многих душевных качеств охотничьего пса над своими. Приняв решение жить в лесной деревне, уйти от умертвляющей душу городской суеты, хозяин завел себе друга, как он считал вначале, с которым можно будет навсегда затеряться в лесном краю. Но прошло немного времени — человек понял, что с одним только верным Орланом, утешаясь его дружбой, он не сможет прожить в деревне: ему нужны были женщины. И ради дружбы с Орланом он не мог отказаться от них — верный же пес, несмотря на свои незаурядные кобелиные стати, оказался способен во имя духовной любви стать выше природы. Пес из-за суки ни разу не предал хозяйна, не изменил их бессловесному уговору не бояться смерти и не ползть на брюхе перед жизнью. А человек, лукавый и слабый, молча предал пса в первую удобную минуту... Об этом хозяин никому, разумеется, и никогда не высказывался, считая постыдным признание превосходства пса над собою. Это тщательно скрываемое им от людей прозрение и обычная любовь хозяйна к собаке породили странные отношения между ними, что сразу бросилось мне в глаза, когда я впервые увидел их вместе идущими по лесной тропе мимо моего лесного жилища. Я прочитал мысли этого человека, и я узрел будущее его преступление.

Но мне отшельник ничего не сказал, ни о чем не предупредил — он даже не захотел разговаривать со мной, когда я единственный раз попытался с ним заговорить, — на что, со своей стороны, я мог бы ответить хозяину белой собаки: от тебя слишком крепко разило душком женского лона, ты совокупился с женщиной совсем недавно, тому и часа не прошло — и с этим ты пришел ко мне в час моей молитвы? Но я ведь первый раз подошел к тебе, отшельник, не зная твоих правил и законов, и в этом я был как иностранец или инопланетянин, как дальний гость, который смеет надеяться на снисхождение и приветливую встречу. Пусть так, так — Дальний Гость, Инопланетянин, но ведь не запрещено ему было обратиться ко мне в следующий раз: не гордыня ли встала между мною и любезным Инопланетянином, помешав нашей человеческой встрече, пока мы были живы и жили совсем рядом? Ты же знал, гордый человек, — ты сам этого хотел, чего хотели мы все трое, ты, твой верный пес и я также: свободы, чистоты и преодоления страха смерти.

Оправдания у меня нет, о мудрый отшельник, есть только глубокое сожаление о несостоявшейся встрече, пока мы были живы на земле и находились столь близко друг от друга. Ведь если бы она состоялась, эта встреча, — о, как знать, дни нашей жизни дали бы необычайно красивые плоды: время — оно как раскидистое дерево хурмы, все в золотых шариках. И я, возможно,

сумел бы из свободного выбора путей, предоставленного мне Судьбой, выбрать путь без преступления, — а мне, ищущему ответ на то, откуда брошена и летит, летит в мир птица Любви, чье гнездилище — сердце, всегда лишь сердце, мне был бы дан ответ. Но нет на дереве золотых шариков, а висят на ветках невозможно терпкие мутно-зеленые яблоки: нет никакого дерева, а стоит над головою пустыня неба... и в ней не видно наших следов.

С щенячьего возраста я приучил Орлана не таскать еду со стола, из дома, и он всегда оставался верным этой выучке, — это пока я бывал на глазах у хозяина, в его доме, а на чужих дворах из свинных корыт и собачьих плошек я выедал все дочиста, — ну и, наконец, он однажды смело заскочил в мою хижину под хурмою, схватил с полки краюху хлеба, которую накануне принесла мне одна крестьянка, и, стоя у порога, тут же слопал его прямо на моих глазах.

Я в то время творил молитву, сидя под деревом, и поэтому не мог помешать псу, только проводил его взглядом, — а мне же об этом было прекрасно известно, я хорошо изучил повадки лесного жителя: если уж он сел и сложил руки вместе, ладонью к ладони, то с места не скоро сдвинется, — мой Орлан подошел и осторожно, долго обнюхивал молящегося отшельника, изучающе смотрел на него — было это в тот первый и последний раз, когда я подошел к хижине под хурмой.

Он был беспредельно предан мне, никогда не сбегал от меня, подобно другим лайкам (это ведь известные гуляки), и лишь однажды ушел с местным столяром в соседнюю деревню и там заночевал в его доме — случилось же такое потому, что я слышал, как мой хозяин сговаривался со столяром оставить меня у него, когда сам уедет в город, и я обиделся на хозяина и самовольно пошел со столяром, — я заметил необыкновенный, не собачий ум у этой белой лайки, она понимала слова, и я читал ее мысли в то время, когда она пробежала мимо по дороге, сопровождая своего хозяина.

Так однажды мне стало известно, что у хозяина лайки появилась жена: эта новая сука в доме хозяина любит долго спать и дает мне жрать одни помои, — пес бежал по дороге, уныло развесив уши, которые обычно торчали у него вверх, — моя молодая жена не любила собак и, приехав ко мне в деревню, первым делом выставила Орлана из дома, где он привык спать под моей кроватью. Ей не нравится, что от меня шерсть повсюду клочьями и конец красный вылезает, когда я дрыхну, как обычно, на спине, вольготно раскинув лапы в стороны.

С этого времени и началась плохая жизнь у бедного песика: жена не пускала его в дом, гнала метлой из комнаты, из-под кровати, куда Орлан ухитрялся как-нибудь пробраться тайком, и на мою попытку заступиться за него возмущенно ответила: да он же, негодяй, следит за тем, как мы с тобой занимаемся любовью, не хочу иметь таких свидетелей, — подумать только, оказывается, я следил за тем, как они возятся, мешая мне спать, следил за тем, видите ли, как она вертится под хозяином, верещит, как кошка, а он прыгает на ней голым задом кверху.

Говорящий, мыслящий пес настолько занял мое внимание, что я уже стал настраиваться на него в любое время и на любом расстоянии, — мой Орлан во сне часто бредил, брнчал губами и нечленораздельно что-то вскрикивал, всхлипывал и стонал, затем внезапно вскакивал и, подбежав к окну, выглядывал в ночную темень и тихо, грозно рычал, — я делал так потому, что часто мне ясно виделось, как сидит лесной житель на пороге своего домика, смотрит в небо и что-то шепчет про себя, а вокруг дома бесшумно бродит громадная темная глыба — Старый Тигр, которому хочется съесть человека.

С тех пор, как хозяин привез себе из города жену, белый пес и стал прибегать ко мне, нашел себе излюбленное местечко под стеною хижины и полеживал там, глубоко задумываясь о чем-то; или спал, вольготно раскинувшись, брюхом кверху. Утренние прогулки мои в лес с приездом жены вскоре прекратились, все труднее мне было, проснувшись рано, как и всегда, оторваться от нее и оставлять в постели это теплое, жаркое, горячее тело, насквозь пропахшее вчерашним еще солнцем. И теперь по утрам я слышал, валяясь под дырявым крыльцом, где я теперь ночевал, как отчаянно скрипит-жалуется старая деревянная кровать в доме. Приходя ко мне рано, в те часы, когда раньше хозяин

обычно гулял с ним, белый пес первым делом подбегал к ручью и пил, звучно лакая воду языком, только потом приближался ко мне и, усевшись на траву, долго наблюдал за тем, как я молюсь, — и мне казалось, что он пытается понять, чем это я занимаюсь.

Но мне было особенно интересно наблюдать за тем, как над его сложенными вместе ладонями вспыхивает сияние, лучи которого устремляются вверх, к небу. И там, над самыми высокими облаками, вспыхивало ответное сияние, из которого постепенно выявлялся огромный Небесный Человек. В первый раз, увидев это, я громко залаял, подняв голову вверх и бегая по поляне, мне хотелось прогнать великана или привлечь его внимание к себе. Он заметил меня и, улыбнувшись, медленно покачал головою из стороны в сторону — я понял, что это означало: не шуми, успокойся. Иногда не один великан, а сразу несколько их возникало в небе и, раздвигая перед собою облака, они пробирались к какому-нибудь свободному месту в небе, и там, словно путники на лесной поляне, усаживались исполнить на голубой траве, а иные и прилегали, устраиваясь на боку, подложив под руку пролетающее мимо облако. Я не знаю, о чем они беседовали с хозяином лесной избушки, но беседы эти были неспешные, обстоятельные и долгие. Мне становилось невмоготу так пристально смотреть в яркое небо, и я уходил подремать на свое любимое местечко, а когда просыпался и открывал глаза, в небе уже никого не бывало, кроме кудрявых облаков, а на земле хозяин лесного домика рубил хворост топориком. Обычно два дела занимали все его время: это потирание ладонью о ладонь, с закрытыми глазами, сидя под деревом, и рубка хвороста на зиму. Он топил свой очаг иногда и летними ночами, особенно холодными и сырыми, но никогда не готовил себе пищи. Он ел один только хлеб, который приносили ему крестьяне, когда хотели, и пил родниковую воду — жил совсем как собака, нет, хуже собаки, потому что я хоть и зависел от хозяйского корма, как этот лесной отшельник от крестьянского, но я время от времени мог поймать зайчонка или схватить молодого рябчика в траве.

Однажды sereneкий зайчонок, с мою руку величиною, приковылял к самому порогу, и, к его несчастью, в это время здесь находилась белая собака. Она прыгнула, опередив меня, и сколько же алчной радости от неожиданной добычи выражали его горящие глаза, пока он пожирал ее. Это был глупый голодный пес, жадный и низменный, но я смотрел на него со все возрастающим вниманием, я сосредоточил всю силу внутреннего зора, я задержал дыхание — и постепенно стало проступать сквозь обличье собаки то существо, о котором я предполагал и раньше, наблюдая за этим псом.

Оно не было человеком, ничего звериного также не было в нем. Трудно было хоть с чем-нибудь на земле сравнить это: по движению своему грациозное, как струящийся шелк, молочно-белого цвета матовое тело, постоянно видоизменяющееся и издающее негромкий стрекот, словно бы кишачье стаей звонких цикад. Изю всех образов земного мира могло быть сравнено с ним лишь с живым, одушевленным облаком чистого пара, которое сорвалось ранним утром с вершин прибрежных кустов вблизи круглого озера, спящего в червонной полумгле рассвета. Это одушевленное облачко могло само, без помощи ветра, по своей лишь прихоти подняться над чуть позлащенной водой и полететь — сначала ввысь, отвесно подняться над сонными черными лесами, затем, пригнув к потоку восходящих из-за горизонта лучей, скользнуть наискось в дальний угол неба. Там в бледно-зеленом оконце приостановиться на мгновение — и вдруг наполниться неимоверным блеском, словно стусок солнечного света. Невообразимо легкое и счастливое чувство полной свободы излучается от блестящего облачка, и это живое чувство льется сверху на землю, на всех тварей, имеющих душу. И мне станет ясно, что за пределами всякой кровавой и влажной звериной жизни, равным образом и за алчностью голодной собаки, глотающей живьем зайчонка, — связанное со всем этим и расположенное на другом конце бытия, явится родина всех живых и мертвых — сверкающая ярче небесных звезд всеобщая наша Пражизнь.

Итак, когда-то Орланом меня назвал ты, — да, я назвал тебя Орланом, и это неплохая кличка для собаки, звучное и раскатистое имя, — но это последнее мое имя, земное, случайное,

такое же случайное, как и у тебя, и у отшельника, и у Старого Тигра. Я умер, ты должен когда-нибудь узнать об этом, я умер, как умрешь и ты, и отшельник, и Старый Тигр, шкуру которого ты снял, выделал и постелил на полу в своей комнате. Нелегко это было сделать, тигриная шкура была тяжела, но зато каким роскошным оказался подарок для моей жены, и это ведь ты, Орлан, преподнес ей такой дар, ты победил лесного царя, у тебя был грозный вид победителя, когда я подошел к мертвому зверю, ты ревел и кидался на меня, не хотел даже хозяина подпускать к убитому Тигру, — потому что я был не в себе, потому что меня охватило отчаяние и постигло страшное разочарование, отчего в моем лихом лае и рычании порою проскакивал щенячий визг: я хотел смерти в бою, я рвался к ней, уже хватал ее зубами за лямчатую ляжку, я домогался ее объятий и ласки, как ты у своей молодой жены, — но Медведь сбежал, а Тигр сдох, и ты оказался победителем, мой храбрый Орлан.

Зачем, зачем? Затем ли, чтобы ты увез меня из деревни в этот проклятый город, где промучился я столько тоскливых лет? Хозяйка отвела мне место в узком проходе между кухней и прихожей, на тоненьком коврикe, и все ходила, перешагивая через меня, когда я спал целыми днями, лежа кверху пузом в коридорчике. Когда в доме народились и подросли дети, они стали щипать меня за уши и таскать за хвост, и я покорно улыбался, валяясь у их ног.

Под старость напухли и чудовищно увеличались мои яйца, провисли почти до земли, мотались меж ног и мешали мне бегать. Должно быть, оттого, что я никогда не знался с суками, ни разу не слипался с ними, не то что мой хозяин. Уж он-то их ворошил немало, и сколько же их было, разных сучонок, и в деревне, и в городе, и со всеми ними он проделывал всегда одно и то же! Я насмотрелся на эти его безобразия — и, может быть, поэтому решительно не захотел жениться, когда хозяин взялся устроить мне свадьбу. Ко мне привели такую даму, — палеваая сука моей породы, западно-сибирская лаечка, и все эти мои свадебные устройства думали, что я взвою от радости — а я с удовольствием так ее оттаскал, схватив за ухо, когда нас оставили одних в вольере! Еле вытащили ее от меня живую — ну и ругал же меня хозяин этой палевой сучки, кличка которой была, надо же, — Вахта!

Нет, никогда я не хотел жениться. Даже на собачьих этих свадьбах в деревне я любил проделывать всегда одну и ту же штучку: врвался в самую гущу воюющей толпы, разбрасывал во все стороны женихов, добирался, наконец, до мокрой сучки и устраивал ей хорошую трепку. А после всего я стоял на месте, один, и смотрел вслед убегающим шавкам, которые тявкали на бегу и ругали меня, и громче всех костерил меня, конечно, сучонка-невеста!

И вот на ноге появилась розовая круглая язва, которая никак не заживала, сколько бы я ни зализывал ее. Яйца мои безобразно распухли и отвисли до земли. Пришла моя собачья старость. Жена хозяина сказала, что меня надо отвезти в собачью больницу и усыпить. Он вроде бы согласился. Мне было все равно. Но хозяин, любимый мой хозяин, ставший лысым и беззубым, вместо собачьей лечебницы для меня взял да и сбежал из дома к какой-то новой невесте! О, как ему не надоело делать все то же самое, все то же самое!

Жизнь и мучения мои продолжались — хриплое дыхание и стоны также. Я уже плохо понимал, что со мною они делают, эти люди, и лишь терпеливо ждал, когда все это закончится. И вот наконец меня кто-то снова вывез в деревню. Я плелся, спотыкаясь, по дороге — и полуслеплыми своими глазами увидел впереди человека. Он стоял, как столб, и пристально смотрел на меня. И вдруг я узнал его — это был отшельник из леса. Как он здесь оказался? Наверное, пришел за мною. Я хотел подойти к нему, как вдруг позади него показался едущий навстречу мне грузовик. Машина круто объехала этого человека и наскочила прямо на меня.

Я лежу на траве обочины. Никого нет рядом. Никого.

Хозяин, умирать вовсе не легко. Ты, бедняга, никогда больше меня не увидишь — так и не узнаешь, кто же это был, посланный к тебе в образе собаки белый Орлан.

♥ ЛАВ СТОРИ ♥

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ (РОМАН)

1. Однажды амеба малютка Хиль (Му) влюбилась в моллюска Адриана, так бывает, и стала ему звонить, причем на «Але» не откликалась, а только дышала в трубку.

В результате моллюск Адриан перестал вообще подходить к телефону, боялся.

2. Тогда малютка Хиль (Му) послала Адриану телеграмму, где вместо слов были только точки (тчк, тчк, тчк), а также без обратного адреса и подписи.

Такова сила любви.

3. Разумеется, моллюск Адриан еще больше замкнулся в себе и даже не открыл якобы почтальону с телеграммой, а на самом деле это была сама Хиль, то есть Му, которая затем в нетерпении стала бить ногой в дверь.

4. Не добившись приема телеграммы, малышка амеба Хиль Му сбегала за гвоздодером и стала буквально ломиться в дверь, так что образовалась щель между створками Адриана и туда внесло здоровенную песчинку, выкатить которую

Адриан не успел, так как захлопнул створку.

5. Но тут прибыл мл. лейтенант милиционер медведь Володя, который сделал замечание Хиль Му и отобрал у нее гвоздодер как вещдок, и Хиль поневоле удалилась, раздумывая о том, а не поджечь ли милицию.

6. Что же касается Адриана, то случайная песчинка, попавшая к нему в раковину, причиняла чувствительному моллюску большие мучения, но выкидывать ее он не решался, боялся открыть дверь (см. п. 1—3) и жил старыми запасами, прислушиваясь к звукам со стороны.

7. И, как это бывает с моллюсками, он от раздражительности и постоянного присутствия песчинки нажил так называемую каменную болезнь, ничего хорошего, камень был затем удален фельдшером кондором Акопом при помощи штопора, тайно, в ночных условиях.

8. Но на этом история не

кончилась, так как мл. лейтенант медведь Володя, придя на шум, изъял этот камешек и присовокупил к выставке вещественных доказательств, где уже висел гвоздодер, (см. п. 5), поскольку собирал компромат на несовершеннолетнего подростка Хиль (кличка Му), которая во главе шайки одноклеточных и простейших активно прогуливала школу.

9. А вот кукушка Калерия, посетив милицию с очередным заявлением о розыске ребенка (пропажа яйца), случайно прошла по выставке вещественных доказательств и затем выступила по радио с кукованием, в котором прямым текстом заявляла, что моллюск Адриан забеременел и родил от несовершеннолетней указницы Х.М. плод любви, и этот плод любви отнят у родителей и воспитывается в невыносимых условиях: милиция, полка в шкафу.

10. В той же речи кукушка Калерия заявила, что гото-

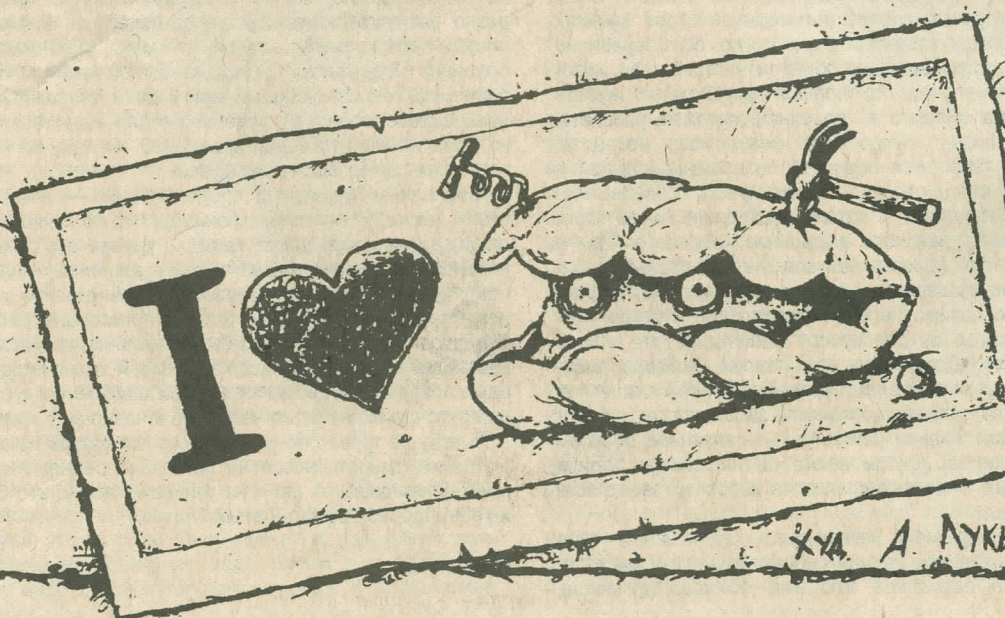
ва взять на воспитание сиротку, так как сама выросла сиротой при живых родителях и знает, как растить сиротку — ку-ку.

11. Но милиционер медведь мл. лейтенант Володя в ответ на это запер камень в сейф, так как он показался ему похожим на бельевую пуговицу — на вопросы не ответил, ни есть, ни пить не просил и сиротой не выглаждал, а, наоборот, блестял как новый.

12. А моллюск Адриан откопал в камыши, справедливо полагая, что со временем все забудут про него, и занялся проверкой бухгалтерии моллюсков «Гринписа».

P.S. И так оно и произошло в результате драки между жуком-солдатом Андреичем в сцеплении с женой Веркой, с одной стороны, и сестрой Андреича Лидой.

Предыдущие «Дикие животные сказки» №№ 22—35.

Худ. А. Лукьянчиков

Георгий КИЗЕВАЛЬТЕР:

«ПОРА СНОВА В ПОДПОЛЬЕ!»

Не нужен я. И ничего не нужно. Никто не требует от меня ничего.

А.Родченко

Фразу из дневника Родченко за 1938 год мне процитировал известный московский художник Георгий Кизевальтер. Дальше он продолжал столь же горько, но своими словами:

— Ситуация в культуре настолько странная, что ее мало назвать ситуацией «незаинтересованности». Интерес к живому искусству теперь сменился интересом к живым деньгам, да еще, может быть, к живой плоти. Такого уныния и тупости в художественной жизни я не ощущал никогда — даже в самые «темные» и опасливые годы партийного безбрежья и культурного малоземелья всегда оставался свет в чьем-то окошке.

Свет, горевший в окошках лидеров «московского романтического концептуализма», в число которых входили в середине 70-х годов 15—20 художников и поэтов (Кабаков, Булатов, Пивоваров, Монастырский, Рубинштейн и др.), был весьма ярким. Пик застоя, все молоды, активны, энергичны. Идей множество, информации о внешнем мире — минимум, книги передаются друг другу из-под полы, статья в полуподпольном искусствоведческом журнале «А—Я» тянет на статью УК. Чем-то похоже на тюремные университеты, где каждый обучает сокамерников тому, что знает сам. Достал, скажем, кто-то альбом известного французского авангардиста Дюшана — все собираются на квартире, рассматривают и знают, что тем самым протестуют против режима да к тому же проводят художественную акцию. Чтобы понять, что это не было ни смешно, ни жалко, надо было

прожить ту — их жизнь.

Жизнь, в которой участники группы «Коллективные действия» (в нее входил Кизевальтер) тащились за город, чтобы вывесить среди заснеженного поля лозунг типа «Я ни на что не жалуюсь, несмотря на то, что я здесь никогда не был и не знаю ничего об этих местах». Или запустить шарик со звонком внутри, оглашающий веселой трелью пустынные окрестности. Или заставить приехавших из Москвы друзей вытягивать из леса семь километров веревки, намотанной на катушку, которая спрятана среди деревьев. А то и просто заманить приятелей на мороз за город, чтобы раздать им справки об участии в акции... Перформансы «Коллективных

действий» — по выражению Е.Бобринской, «русский пейзаж с буддийской покладкой». — доказывали, что невозможное в искусстве возможно. Переход тонкой грани между реальностью и искусством совершался незаметно и легко. И, конечно, это было просто весело.

Не менее увлекательно было устраивать квартирные выставки, по-нынешнему тусовки, — «АПТ-АРТ». Тогдашние непризнанные гении, ставшие сегодня лидерами культурного истеблишмента, показывали друг другу свои новые работы, сами писали друг о друге статьи, сами выпускали журналы и сборники, посвященные друг другу же. Истинно «концептуальная» деятельность. Были и свои любимые идеи, например,

«автор-персонаж». Первый, среди придуманных Кизевальтером, — Вася Белов — шофер, мечтавший с детства стать журналистом. В импровизированном музее этого героя были выставлены документы трагического архива — от медицинских справок для поездок в пионерлагерь до первых заметок в стенгазету. Позже была серия «Для служебного пользования», в которую входили работы, написанные якобы военным в отставке, который рисовал на картах, используя всяческие военные условные знаки и задерживая шторками то, что, по его мнению, зрителям видеть не положено.

Вообще, Кизевальтер участвовал в куче выставок. Только считая с 86-го года не меньше чем в сорока. Его работы экспонировались в Чикаго и Мюнхене, Гамбурге и Ганновере, Берне и Амстердаме, Франкфурте, Мадриде, Токио и даже Гонолулу. И сюжеты выставок были всегда хорошо придуманы. Как-то раз, например, он объединил в одном зале работы свои и собственного прадеда, полного тезки — Георгия Дмитриевича Кизевальтера. Даже друзья не верили, говорили — все сам нарисовал. Предок, как выяснилось, был выпускником Академии художеств, хотя и не получил диплома свободного художника — только разре-

Г. Кизевальтер. Без названия. Из серии «Разрушенные надежды».

шение работать учителем рисования. Строго было с художниками. Сам Кизевальтер окончил филологический факультет пединститута и до сих пор иногда занимается переводами. Художественное образование (как и умение рисовать, хотя к Георгию это не относится) нынешним художникам не требуется. Надо уметь сочинять концепции. Тут может идти в ход все, что угодно: прадедушка или родители (серия «Разрушенные надежды», посвященная отцу-геологу), плакаты и газетные статьи, социальные проблемы и мудрость классиков. Все это, перемешанное и одобренное иронией, составляет замечательное блюдо современного искусства. Главное, не забывать смеяться и над собой. Вот была, например, у Кизевальтера серия «Критик внутри картины», где по краям работ были изображены зрители и искусствоведы в штатском, которые высказывали разнообразные соображения вроде: «Такие картины могут рисовать только безнравственные люди», «Сейчас все так малюют» или «Это может быть понятно народу». Мнения часто взаимоисключающие, своего рода каталог стереотипов восприятия.

Вспоминая свои работы, Кизевальтер оживает, то и дело посмеивается. Наверное, он мог бы сыграть роль критика внутри своего творчества.

Но разговор то и дело съез-

жает на другое, грустный его рефрен — раньше было лучше, раньше было веселее.

— Когда-то я говорил — меня беспокоит коммерциализация искусства. Теперь могу сказать — меня беспокоит отсутствие денег. Шутка. Серьезно — меня беспокоит, что никому ничего не интересно.

Кажется, что время, когда художники могли говорить не только о ценах на работы, но и о самих работах, прошло. Очевидно, сейчас, в эпоху раннего капитализма, начинается новая эра существования творческой интеллигенции. Драматург Радзинский по этому поводу недавно очень точно заметил, что «демократии» и свободы стало так много, что интеллигенция оказалась не нужна. Ей снова приходится привыкать работать для себя — теперь уже не для друзей, а действительно для себя! — не ожидая никакой сиюминутной выгоды. Или искать менеджеров и продюсеров с конкретными заказами. Либо вообще переходить к другим источникам доходов. К такому состоянию, кстати, совершенно естественно на Западе, мы еще не привыкли, и поэтому многие пребывают в полной растерянности и тоске.

— А может быть, дело просто в спаде в артбизнесе, люди перестали покупать картины...

— Рецессия везде одинакова — и на Востоке, и на За-

паде. Но там это явление, как все надеются, временное, ибо значение современного искусства понимают даже те, кто никогда не ходит на выставки и никогда не покупает картины. А у нас так и не сложилась инфраструктура художественной жизни. Галерей много, а толку — чуть. У нас основная масса «нуворишей» и не думала начинать собирать коллекции: престиж все еще не в искусстве, престиж в «Мерседесе» и в обеде в «Савое»... Если на Западе журналы по искусству урезались, но продолжают давать обзоры выставок и статьи о художниках, то у нас практически ничего не издается, а газетные публикации, как правило, ограничиваются номинацией новых «звезд» и «очередных успехов» галерей даже без претензии на искусствоведение. Зачем вновь и вновь сожалеть о том, что молодые художники продолжают «открывать Америку» и перепевать эксперименты 10- и 20-летней давности как западных, так и здешних коллег? Все равно никто ничего не понимает — даже среди искусствоведов наберется всего пять-шесть специалистов, понимающих и по-настоящему знающих действительную историю современного искусства, а остальные (все очень милые и симпатичные люди) тянут лишь на кураторов и «журналистов». И ведь абсурд нашей ситуации в том, что никто не виноват! Никого «современному искусству» как предмету не учили. Многие имена и работы известны лишь «посвященным»...

Впрочем, есть действительно замечательные галереи и прекрасные кураторы: В.Левашов и его «1-0», например... Ей-богу, не хочется брюзжать, что все у нас так уж плохо. Просто, как всегда в России, все проговаривается со множеством «но», «если», «теоретически возможно», «надо подумать» и т.п.

Вот «как бы» есть у нас Музей современного искусства А.Ерофеева — хотя здания нет и вряд ли в этом веке будет. Но это единственная организация, которая продолжает формировать коллекцию; со скрипом, конечно, получает фонды от Минкульта и «вроде бы» платит художникам. Другие вообще не платят, как ВХПО им. Вучетича. Рефрен один, как везде сейчас: «Нет денег!» Да-а, бедные мы все, бедные!.

— Когда человек с такой горечью и болью жалуется на общий фон и социальные бе-

ды, это обычно значит, что у него масса личных проблем.

— А у кого их нет? Я даже мастерской не имею. Зато трое детей, и все — в разных странах. Каждому хоть по сто долларов надо послать.

— Вы говорите, что никому ничего не интересно. Чужие выставки раздражают самоповторами, друзья — неожиданной меркантильностью. Свои выставки устраивать бессмысленно — никто ничего не покупает, а журналисты некомпетентны... А что вам все-таки сейчас интересно?

— Вообще-то многое. Мне, например, интересно, что Игорь Сукачев не только поет в своей группе, а еще и фильм снимает. Это очень «симптоматичное» явление, как сказали бы раньше. И я бы сейчас с удовольствием занялся, скажем, изданием изысканного эротического журнала, как мы планируем с приятелем, — если получится, конечно.

Но больше всего меня интересует то, что происходит внутри меня. Мне сейчас нравятся раздваиваться, растраиваться и быть одновременно в нескольких местах. Скажем, сейчас я нахожусь в «Шеллинг-салоне» в Мюнхене, где бывали и Ленин, и Гитлер, и многие из наших художников. Там полутьма, отличное темное пиво, приглушенные взглясы от бильярдных столов, симпатичный баварец-официант, какие-то картинки на исторические темы на стенах... А еще я на атолле Маджуро, на Маршалловых островах: здесь белый песок, пальмы с шершавыми стволами, нежно-голубое море у ног, темнокоричневые ласки, полная отрешенность... А еще тут, в Москве, сижу за столом, с вами разговариваю... Зачем все это? А нужно научиться выходить из старой оболочки, хотя бы на время. Уже нельзя работать по-старому. Бессмысленно. Никому не нужны картины, кроме как в спальню и на кухню. Никому не нужны выставки. Пора снова уйти в подполье — не навсегда, на время, и тихо работать, делать что-то «чужое», неопределимое, самому себе непонятное. Так еще Дюшан предсказывал, или рекомендовал, если хотите... И тогда, может быть, возникнет Искусство, а когда в нем появится потребность, можно будет и показать его всем остальным...

Марина ГЕОРГИЕВА

Г. Кизевальтер.
Псу под хвост

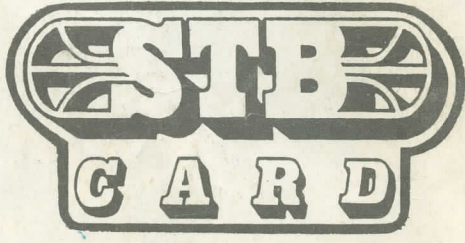

Георгий КИЗЕВАЛЬТЕР. Спи спокойно

Георгий КИЗЕВАЛЬТЕР. Обучайте детей правильному обращению с огнем

БАНК СТОЛИЧНЫЙ

- STB CARD** – оплата любых, в том числе валютных товаров с рублевых счетов.
- STB CARD** – абсолютная надежность и безопасность, полная тайна вклада.
- STB CARD** – Ваша респектабельность.

113095, Москва, ул. Пятницкая, 72.
 Тел.: 236-85-50, 236-80-57, 236-81-80.
 Факс: 236-83-20.